

P. o. russ.

106

i

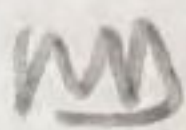

Р. о. т. м. 1066

а. ф. о. с.

D
29676

<36632045870016

<36632045870016

Bayer. Staatsbibliothek

12

二

۴۰

9

A red seal impression, likely a collector's or library's mark, located at the bottom center of the page.

合

К 84

Александръ Кругловъ.

ЛѢСНЫЕ ЛЮДИ.

ОЧЕРКИ И ВНЕЧАТЛѢНІЯ.

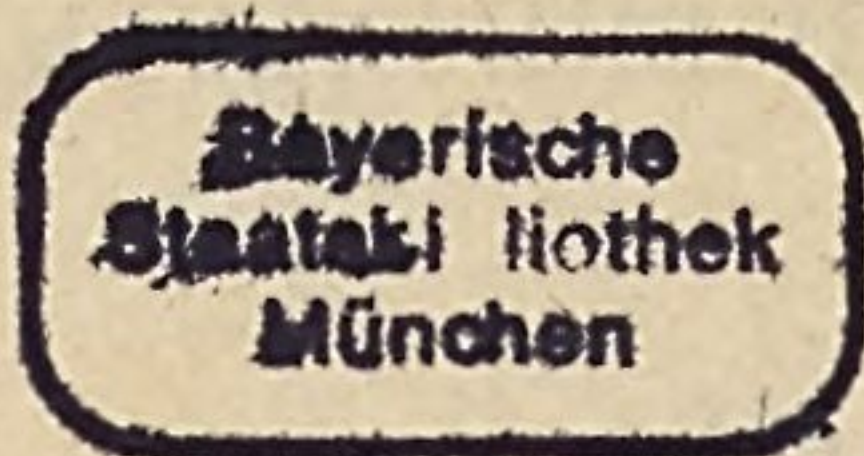
(1883 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Д. О. ФЕДОРОВА (СЫНА).

—
1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	IX
Г л а в а I. Лѣсомъ. — Чичеръ. — Человѣкъ безъ головы. — Тырмасъ. — Деревенскій шлагбаумъ. — Деревня. — Пэ- дэръ Чиркъ	13
Г л а в а II. Зырянскія керки. — Керка Чирка. — Встрѣча. — Зырянскіе Штолцы. — Въ керкѣ. — Пріѣздъ новыхъ гостей	18
Г л а в а III. Становой-статистикъ. — О. Анфимъ	24
» IV. Лѣсное царство	29
» V. Прошлое лѣсныхъ людей. — Св. Стефанъ. — Его календарь	35
» VI.хлопоты молодой хозяйки. — Боязнь фотогра- фіи. — Кража тѣни. — Мое ружье и винтовка Пэдэра. — Сельскій учитель. — Отъѣздъ о. Анфима и становаго	40
» VII. Сынъ Пэдэра. — «Казна нуа» — было да про- шло, и быльемъ поросло. — Честность на промыслѣ. — Звѣрь прежде и теперь. — Приказъ по дому	48
Г л а в а VIII. Зырянскій клубъ	53
» IX. Зыряне-противники «мундирной медицины». — Медицина въ прошломъ. — Что дало новое время. — Курьезы и трагическіе случаи. — Своя медицина. — Ле- ченіе отъ лихоманки. — Всеисцѣляющая пакула. — Зы- рянскій Боткинъ	58
» X. Въ гостяхъ у Батанова. — Чистописаніе въ ле- жащемъ положеніи. — Кадки-столы. — Довольство учи- теля учениками. — Наклонность зырянскихъ мальчи-	

ковъ къ математикѣ.—Феноменальный маленькій математикъ.—Любовь къ чтенію.—Популярность Майп-Рида.—Зыряне - индѣйцы. — Кошки, собаки и мыши въ роли плѣнныхъ янки.	64
Г л а в а XI. Разсказъ учителя.	69
» XII. За чаемъ. — Переполохъ.—Приплыла порча.—Недовѣріе Пэдэра и Пэтырэ.—Испугъ жены Пэдэра.—Презняя порча.—На рѣчкѣ. — Разговоры.—Мы рѣшаемъ вопросъ съ учителемъ.—Чѣмъ оказалась порча? Радость и недовольство	73
» XIII. Приготовленія къ «осеннему лѣсованью». — Охотничьи партіи.—Прежде и теперь. — Дѣленіе зырянской охоты.—Я сближаюсь съ лѣсными людьми.—Шутки надъ бариномъ.—Кузь и Одэ. — Свобода дѣвушки. — Вѣрность факта и ошибочность вывода.—Строгая нравственность замужней зырянки	80
» XIV. Зырянскіе люди. — Норты. — Лыжи.—Лыжный посохъ.—Еще о ружьѣ «Матка»	86
» XV. Не ружье, а умѣнье. — Приученіе съ дѣтства къ ружью и охотѣ.—Маленькій зырянинъ и его забавы.—Подарки сыну.—Случай на крестинахъ.—Дорогое по счету	90
» XVI. Окончательныя приготовленія къ лѣсованью.—Выборъ невесты Пэтырэмъ.—Въ часовнѣ.—На крестинахъ.—Братчина.—Отъѣздъ.—Зырянская собака	94
» XVII. Въ пути. — Наружность зырянъ вообще. — Одежда.	107
» XVIII. Новая остановка. — Осеннее утро. — Меня угощаютъ. — Гостепріимство зырянъ.—Примѣры зырянскаго гостепріимства. Пэтырь отдѣляется отъ партіи	113
» XIX. Дальнѣйшее плаваніе.—На сушу.—Ягъ и Ягъ-Мортъ.—Зима.—На мѣсто	120
» XX. Пывзанъ.—Поэтическая жилка въ зырянахъ. — Картины зырянской природы. — На новосельи. — Щамья	128
» XXI. На рябчика.—Пищакъ.—Петли.—Хитрость зы-	

рянина-охотника.—Чѣмъ меньше изъяну—тѣмъ лучше.—Колпаки.—Бичевочники.—На отдыхъ.—Загадка.—Зырянская пѣсня.—Тревожная ночь	135
Г л а в а XXII.—Урка	142
» XXIII. О Мишѣ Топтыгинѣ	153
» XXIV. Испорченный охотникъ.—Колдуны.—Воронъ.—Чокидчись.—Вѣдьмы.—Вѣдьма-крыса.—Темные духи.—Еще о колдунахъ	157
» XXV. Любовь къ гаданьямъ.—Разныя гаданья.—Въ зеркалѣ—судьбу найдешь.—Меркуль—спирить своего рода.—Предразсудки.—Явленіе природы и ихъ объясненіе зырянами	166
» XXVI. Человѣкъ и его зависимость отъ климатическихъ условій.—Зырянинъ-земледѣлецъ, огородникъ и скотоводъ.—Зырянскія рѣки и рыбы.—Стерлядь и семга.—Кужами.—Крылены.—Ловля въ куряхъ.—Сырпомъ.—На Брусяной горѣ.—Работа на заводахъ.—Судостроеніе и бурлачество.—Лѣсопромышленность.—Зырянинъ-ремесленникъ.—Зыряне въ Петербургѣ .	175
» XXVII. Зырянскій языкъ и его нарѣчія.—Бѣдность зырянскаго языка.—Его благозвучіе.—Народная поэзія.—Пѣсни.—Образцы словеснаго зырянскаго творчества.—Диковинка зырянскаго слова.—Преданія и сказки.—Загадки	133
» XXVIII. Послѣдніе дни лѣсованья.—Обратный путь.—Въ деревнѣ	194
» XXIX. — Праздники.—Бракъ.—Отъѣздъ.—Столица «Зыряндіи».—Сѣверное сіяніе.—Послѣднее слово	199

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Безспорно—зырянскій народъ по своимъ особенностямъ, обусловливаемымъ его происхожденіемъ и вліяніемъ природы занимаемой имъ страны, заслуживаетъ извѣстности едва ли не болѣе, чѣмъ другія народности, обитающія въ сѣверо-восточной части Европейской Россіи. На самомъ же дѣлѣ зыряне извѣстны гораздо менѣе всѣхъ другихъ русскихъ инородцевъ. Зырянскій край — *terra incognita* не только для тѣхъ, кто вовсе не изучалъ географіи. „Зыряне... зырянскій край... что это такое?“ вы шутите: я никогда не слыхала такихъ людей!“ воскликнула знакомая мнѣ дама, обладательница институтскаго диплома. Одно лицо напр. смѣшало зырянъ съ остяками, а другое серьезно доказывало, что зыряне—тѣ же самоѣды, только уже не кочевые, а переселившіеся нѣсколько южнѣе. Мнѣ приходилось даже слышать мнѣніе, что зыряне — это

„обрусѣвшіе татары, потомки сибирскихъ, изгнанныхъ Ермакомъ.“ Идти ли дальше?

Нельзя, однако, сказать, чтобы о зырянахъ ничего не писали.

Въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (Арх., Вологодск. и Вятскихъ), — за старые года, разсѣяно не мало статей, написанныхъ дѣльно, какъ напр. статьи Кошкарова, гг. Поповыхъ, Куратова, Латкина, Кичина и др. Есть очерки съ печатью художественнаго яркаго таланта (наброски О. Берга, Ю. Волкова и Ф. Арсеньева). Но кто изъ обыкновенныхъ читателей будетъ рыться въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“? И гдѣ ихъ достать, если полного экземпляра „Вѣдомостей“, со дня ихъ существованія, нельзя найти даже въ Императорской Публичной Библіотекѣ? Можно найти въ журналахъ и еще два-три этюда, которые затерялись въ массѣ другого матеріала. Есть солидный очеркъ — сводъ мнѣній о зырянахъ — принадлежащій К. Попову, но онъ отпечатанъ въ спеціальному изданіи, совсѣмъ не распространенномъ въ публикѣ. Помимо замѣтокъ, разбросанныхъ въ провинціальныхъ „Вѣдомостяхъ“, — есть сочиненіе, изданное отдѣльно. Эта, прекрасно написанная, книжка принадлежитъ Ф. А. Арсеньеву и называется — „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“. Но авторъ касается вскользь всего, что въ промысловъ, и то охотничьихъ.

Моя цѣль — совсѣмъ иная. Я хочу познакомить съ зырянами *обыкновеннаго читателя*, познакомить болѣе или менѣе подробно, въ легкой формѣ этнографическаго разсказа, столь удачно выбранной нашимъ почтеннымъ, высокоталантливымъ собратомъ, Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко. Этотъ художникъ-этнографъ не обошелъ и моихъ сородичей — зырянъ, въ своей книгѣ „Страна холода“; но онъ коснулся ихъ совсѣмъ слегка. Пользуясь трудами другихъ писателей о зырянахъ, а *также устными разсказами знающихъ людей и собственными впечатлѣнiями*, — я надѣюсь нѣсколько подробнѣе и всестороннѣе познакомить читателя съ племенемъ „коми-войтырь“ — „лѣсными людьми“. Мнѣ удалось добыть нѣсколько новыхъ свѣдѣнiй, и между прочимъ три пѣсни, неизвѣстныя даже такимъ знаатокамъ зырянскаго слова, какъ Ю. Волковъ и И. Куратовъ. Желая познакомить читателя болѣе или менѣе подробно, я все же многое долженъ упустить, избѣгая суши и той детальности, которая могла бы показаться скучной и придать совсѣмъ иной характеръ очеркамъ.

Необходимымъ считаю сдѣлать еще одну оговорку. Все, что я рассказываю, касается зырянъ вологодскаго края, и отнюдь не распространяется на зырянъ-ижемцевъ, описанныхъ уважаемымъ С. В. Максимовымъ. *Ижемцы* рѣзко отличаются отъ вологодскихъ

зырянъ, какъ образомъ жизни, такъ и характеромъ, нарѣчіемъ и многими др. свойствами. Прошу припомнить читателя то, что говоритъ С. В. Максимовъ объ ижемцахъ — эксплуататорахъ самоѣдовъ. Ижемецъ — кулакъ, купецъ, обладатель оленьихъ стадъ; это народъ — уже утратившій ту простоту, которая и до сихъ поръ бросается въ глаза наблюдателю быта вологодскихъ зырянъ. Эти послѣдніе нерѣдко даже недружелюбно относятся къ ижецамъ, называя ихъ — „плутами, торгашами“. Впрочемъ, *всѣхъ ижемцевъ* — не болѣе 8,000 челов. обоего пола.

Въ заключеніе еще два слова о предлагаемыхъ очеркахъ. Отдѣльныя главы ихъ въ разное время печатались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: — „Пчелѣ“, „Русскомъ Мірѣ“, „Руси“ (И. С. Аксакова). Затѣмъ въ московской иллюстрированной „Россіи“ очерки печатались уже въ цѣлостномъ видѣ, въ томъ самомъ, въ какомъ они предлагаются здѣсь. Но вслѣдствіе прекращенія журнала, они оборваны на 16-й главѣ. Такимъ образомъ дальнѣйшія главы являются теперь въ первый разъ.

А. Кругловъ.

Новгородъ.
1886 г.
5 сентября.

ЛѢСНЫЕ ЛЮДИ.

Вся эта ширь, вся эта даль
Была когда-то не такой!
Тоска беретъ... Былого жаль!
Богатымъ былъ мой край родной!
Гнѣздилися звѣрь въ его лѣсахъ,
И звѣрю не было числа;
Въ его озерахъ и рѣкахъ
Сплошной стѣною рыба шла.

В. Н. Д.

Зыряне зовутъ себя: коми-войтырь,
что значить «лѣсные люди».

(Изъ Памятной книжки
Вологодской губ.).

I.

Лѣсомъ.—Чичеръ —Человѣкъ безъ головы.—Тырмась.—Деревен-
скій шлагбаумъ.—Деревня.—Пэдэръ Чиркъ.

Долгое время мнѣ пришлось ѣхать лѣсомъ...

Глухо шумѣлъ онъ при сильномъ вѣтрѣ, и услуж-
ливое эхо повторяло мрачный ропотъ лѣсныхъ велика-
новъ. Иногда становилось такъ темно, что казалось
ночь мгновенно смѣняла день. Но вотъ опять насту-
пала *рѣдь*, и свѣтъ, робко сначала, а потомъ все шире
и свободнѣе, разливался вокругъ.

Мы ѣхали уже третій день.

А осень—несносная, непривѣтная царила вокругъ.

Въ третій разъ спустились на землю холодныя, пасмурныя сумерки. Даже на прогалинахъ всѣ предметы, перемѣшиваясь между собою, сливались во что-то безразлично-тусклое. Мелкій дождь, называемый по-зырянски «чичеръ», такъ и сѣялъ, прохватывая сыростью тѣло и наводя тоску на душу.

— Да поѣзжай ты скорѣе! крикнулъ я раздраженно ямщику, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сидѣвшему на облучкѣ и напѣвавшему себѣ подъ носъ какую-то зырянско-русскую пѣсню.

— Гай, гай, ветлы! дергая возжами, промывчалъ ямщикъ, сдѣлавшій это для очистки совѣсти, а вовсе не изъ желанія ѣхать скорѣе.

— Много ли еще осталось? спросилъ я.

Онъ молчалъ.

— Слышишь иль нѣтъ? крикнулъ я съ нетерпѣніемъ.

— Ну? отозвался возница.

— Скоро-ли конецъ?

— Скоро... вишь вотъ.

Онъ указалъ рукою направо.

— Ридь (рѣдь), пробуркнулъ онъ, какъ бы въ поясненіе.

Лѣсъ дѣйствительно начиналъ рѣдѣть, что служило несомнѣннымъ признакомъ того, что жилье было уже не далеко.

— Гай, гай, ветлы, ветлы! вдругъ неистово-громко заоралъ мой ямщикъ и началъ бить своихъ маленькихъ лошадокъ длиннымъ узловатымъ кнутомъ.

Тѣ понеслись изо всей силы; телѣга запрыгала, и я чуть не вылетѣлъ изъ нея.

— Куда ты? стой!

Но ямщикъ продолжалъ кричать: гай, гай, а лошади бѣжали такъ, какъ понеслись бы онѣ, спасаясь отъ стаи волковъ.

Это продолжалось минутъ десять. Потомъ ямщикъ крикнулъ какое-то новое слово, и лошади пошли по прежнему чуть не шагомъ.

— Зачѣмъ ты понесся вдругъ какъ сумасшедшій? обратился я съ вопросомъ къ зырянину.

— А мѣсто такое, потому, — отвѣчалъ онъ.

— Какое мѣсто?

— Худое мѣсто... онъ тутъ ходитъ... завсегда надо скорѣй... особливо темно если....

— Да кто онъ?

— Онъ самый... безъ головы.... человѣкъ безъ головы.

Что за чепуха, подумалъ я, и попросилъ ямщика объяснить, въ чемъ дѣло.

— Да ужъ давно то было, отрывисто и грубовато началъ онъ. Жили два друга, пріятель...

— Ну, ну!...

— Жили вмѣстѣ, охотились... Разъ вмѣстѣ пошли... Только обоимъ, стало, одна дѣвка понравилась... одна обоимъ.

— Хорошо, понимаю.

— Вотъ пошли вмѣстѣ, сталъ одинъ у ручья воду пить... наклонился, а другой и отрубилъ ему голову. Голова въ ручей упала, и не нашли ее; онъ на берегу

остался... Другъ ушелъ... Его схоронили, и вотъ онъ теперь все ходитъ безъ головы, ищетъ свою голову.

Послѣднюю фразу ямщикъ уже договорилъ чуть не шопотомъ.

Я попробовалъ было разубѣдить, но онъ не сталъ и спорить со мною — произнесъ только: «это вѣрно». Такъ крѣпко было въ немъ убѣжденіе, что человѣкъ безъ головы ходитъ около своей могилы.

Гдѣ-то невдалекѣ жалобно прокричала лѣсная птица... Глухой звукъ прошелъ по лѣсу. Дебрь все болѣе и болѣе рѣдѣла.

— Вотъ это ладно, произнесъ ямщикъ довольнымъ тономъ.

— Что это?

— Доберемся до теми, а то неповадно... онъ можетъ... извѣстно — безъ головы!

Телѣга сильно качнулась, задѣвши колесомъ за большое срубленное дерево, лежавшее на дорожкѣ. Нѣсколько свѣжихъ пней замѣтилъ я по ту и другую сторону дороги. Сосна и другая—обѣ опаленныя снизу, но еще сохранившія зеленыя верхушки, а кругомъ нихъ—пространство обгорѣлой земли, покрытое золою и черными головнями.

— Во, ужъ близко и деревня... — вишь!

Ямщикъ указалъ на обнесенныя елями поляны, видѣвшіяся невдалекѣ.

Подвигаясь медленно, мы черезъ нѣсколько минутъ приблизились къ селенію, загроможденному безъ всякаго порядка. Лошади, измученныя ѣздой по трудной дорогѣ, замѣтно оживились, почувавъ скорый отдыхъ. Я былъ также сильно утомленъ и съ нетерпѣніемъ

ждалъ той блаженной минуты, когда наступитъ конецъ моему странствію, и я буду имѣть возможность сказать желанное слово: тырмасъ. Тырмасъ, т. е. довольно тащиться по кочкамъ, рытвинамъ и морю грязи; тырмасъ спать сидя, и каждую минуту опасаться быть выкинутымъ изъ телѣги въ канаву, ухабъ, а не то и очутиться въ пропасти.

Одному путешественнику пришлось ѣхать берегомъ какой-то зырянской рѣки. Направо залегала безпросвѣтная лѣсная чаща, налѣво прямо обрывалась береговая круча, а внизу подъ берегомъ темнѣла рѣчная глубь. Берегъ песчаный, подмытый, съ нависшими надъ кручью елями, поминутно осыпался подъ колесами. Камни и глыбы съ глухимъ шумомъ скатывались въ воду; слышался плескъ. Вдругъ подъ заднимъ колесомъ край берега рухнулъ — и было мгновеніе, когда колесо, оставшись почти на вѣсу, дрогнуло, и телѣга съ лошадьми и съ путешественникомъ готова была слетѣть въ воду съ пятисаженной высоты. Хорошо, что лошади рванули и вынесли, а то бы и сѣдокъ и ямщикъ совершили непріятное и опасное *salto-mortale* въ бездну.

Но вотъ мы поднялись въ горку, объѣхали рядъ полусгнившихъ сараевъ и остановились у деревенскаго шлагбаума, выражаясь проще — у отвода, ведущаго въ деревню.

— Открывай-же, хотѣлъ я сказать ямщику, но это было уже напрасно.

Босоногій мальчишка, выросшій словно изъ земли, проворно отворилъ отводъ, и мы въѣхали въ самую де-

ревню. Я бросилъ мальчугану нѣсколько копѣекъ; онъ быстро исчезъ за угломъ первой хаты.

Удивительно странно построена деревня. Избы расположены безъ соблюденія всякой правильности; онѣ близко примыкаютъ одна къ другой, и притомъ такъ, что упираются задомъ или угломъ, — точно непримиримѣйшіе враги между собою. Немного въ сторонѣ, вправо отъ крайней избы, стоитъ деревянная часовня, въ которой раза два въ годъ совершается богослуженіе.

— Куда тебѣ ѣхать-то? къ Чирку, што-ль?

— Сказалъ, къ нему, — знаешь?

— Эво! кто жъ ево не знаетъ! Чирка всякій знаетъ!

Пэдэръ Чиркъ, зажиточный зырянинъ и лучшій мѣстный охотникъ, года три тому назадъ познакомился со мною. Мой двоюродный братъ зналъ его уже лѣтъ десять; только это давнишнее знакомство и было причиною того, что я скоро сошелся съ Чиркомъ, скрытымъ по натурѣ, какъ и всѣ зыряне.

Онъ звалъ меня въ гости посмотрѣть ихъ житиѣ-бытѣ. Я воспользовался свободнымъ временемъ и завернулъ къ нему.

II.

Зырянскія керки. — Керка Чирка. — Встрѣча. — Зырянскіе Штольцы. — Въ керкѣ. — Пріѣздъ новыхъ гостей.

Керка (изба) Чирка построена по обыкновенному зырянскому шаблону. Зырянскія жилища отличаются массивностію, — видно, что край лѣсной; всѣ пристройки

сосновыя; изъ ели даже и сараи строятся рѣдко. Плановъ зыряне не вѣдаютъ, фундаментовъ не знаютъ. Строятся избы такъ: первоначально ставятся два сруба, для двухъ отдѣльныхъ избъ, въ разстояніи сажени одинъ отъ другаго, причемъ срубы бывають вышиною до 3-хъ сажень. Въ половинѣ вышины ихъ настилаются полы изъ цѣлыхъ бревенъ и сверху ихъ другіе изъ расколотыхъ на-двое толстыхъ плахъ. Аршина на полтора выше пола прорубаются окна, по три съ каждой изъ двухъ сторонъ, обращенныхъ на улицу и дворъ. Окна по большей части маленькія, причемъ среднее прорубается нѣсколько выше двухъ другихъ. Когда поставятъ двѣ избы, то приступаютъ къ устройству сѣней; онѣ дѣлаются между избами и забираются бревнами.

Такъ же построена и керка Чирка, съ тою только разницею, что въ окна были вставлены хорошія стекла, а не маленькіе обломочки, склеенные между собою, какъ это часто встрѣчается въ зырянскихъ избахъ. У самыхъ бѣдныхъ еще и не то бываетъ: рамы обтягиваются просто бычачьими пузырями...

Только что наша телѣга успѣла остановиться у дома Чирка, какъ звякнула щеколда, изъ керки выбѣжалъ низенькій, коренастый мужичокъ, довольно красивой, хотя и угрюмой наружности, одѣтый въ набивную рубаху-косоворотку и въ коротенькій тулупъ въ накидку. Чуть-чуть рыжеватые волосы подстрижены въ кружокъ.

— Чоломъ видзя, произнесъ онъ почтительно, низко кланаясь мнѣ.

— Не узнаешь, Пэдэръ? сказалъ я, сбрасывая съ

себя шубу, которою прикрылся въ дорогѣ отъ вѣтра и сырости.

Чиркъ подошелъ близко къ телѣгѣ и вскинулъ на меня свои каріе, немножко лукавые глаза.

— Ахъ, батюшки! воскликнулъ онъ, всплескивая руками, и почтительное выраженіе лица перешло въ ласково-добродушное.

— Узналъ?

— Александръ Васильевичъ! это какими вѣтрами занесло тебя въ наши дебри?

— Попутными, Пэдэръ; а ты и не радъ гостю?

— Ой, чтой-то! Да развѣ можно такъ обижать бѣднаго *морта* (человѣка), — бѣдную дебряную чучелу?

Чиркъ, долгое время жившій среди русскихъ, хорошо говорилъ по нашему, и даже любилъ порою выражаться про себя и своихъ такъ: «мы — лѣсные люди, чучелы дебряныя». Разумѣется, шутя, а серьезно онъ не смотрѣлъ такъ на себя и земляковъ.

— Да я шучу, Пэдэръ... полно!

— Понапрасну, Александръ Васильевичъ... Истинно!... А я тебя ишь какъ почетно встрѣтилъ...

— Да, да... за кого это ты меня принялъ?

— Да за становаго или за Штольца прямо... Обоихъ ждемъ... Первый-то безпремѣнно сегодня долженъ прибыть.

— Ахъ, Штольца! засмѣялся я... Который это у васъ Штолецъ-то?

— А ужъ, право, и не знаю, — отвѣчалъ Чичеръ: — много ихъ перемѣнилось.

Здѣсь надо нѣсколько объясниться. Дѣло вотъ въ чемъ. Лѣтъ двадцать — если не больше — тому назадъ

въ зырянскомъ краю былъ судебный слѣдователь Штольцъ. Зыряне такъ привыкли къ этой фамиліи за долгіе годы, что употребляли ее вмѣсто слова слѣдователь. Штольца перевели куда-то; пріѣхалъ новый слѣдователь, кажется, Иваницкій, а зыряне и его стали звать Штольцемъ: «къ намъ-де новый Штольцъ пріѣхалъ», — желая этимъ сказать, что прибылъ новый слѣдователь. И съ тѣхъ поръ всѣхъ слѣдователей начали звать Штольцами.

Мы вошли съ хозяиномъ въ керку; за нами слѣдовалъ ящикъ съ моимъ чемоданомъ.

Внутреннее расположеніе дома было почти такое же, какъ и вообще у русскаго крестьянина. Мало чѣмъ отличается зырянская керка отъ русской избы. Сначала идутъ сѣни, почти всегда грязныя, заставленныя кадучками, бураками, заваленныя грудami большихъ и малыхъ мѣшковъ. Вправо — дверь въ избу, а прямо на *повѣть*, или сѣноваль, гдѣ кромѣ сѣна лежитъ разный крупный хозяйственный скарбъ. Дверь изъ сѣней въ избу — узенькая и низенькая. Въ избѣ подъ окнами кругомъ тянутся неширокія полки, на которыхъ лежитъ все, начиная отъ какой нибудь завалящей берестяной табакерки, щетинной чесалки и кончая амбарнымъ ключомъ; вокругъ стѣнъ ниже оконъ — деревянныя *лавки*, а около длиннаго стола, въ переднемъ углу — скамейки. Огромная печь занимаетъ чуть не половину избы. Къ печкѣ пристроено изъ толстыхъ досокъ подполье, называемое русскимъ словомъ — *голубецъ*.

Насъ встрѣтила пожилая женщина, еще сохранившая черты своей прежней красоты.

— Чоломъ видзя, сказалъ я.

— Лекте шойте, отвѣчала она быстро.

Произнеся это, она стремительно бросилась къ столу, схватила съ него ковшъ съ квасомъ, потомъ вытащила вѣникъ изъ - подъ печки, и принялась мести полъ, поднявши страшную пыль. Къ моему счастью подметаніе продолжалось не болѣе двухъ минутъ.

Бросивъ вѣникъ, она побѣжала куда-то изъ керки.

— Жена твоя?

— Сыди, гѣтырь (да, жена), отвѣчалъ Чиркъ почему-то по-зырянски. — А вотъ и дочь, сказалъ онъ. — Эй, Одэ, живѣе самоваръ!

Худенькая дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, хлопотливо засуетилась около самовара.

— Ну, что, какъ здоровье? спросилъ Пэдэръ.

— Слава Богу! Ты какъ?

— Живемъ... вотъ дочурка помогаетъ бабѣ... живемъ, старики.

— Ужъ и старики?

— А то нѣтъ? Мнѣ ужъ на седьмой идетъ.

Я не безъ зависти взглянулъ на Чирка. Седьмой десятокъ и такая крѣпость, такая бодрость, живость. Ни одного сѣдаго волоска! Я высказалъ это.

— Что-жъ такое, Васильевичъ? Лѣса, извѣстно, воздухомъ поятъ, силу крѣпятъ... А все-жъ кости годы чувствуютъ... Эхъ, вздыхая, промолвилъ Чиркъ: — было похожено, снѣгу помѣряно. Въ емъ спали, въ водѣ по суткамъ стаивали... болѣсть не диво.... не будь дебри — сгинуть надоть-бы!

— А пі кѣны? (сынъ гдѣ?) спросилъ я, припоминая кое-что изъ того, что зналъ по-зырянски.

Чиркъ усмѣхнулся.

— Разумѣешь по нашему, сказалъ онъ и отвѣтилъ:

— Пі ылынъ (сынъ далеко).

— Гдѣ-же?

— Подати въ городъ повезъ... казну отъ всего общества.

— И долго не вернется?

— А Богу какъ!... Невѣдомо... Надо-бы торопиться... въ лѣсованье пойдеть.

— И ты?

— Ужъ куды мнѣ! Петыръ идетъ.

— А мнѣ можно?

— Въ лѣсованье-то?

— Да.

— Чего же, можно!

На столѣ явилась закуска и самоваръ.

— Съ дорожки-то на здоровье!

— Спасибо, не откажусь.

— И доброе дѣло.

На столѣ были поставлены *ярушники* (лепешки изъ ячменной муки, намазанныя масломъ), толстыя щи и самъ *чиринянъ* — кушанья исключительно зырянскія. Толстыя щи — это толченый ячмень, разваренный въ водѣ, а чиринянъ — рыбный пирогъ: въ тонкій слой тѣста запекаютъ цѣлую рыбу, промытую, очищенную отъ внутренностей, но въ чешуѣ. Былъ поданъ и десертъ — бряква и рѣпа пареная, облитыя масломъ и сметаной.

Ярушники очень вкусны. Рѣпа и бряква — тоже. Щей, по моему, нельзя ѣсть. Чиринянъ вкусенъ, но ѣсть его надо умѣючи, и я отказался.

— Хорошій хлѣбъ, похвалилъ я.

— Слава Создателю! Безъ *качи* обойдемся нонѣ.

Охъ, эта кача! Кача — хлѣбъ изъ пихтовой и осиновой коры, съ небольшимъ подбавленіемъ муки. Кача — хлѣбъ; кача — каша. Я разъ только немного съѣлъ качи и думалъ, что схвачу воспаленіе въ кишкахъ. А ее ѣдятъ, ѣдятъ много!... И мрутъ же...

Явилась жена Пэдэра и стала разливать чай.

Вдругъ на дворѣ слышался звонъ колокольчика... Все ближе и ближе... Вотъ онъ звякнулъ громко и смолкъ у самыхъ оконъ.

— Пріѣхали!... Становикъ, либо Штольцъ! воскликнулъ Пэдэръ, и бросился бѣгомъ вонъ изъ керки, отдавъ на ходу женѣ какое-то приказаніе по-зырянски.

Та засуетилась.

III.

Становой-статистикъ.—О. Анфимъ.

Въ комнату ввалился маленькій, кругленькій человечекъ, который не шелъ, а какъ-бы катился, словно мячикъ. Жирный, двойной подбородокъ складкой лежалъ на воротникѣ тулупа. Мелкія черты лица были очень сдобны, если можно такъ выразиться; сочный, въ видѣ сливы, носъ съ сизоватымъ оттѣнкомъ, щеки въ видѣ двухъ булокъ. Глаза совсѣмъ спрятались въ узкія щели, откуда высматривали не безъ ироніи и лукавства.

Это былъ становой.

За нимъ вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ добродушнымъ, грубоватымъ лицомъ, высокій, плотный, съ медлительными движеніями. Глазки его щурились и улыбались. Когда онъ сбросилъ съ себя шубу и расправилъ волосы, стало ясно, что это священникъ.

— Пожалуйте, ваше скородіе! отецъ Анфимъ! Къ століку... Оде! Баба! Чаю ихъ скородію, и батюшкѣ! Да живѣе... знаешь...

— Ты это, Пэдэръ, на счетъ грѣющей водички въ бутылочкѣ?... Ха-ха-ха! Чудесно, засмѣялся становой, подкатываясь къ столу.

— Батюшки-свѣты! кого вижу! вскричалъ онъ, замѣтивши меня.—Господинъ, господинъ... вѣдь люди-то знакомые... Давно-ли изъ города?

— Прямо оттуда.

— Скажите, вотъ встрѣча-то! Зачѣмъ это сюда? а?...

— А вамъ надо знать? улыбнулся я.

— Полиціи все знать надо, подхватилъ, подходя, священникъ.

— Позвольте познакомиться, батюшка: господинъ (становой вспомнилъ и назвалъ мою фамилію). Отецъ Анфимъ, указалъ онъ рукою на священника.

Мы раскланялись.

— Такъ зачѣмъ, а? повторилъ становой.

— Не могу вамъ сказать: вѣдь вы полиція.

— Ну-у? развѣ по незаконному дѣлу?

— Почему знать? Можетъ быть съ пропагандой.

— Ха-ха-ха! залился полицейскій: — это сюда-то?... къ зырянамъ-то? Бадье, бадье гашмета... ха-ха-ха!... Да какого чорта они поймутъ?... Вотъ Пэдэръ еще знаетъ, а то—что чухна, ей Богу!

Онъ махнулъ рукою и добавилъ:

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ? Не для сочиненьевъ же?

— Для всего...—Поохотиться, посмотрѣть...

— Это занятно... Ахъ, люблю охоту!

— А вы-то зачѣмъ? спросилъ я.

— Зачѣмъ? Да вотъ...

Но онъ увидѣлъ, что несутъ водку, закуску и весело крикнулъ:

— А вотъ зачѣмъ... давайте-ка выпьемте по чашечкѣ!

Я отказался.

— О. Анфимъ?

— Немного можно во славу Божію... Да вы что же это, совсѣмъ не пьете? обратился онъ ко мнѣ.

— Пью, но не люблю, а теперь не хочется.

— Суру попейте, суръ отличный, предложилъ Чиркъ.

Отъ этого я не отказался. Люблю я *суръ* — зырянское пиво изъ ячнаго солода.

— А *уроша* (квасу) нѣтъ развѣ? спросилъ становой.

— Весь вышелъ, ваше скородіе! готовятъ... а вы любите нашъ квасокъ-то?

— Хорошъ онъ, чудно хорошъ... да и чиринянъ... тово... хорошъ, право! хвалилъ становой, выпивая вторую чашку водки и закусывая ее рыбнымъ пирогомъ.

Отецъ Анфимъ послѣдовалъ его же примѣру.

Стали потомъ пить чай.

— А я, изволите знать, вотъ зачѣмъ, заговорилъ Маниловъ (фамилія становаго), обращаясь ко мнѣ. Я по ученой статьѣ, такъ сказать... ха-ха-ха!

— По ученой?

— Да-съ. Статистику собираемъ, не шутите! Для науки трудимся, чувствуйте!

— Какую-же это статистику? полюбопытствовалъ я.

— Всякую.

— И языка не зная, захохоталъ, или скорѣе заготалъ о. Анфимъ.

Я улыбнулся неопредѣленно.

— Вѣрно говорить, — безъ языка, — подтвердилъ Маниловъ.

— Какъ же это?

— Очень просто... То есть, оно вовсе не просто... а всеже-таки отлично!

Онъ опрокинулъ въ ротъ третью чашку водки.

— Видите какъ это, докладывалъ онъ: — призовешь его, лѣснаго морта, и говоришь: сколько у тебя лошадей, примѣрно? Онъ тебѣ сейчасъ: Агы мышла и такъ далѣе до своей бадье договорится. «Будеть» — крикну; покажу ему два или одинъ палецъ и спрашиваю: такъ? Онъ буркнетъ. И пишу: лошадей — двѣ.

— Однако статистика! засмѣялся я. — Какая же это статистика?

— А настоящая, милостивый государь, — расcейская! И лучше у насъ не бываетъ. Да это здѣсь что: плѣвое дѣло! А вотъ, бывало, у козелъ рекрутовъ принимаешь... — Какъ тебя зовутъ? спрашиваешь. Перфи... и поидетъ... Брань это у нихъ, что ли. Ладно!... Мы по своему: катай — Перфиль! — А ты? — Опять Перфи... катай опять Перфиль. И перепишемъ. Разъ пріѣхалъ генералъ, посмотрѣлъ списокъ и говоритъ: что это такое: все Перфилы?

— Точно такъ-съ, говорю, ваше прев-ство!

— Удивительно!

— Удивляйся, думаю, на здоровье, а я свое сдѣлалъ... ха-ха-ха!

— Однако, замѣтилъ я.

— Что дѣлать, батюшка? служба!...

— Нѣтъ, что я скажу вамъ,—произнесъ о. Анфимъ, отдуваясь:—когда я пріѣхалъ въ сей-то край, такъ по ихнему ни слова не разумѣлъ.. И они также по нашему... вотъ, выйду говорить поученіе—слушаютъ. Ничего не понимаютъ... А какъ я вздохну, и они всѣ давай вздыхать и креститься, — о грѣхахъ, значитъ, сокрушаются. Я догадался и давай чаще вздыхать... До того проймешь, что иной, дерево этакое стоерословое, а плачетъ. Перевели меня въ другой приходъ... Новый пріѣхалъ на мое мѣсто. Не влюбили того. Сталъ архіерей проѣзжать—они ему просьбу. Насилу понялъ владыка.

— Да что вамъ надо-то? Чѣмъ худъ теперешній пастырь? спрашиваетъ преосвященный.

— Да не вздыхаетъ! отвѣчаютъ ему.

— Какъ не вздыхаетъ? удивился архіерей.

— Не вздыхаетъ, да и только!

Наконецъ-то уяснилось, что за «словомъ Божіимъ не вздыхаетъ».

— Мы, говорятъ, не понимаемъ, а какъ слышимъ, что батька вздыхаетъ, ну, и чувствуемъ, что о грѣхахъ сокрушается, намъ и понятно.

— И вернули меня. Теперь-то и я понимаю ихъ, да и они то-жъ... Теперь-то школы... А это было въ моей младости.

— А вы далеко живете отсюда? спросилъ я священника.

— Да верстъ сорокъ безъ малаго отсюдова... въ городъ ѣздилъ, вотъ встрѣтился съ полиціей и возвращаюсь...

— Подъ надзоромъ! подхватилъ становой. Ха-ха-ха! А вы что, пастырь, какъ: спать, чай?

— Подходящее дѣло съ дороги. А вы?

— А я еще гульну!... А вы? обратился ко мнѣ становой.

— Я тоже спать лягу... растрясло...

— Эхъ, а то-бы славно! Онъ многозначительно подмигнулъ.

Я, смѣясь, поблагодарилъ, — и чрезъ нѣсколько минутъ мы отправились съ о. Анфимомъ на «боковую», какъ выразился приставъ, а онъ — «гулять».

IV.

Лѣсное царство.

Однако, надо познакомить читателя съ зырянскимъ краемъ... Это — край пустынь, моховыхъ болотъ, дебрей, изрѣзанныхъ тропами оленей, — пространныхъ озеръ съ трясиными, плавучими островами и множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, совершенно неизвѣстныхъ записному географу... Все это обширное пространство (зырянскій край) нѣкогда было морскимъ дномъ, которое до сихъ поръ еще не совсѣмъ обсохло; поверхность земли около рѣки Ирвы и во многихъ другихъ мѣстахъ носить всѣ признаки новаго образованія, и здѣсь, въ составѣ подпочвы, находится много раковинъ и окаменѣлостей.

Астрономическія условія края, масса болотъ и лѣсовъ, открытое положеніе со стороны полярнаго моря— все это уже достаточно ясно говоритъ о суровости климата... За то онъ постояненъ. Большею частію зима устанавливается въ началѣ октября, продолжаясь до половины апрѣля. Морозы доходятъ до 40 градусовъ, такъ что стекла лопаются; морозъ въ 25 градусовъ считается нормальнымъ, а въ 15—легкимъ. Снѣгу выпадаетъ такъ много, что въ лѣсахъ онъ стаиваетъ только въ серединѣ іюня. Замѣчательно зато скоро развивается здѣсь растительность: довольно *теплой недѣли*, чтобы деревья покрылись зеленью. Случается замѣчать такое рѣзкое развитіе растительности: въ 9 часовъ утра деревья еще въ почкахъ, а въ 12 — уже покрыты зеленью. Какъ бы въ воздаяніе за суровую и долгую зиму, природа старается вознаградить край быстро развивающеюся растительностію, прекрасною весною и знойнымъ лѣтомъ, когда въ тѣни бываетъ отъ 23 до 26 градусовъ... Случается, что для роста ячменя (отъ посѣва до уборки) достаточно 40 дней... Вода въ рѣкахъ нагрѣвается какъ парное молоко. А ночи такія свѣтлыя, что можно читать, не напягая зрѣнія. Почва края вообще малоплодородна, такъ какъ преимущественно глинисто-песчаная, съ преобладаніемъ въ одномъ мѣстѣ глины, въ другомъ — песку. Чернозему нѣтъ вовсе, если не считать маленькой черноземной полосы по р. Визеньгѣ. Понятно, что земледѣліе не процвѣтаетъ у зырянъ. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ они совсѣмъ не обрабатываютъ земли, живя исключительно разнаго рода промыслами и заработками. А гдѣ и занимаются земледѣліемъ, такъ труды плохо, а иногда

и вовсе не вознаграждаются. Недостатокъ въ хлѣбѣ почти постоянный... Годъ лучше, годъ — хуже. Но особенно урожайные годы — баснословно рѣдки. Зато неурожайи идутъ по пяти и шести лѣтъ къ ряду; тогда не собираютъ не только сѣмянъ, но даже и соломы... Вѣроятно, искусственно и можно бы было поднять земледѣліе, улучшивъ землю, но зыряне не хотятъ осушать болотъ: какъ истые охотники, они охоту ставятъ выше земледѣлія.

О системѣ обработки земли, о порядкѣ пользованія ею — говорить много нечего, такъ какъ здѣсь мы не встрѣчаемъ ничего оригинальнаго. вмѣстѣ съ понятіемъ хлѣбопашества, зыряне переняли у русскихъ и систему обработки, и орудія, и весь хозяйственный распорядокъ. Земля послѣ каждой ревизіи дѣлится по душамъ, причемъ принимается за основаніе не наличное число душъ въ каждомъ семействѣ, а рабочія силы и то, за сколько душъ домохозяинъ платитъ государственныя подати. Поэтому земля отводится иногда бездѣтнымъ, вдовамъ, если онѣ берутся платить за душу, за двѣ или за пол-души и т. д. Если же мужчина не хочетъ платить податей, то ему вовсе не дается земли и онъ считается *бобылемъ*. Сѣнокосная земля измѣряется *копнами* и *косами*. Копна — пять возовъ, а коса — пространство, какое одинъ человѣкъ можетъ скосить въ день.

Если мало силъ для обработки своего надѣла, прибѣгаютъ къ содѣйствию работниковъ или устраиваютъ «помочь». За лѣто работникъ получаетъ отъ 7 до 12 рублей, а работница отъ 3 до 5 рублей. Кромѣ того полагается при уходѣ: четверикъ хлѣба, новые

чирки (башмаки), сколько-нибудь льна. Годовой работникъ получаетъ 15—17 рублей, работница 8—10 рублей. Помочи устраиваются точно такъ же, какъ и у русскихъ. Замѣчательно, что у зырянъ сохранился весьма древній обычай обрабатывать землю исполу, причемъ половники бываютъ временные и постоянные.

При недостаткѣ хлѣба хорошимъ подспорьемъ служить картофель.

Чѣмъ особенно богатъ зырянскій край — такъ это лѣсомъ и лугами. Изъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ растутъ: береза, осина, черемуха, рябина, пихта, ель, лиственница, сосна, кедръ; дубъ—рѣдокъ и притомъ встрѣчается только въ видѣ кустарника. Садовыхъ деревьевъ нѣтъ, но попадаются плодоносные кустарники: черная и красная смородина, мелкій крыжовникъ и малина; изъ лѣсныхъ ягодъ: земляника, голубика, черника, морошка, поляника, сибирская ежевика, брусника, клюква. Грибовъ очень много.

Обиліе луговъ и травъ позволяютъ зырянамъ держать много скота.... Здѣсь встрѣчаются быки, дающіе двадцать пудовъ мяса, до семи пудовъ чистаго сала. Свиной держать не вездѣ, а куръ очень немногіе. Зыряне не ѣдятъ ихъ совсѣмъ.

Переходя къ царству ископаемому, надо сознаться, что зырянскій край вовсе не такъ богатъ, какъ утверждали и еще утверждаютъ нѣкоторые писатели. Золота и серебра почти нѣтъ; по крайней мѣрѣ попытки найти — оказались безуспѣшны. Мѣди очень мало. Вдоволь каменнаго угля и антрацита, но разработка этого пока еще въ зародышѣ... Много желѣза и графита. Мѣстами есть нефть. Отъ разработки желѣза,

соли и точильнаго камня получается немного болѣе 200,000 рублей валоваго дохода. Находятъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доманикъ, гипсъ, сердоликъ. Встрѣчаются аметисты.

Зырянскій край—дикъ, суровъ, но вѣдь есть красота и въ дикости!... Сѣверная природа—тоже красавица, только не пылкая, не сверкающая ослѣпительными красками тропической зелени. Но сколько здѣсь живописныхъ мѣстностей! Сколько картинъ, отъ которыхъ забьется восторгомъ сердце каждаго человѣка. Одни лѣса зырянскіе — красота. О, какъ хороши они въ своей первобытной дикости! Они разнообразны въ своемъ однообразіи... Вотъ пылаетъ утренней зарею востокъ. Лѣсъ проснулся, — «каждой вѣткой встрепелся», шелеститъ листвою, точно потягиваясь отъ сна. Птицы одушевили зеленого гиганта, наполнивъ его нѣдра тысячью свистовъ. Утренній вѣтерокъ свѣжъ. Онъ разноситъ живительные ароматы цвѣтовъ и зелени. Невысохшая еще роса сверкнула преломленными лучами брилліанта, при первомъ лобзаніи земли солнцемъ. Птичка сѣла на вѣтку. Эта всколыхнулась, — носынала самоцвѣтныя сокровища. Зазвѣнѣли въ травѣ кузнечики, застрекотали стрекозы. Поютъ птицы. Какъ бы гимномъ привѣтствуетъ природа начинающійся день. Цвѣты гордо подняли свои освѣженные головки... Все ожило, пробудилось...

Въ полдень картина измѣняетъ свой тонъ. Деревья щедро освѣщены вертикальными лучами солнца. Воздухъ сухъ. Вѣтеръ не несетъ прохлады. Въ воздухѣ точно носится золотистая пыль, которая прозрачнымъ слоемъ покрыла деревья и зелень. Все блеститъ этимъ

золотистымъ оттѣнкомъ, сверкаетъ яркостію колера. Лѣсной концертъ какъ бы замираетъ — не смолкая однако. Только звуки его перешли въ *pianissimo*. Какъ нѣжный любовникъ, солнце лѣлѣетъ землю въ своихъ жаркихъ объятіяхъ. И земля охвачена полной нѣгой...

Вечеръ. Прошла сладкая истома. Точно стряхнувши съ себя дивныя чары, деревья заводятъ между собою бесѣду. Рои мошекъ и комаровъ тучами переносятся съ мѣста на мѣсто. Вдова-кукушка затягиваетъ сиротливую жалобу, какъ бы вторя ропоту деревьевъ... Вотъ исчезло за горизонтомъ и солнце. Земля и вода точно вздохнули своей мощной грудью, и вздохъ этотъ въ видѣ пара появился на поверхности и улетѣлъ въ небо. Слабыя фіолетовыя тѣни стали сгущаться, переходя въ лиловые тоны. Мракъ окуталъ землю. Дневные концертанты попрятались. Ожили ночныя чудища. Большеглазый филлинь проревѣлъ свое зловѣщее «угу!». Звукъ прокатился по всему лѣсу... Это крикъ мрака, — царство котораго наступило...

Но выплылъ на небѣ серебряный дискъ блѣдно-лицой луны. Она разлила повсюду свой бѣлесоватый мягкій свѣтъ, проникающій сквозь листву деревьевъ, освѣтивши ихъ. Мракъ разсѣялся... Луна окунула свой смѣющійся ликъ въ тихо-журчащій ручеекъ, оставивъ въ немъ свое изображеніе, которое двойтся и троится, растягивается въ серебряную полосу отъ набѣгающей ряби струй... Заснувшія деревья стоятъ точно покойники съ неподвижными членами; березы блестятъ своей корою по стволамъ, словно завернуты въ саваны. Иглистыя вѣтви сосенъ кажутся вылитыми изъ стали. Конусообразныя ели плотно сѣли на землю своими

вѣтвями. Кажется, что ихъ верхушки воткнуты въ воздушную синеву...

А надъ всѣмъ — небесный сводъ опрокинулся гигантской чашей. Звѣзды усѣяли его воздушную порфиру. Луна въ своемъ царственномъ величїи тихо плыветъ по безграничному эфирному океану, разливая съ необъятной выси свой серебряный свѣтъ.

Такова-то зырянская, лѣтняя, лунная ночь. Таковы-то лѣса зырянскіе лѣтомъ... Развѣ не дивно хороши они? Они — богатство и краса края, они — въ которыхъ только чувствуетъ себя счастливымъ и привольнымъ полуномадъ нашего сѣвера, зовущій себя «коми-мортомъ» — т. е. именно лѣснымъ человѣкомъ.

Надо увидѣть эти лѣса, побывать въ нихъ... А кто видѣлъ — тотъ любить и никогда не забудетъ ихъ.

V.

Прошлые лѣсныхъ людей. — Св. Стефанъ. — Его календарь.

«Коми-войтырь», «зыряне» по-русски *) принадлежатъ къ семьѣ финскихъ народовъ и вышли изъ Азіи. Предками ихъ является Заволочская Чудь. Зыряне не болѣе какъ остатокъ этого племени. Такое положеніе

*) Слово «зыряне» по мнѣнію изслѣдователей быта, происходитъ отъ слова «зыря», что есть ничто иное, какъ бранное прозвище, данное русскими: зыря многопьющій. Другіе же утверждаютъ, что зыряне — исковерканное слово суряне, происшедшее отъ слова суръ — пиво. Это послѣднее очень вѣроятно.

доказывается историческими фактами и сопоставленіями, которыя приводить здѣсь было бы крайне утомительно для читателей. Но признавши Чудь за предковъ зырянъ, мы находимъ, что зыряне сильно уменьшились численностію (ихъ теперь всего 100,000 съ небольшимъ), и они занимаютъ уже только часть той территоріи, которую нѣкогда занимали. Это объясняется тѣмъ, что Чудь нынѣшнихъ русскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи обрусѣла, усвоивъ славяно-русскую народность. Обрусѣніе шло и путемъ простаго вліянія племеннаго превосходства, и посредствомъ смѣшенія крови, и отчасти путемъ завоеванія. А предки зырянъ были лишены упругаго нравственнаго содержанія и представляли народность, не имѣвшую данныхъ для сопротивленія. Такъ объясняетъ и К. Поповъ.

Они не знали прочной осѣдлости и до знакомства съ русскими не строили даже постоянныхъ, деревянныхъ жилищъ. Зимнія помѣщенія они устраивали слѣдующимъ образомъ. Каждый выкапывалъ въ землѣ родъ погреба и покрывалъ его деревянною остроконечною крышею, на которую наваливали землю. Въ такіе погреба переселялись цѣлымъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаливали послѣдніе до красна. Потомъ поливали ихъ водой, отчего и распространялся паръ, нагрѣвавшій жильѣ такъ, что въ немъ можно было сидѣть безъ всякой одежды. Такъ и жили до весны.

Не имѣя прочной осѣдлости, предки зырянъ не были и народомъ земледѣльческимъ. Земледѣлію они научились у русскихъ, перенявъ у нихъ, какъ я уже сказалъ раньше, и пріемы, и хозяйственный распоря-

докъ. Первыми учителями явились Новгородцы. Такъ, напримѣръ, новгородскій бояринъ Своезванцевъ, купившій Вятскую область за 20,000 бѣлокъ, распродалъ свою землю по частямъ, мелкими участками, для обработыванія.

Въ древнія времена зыряне ѣли мясо и рыбу сырыми, а также употребляли въ пищу «кобылятину», бѣлокъ; за послѣднее ихъ и теперь еще русскіе зовутъ «векшеѣдами».

Быть предковъ зырянъ можно назвать вполне родовымъ — патриархальнымъ.

Въ зырянскомъ языкѣ и до настоящаго времени нѣтъ словъ для выраженій понятій, существующихъ въ развитыхъ гражданскихъ обществахъ. Словъ: царь, господинъ, рабъ, судъ, казнь, законъ, свобода, неволя и многихъ другихъ подобныхъ нѣтъ въ зырянскомъ лексиконѣ. Относительно семейнаго быта свѣдѣнія очень скудны; они касаются единственно браковъ, которые тогда заключались двоякимъ образомъ: или покупкою невѣсты (вѣно), или умыканьемъ. Первый бракъ по предположенію г. К. Попова — былъ бракомъ по расчету, а второй — по любви, по страсти.

Религія аборигеновъ зырянскаго края была языческая. У нихъ существовали кумирницы, куда стекались для поклоненія; на перекресткахъ дорогъ и въ лѣсахъ ставились также кумиры, которымъ, каждому порознь, приписывалась извѣстная сила. Въ жертву приносились цѣнные шкуры звѣрей.

Изо всѣхъ боговъ, почитаемыхъ зырянами въ древности, — до насъ дошли названія двухъ: «Войпеля» и «Золотой Бабы». «Вой» — ночь, сѣверъ; «пель» — ухо;

«Войпель» — ночное ухо. Это божество считалось стражемъ, защитникомъ народа. «Золотая Баба» или «Юмала», которой приписывалась сила кудесничества, — было злое, грозное божество, изображаемое въ видѣ безобразной старухи. Эту «бабу» украшали шкурами. Сдѣлана она была изъ камня, и по преданію даже издавала звуки.

Нѣтъ сомнѣнія, что у древнихъ зырянъ существовало и почитаніе стихійныхъ божествъ. Остатокъ этихъ вѣрованій сохранился и до сихъ поръ.

Изъ житія св. Стефана мы узнаемъ о существованіи священныхъ деревьевъ у зырянъ, также о волхвахъ зырянскихъ, о томъ почетѣ и вліяніи, какими они пользовались у народа. Эти волхвы явились ярыми противниками Евангелія, проповѣдывать которое пришелъ въ страну «зырянскую» св. Стефанъ въ послѣдней четверти XIV ст. Онъ былъ сынъ устюжскаго причетника и съ малыхъ лѣтъ уже «свыкался» съ зырянскимъ языкомъ, такъ какъ въ Устюгѣ жило много зырянъ. Наученный грамотѣ и достигнувъ совершеннолѣтія, Стефанъ, въ 1336 году, отправился въ Ростовскій Григорьевъ монастырь, гдѣ былъ вскорѣ возведенъ въ санъ іеромонаха. Рѣшивши посвятить себя проповѣди среди зырянъ, онъ занялся переводомъ богослужебныхъ книгъ съ славянскаго языка на зырянскій, изобрѣтя для того особья буквы. Онъ воспользовался знаками, уже прежде его извѣстными у зырянъ; они были на разныхъ вещахъ — на палочкахъ, служившихъ для исчисленія времени, и т. д.

Приготовившись достаточно для дѣла, Стефанъ отправился въ Москву просить благословенія на подвигъ.

Пр. Герасимъ снабдилъ его св. муромъ и антимирами на случай успѣха, а князь Василій Дмитріевичъ далъ ему охранныя грамоты для личной безопасности. Въ 1376 г. Стефанъ прибылъ въ землю зырянскую. Не мало нужно было труда, надо было обладать большимъ смиреніемъ и глубокою любовію къ своему дѣлу, чтобы взять верхъ надъ ухищреніями волхвовъ, заставить грубый народъ полюбить христіанскую вѣру болѣе языческой. Св. Стефанъ достигъ этого: въ глухомъ краю, гдѣ стояли языческія кумирницы, появились христіанскіе храмы. Послѣ многихъ трудовъ на пользу народа и церкви св. Стефанъ скончался въ Москвѣ (куда прибылъ на время), 26 апрѣля, 1396 года *).

Въ заключеніе познакомлю читателя съ зырянскимъ календаремъ. изобрѣтеніе котораго приписываютъ тому же св. Стефану. Это небольшая, вершковъ около 4-хъ въ длину, шестигранная палочка, въ серединѣ утолщенная и раздѣленная вырѣзкою на двѣ равныя части. Ребра этой палочки представляются зубчатыми, потому что на нихъ сдѣланы вырѣзки; противъ нѣкоторыхъ вырѣзокъ, на всѣхъ сторонахъ этой палочки, парѣзаны особые знаки. Число вырѣзокъ на ребрахъ — 365, т. е. равно числу дней простаго года, а парѣзки на сторонахъ — неподвижные праздники православной церкви, которые обыкновенно означаются въ святцахъ, — а также и нѣкоторыя хозяйственныя замѣтки. На каждомъ ребрѣ помѣщено по два мѣсяца, которые отдѣляются другъ отъ друга вырѣзкою на серединѣ. На-

*) Авторъ намѣренъ въ отдѣльномъ большомъ очеркѣ описать подробно дѣятельность и жизнь св. Стефана, въ связи съ исторіей просвѣщенія края.

чало года, съ 1-го марта, отмѣчено особенною вырѣзкою на краю соотвѣтствующаго ребра. Здѣсь, какъ и при составленіи азбуки, св. Стефанъ воспользовался уже готовыми знаками. У финскихъ народовъ издавна былъ въ употребленіи способъ времясчисленія посредствомъ деревянныхъ жезловъ и палочекъ. Сличая значки сохранившихся палочекъ со значками стефановскаго календаря, мы находимъ между ними замѣчательное сродство.

VI.

Хлопоты молодой хозяйки. — Боязнь фотографіи. — Кража тѣни. — Мое ружье и винтовка Пэдэра. — Сельскій учитель. — Отъѣздъ о. Анфима и становаго.

На другой день я проснулся очень рано. О. Анфимъ и становой еще спали. Но дочь Пэдэра уже хлопотала около самовара; доставая посуду, она имѣла такой видъ, будто была настоящая большая хозяйка въ домѣ и занималась необыкновенно-важнымъ дѣломъ... Мать ея уже закутывала печь, кончая обряды. Самъ Пэдэръ сидѣлъ на лавкѣ, погруженный въ какое-то раздумье.

— А раненько-таки вы встали, сказалъ я, одѣвшись и слѣзая съ печи.

— Добраго утра — хорошаго дня, промолвилъ серьезно Пэдэръ, здороваясь.

— Добрый день!

— Э, какое это рано, отвѣчалъ Пэдэръ, снова опускаясь на лавку: — мы севодни еще проспали немножко...

— Рано же поднимаетесь, значитъ.

— Рано?... Наше дѣло такое... спать будешь — и

про хлѣбъ забудешь.. А все достать надоть... Вотъ у ково заботы мало — тому спать-то сподручно...

— И жить не скучно, — вѣрно говоришь, Пэдэръ, вѣрно, — откликнулся становой....

— Ахъ, и вы изволили пробудиться, ваше скородіе! встрепенулся хозяинъ... Мы тутъ говоримъ, а ужъ вы и подхватили... Какъ почивали, ваше скородіе?

— Ничего, — голова только трещить чуточку... дай-ка кваску, Пэдэръ.... освѣжиться!

— Да ужъ чай готовъ, ваше скородіе.... чайку пожалуйста кушать!

— Не уйдетъ и китайскій напитокъ... а ты сперва кваскомъ ублажи... холодненькимъ...

— Сію минуточку, сію минуточку, ваше скородіе! Хозяйка уже исчезла за квасомъ.

Пробудился и о. Анфимъ.

— Кваску, ваше преподобіе, не выкушаете-ли? предложилъ становой, отдуваясь... Славный квасокъ!

— Да откуда же онъ? вчера не было?

— А у сосѣда достали, батюшка, заявилъ хозяинъ: вчера какъ ихъ-то скородіе сказали, что квасокъ любить, я и распорядился...

— А-а!... Это — хорошо! дай-ка хлебну...

Они оба вдосталь напились квасу и стали одѣваться.

— Славная у тебя дочурка, Пэдэръ, замѣтилъ я.

— На похвалѣ, Александръ Васильевичъ, благодаримъ покорно.

— Красивая будетъ невѣста... право.... Глаза прекрасные. Вотъ бы въ костюмъ ее снять — не пробоваль, а?

— Это на счетъ чего?

— Карточки съ дочери нѣтъ у тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ... гдѣ намъ это... здѣсь дебря, какія карточки, откуда!...

— Въ Яр—кѣ есть фотографія, снимаютъ...

— Тамъ-то должно... а гдѣ здѣсь?...

— Да и было бы, такъ не снялъ все равно,—подхватилъ о. Анфимъ, подходя къ столу и расправляя свои длинные волосы.

— Это почему? удивился я.

— Спросите вотъ у него, указалъ о. Анфимъ на хозяина.

Я вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Правда, Пэдэръ? промолвилъ я, не получая отвѣта на молчаливый вопросъ.

— Правда!... ужъ батюшка знаетъ... все знаетъ...

— Да почему же?

— Не любимъ мы этого...

— Сниматься?

— Вотъ, вотъ...

— Да отчего же?...

— Боятся, и все тутъ,—произнесъ о. Анфимъ.

— Какъ боятся? чего же тутъ бояться?

— Смерти боятся,—вотъ чего!

— Рѣшительно не понимаю... При чемъ тутъ смерть? Развѣ умрешь, если снимешься?

— Такъ они думаютъ... Коли снимутъ, значитъ — тѣнь украдутъ, а ужъ если тѣнь украдутъ, стало быть, шабашъ...

— Смерть?

— Смерть.

О. Анфимъ засмѣялся... Улыбнулся и Пэдэръ.

— Извѣстно, глупости все, промолвилъ онъ:— да ужъ такъ отъ отцовъ идетъ и намъ какъ-то нескладно.

Однако, тонъ, какимъ сказалъ это Пэдэръ, вовсе не обнаруживалъ того, чтобы и въ душѣ онъ считалъ предразсудокъ совершенною глупостью.

— Но я видалъ карточки съ зырянъ, и въ охотничьей одеждѣ, замѣтилъ я.

— Есть. Иные и соглашаются, особливо которые въ городахъ большихъ побываютъ. А то и такъ случается: русскій одѣнется въ охотничью одежду—и снимается за зырянина.

— Что же это, только боязнъ фотографій, или вообще снимковъ, хотя бы и рукою?

— Иные всего боятся... а главное фотографій.... Тутъ-то вся сила въ тѣни и есть!

— При мнѣ обманомъ разъ сняли, вмѣшался становой, подсаживаясь къ столу.

— Какъ это обманомъ?

— Приѣхалъ фотографъ ко мнѣ... Такъ и такъ, говорятъ... Я о ту пору былъ въ уѣздѣ. Я ему и доложилъ всю исторію. Если, говорю, прямо — и не думайте... А вы какъ нибудь на хитрость. Онъ подумалъ и нашелся. Поставилъ ученика около машины-то своей, а она такъ въ сторонкѣ, и не въ домекъ,—прикрыта... Хорошо. Призвалъ зырянина — и попросилъ его показать, какъ это они цѣлятся на подставкахъ. Тотъ и показалъ. Ну, вотъ, какъ онъ нацѣлился, этой минуткой съ машины-то покрышку—долой, ученикъ и снялъ.

— И не узналъ тотъ?

— Опослѣ узналъ ужъ, да, тамъ умирай хотя — не мѣшаютъ!

— И конечно, не умеръ?

— Насъ съ вами, думать надо, переживетъ... Дубъ!

Становой захохоталъ. Слушалъ и Пэдэръ съ улыбкою, но, видимо, ему было непріятно. Я замѣтилъ это и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— А что, обратился я къ становому: — знатокъ вы въ ружьяхъ?

— Кое-что смыслю... а зачѣмъ вамъ?

— Ружье купилъ я по случаю... такъ хотѣлъ показать.

— Вы вотъ ужъ — почтенному охотнику... Онъ собаку съѣлъ на этомъ, если не всѣхъ двухъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Пэдэръ, посмотри-ка....

И доставши изъ чехла ружье, я подалъ его хозяину.

Взглядъ, самое обращеніе — все обличало въ немъ страстнаго и опытнаго охотника: совсѣмъ не такъ бы сталъ разсматривать городской диллетантъ, бродящій съ ружьемъ ради одной забавы, отъ скуки.

— Ну, что же: нравится или нѣтъ?

Меня интересовалъ отвѣтъ, потому что я зналъ Пэдэра: лгать мнѣ въ этомъ случаѣ онъ не сталъ бы.

— Ружье доброе, ничего... только...

— Что же? говори прямо... ты знатокъ, стало быть — и рѣшать тебѣ!...

— Спасибо на добромъ словѣ... Какъ не знать? перебывало ихъ... Да только вѣдь — и лукаво-мягкая улыбка скользнула по его губамъ: — да только вѣдь дѣло-то не въ ружьѣ, а въ умѣньи!... Сколько дали?

Я сказалъ.

— О-о... Деньги!...

— Дорого?

— Да, стоитъ... ружье доброе .. А у насъ вѣдь какія: мочалочкой иное перевязано — во-о!

— И бьете?

— И-и! Какъ ешо бьемъ-то! Ружье дѣло не малое, а умѣнье ешо того... Во, смотри, я тебѣ свое покажу... И дру-гія есть, да только его-то покажу, чтобы зналъ да вѣдалъ.

Винтовка Пэдэра была очень оригинальна: съ бу-грами на стволѣ, съ презабавнымъ замкомъ, устроен-нымъ такъ: съ наружной стороны придѣлана длинная пружина, поддерживающая полку и склоняющая ку-рокъ; но чтобы взведенный курокъ держался на мѣстѣ, къ нему прикрѣпленъ гвоздь съ крючкомъ, задѣваю-щимъ за вколоченную въ ложу шпильку. Съ этимъ гвоздемъ находится въ соприкосновеніи язычекъ. При малѣйшемъ нажимѣ — крючокъ снимается со шпильки, курокъ опускается на огниво, даетъ искру, — и воспла-меняетъ на полкѣ порохъ.

— Вотъ наши ружья, родной, промолвилъ Пэдэръ съ улыбкой: не твоему чета!

— Да развѣ этимъ можно бить? удивился я.

— Можно-ли бить? — Да я тебѣ вотъ что скажу... Ты, къ примѣру, не обидься прямымъ словомъ, — пой-дешь со своимъ ружьемъ, а я вотъ съ этой орудиной, — и знаешь что?

— Ну?

— Я набью болѣ твоего!

— Да неужели, Пэдэръ, у васъ все такія ружья?

— Широкихъ мы не возлюбляемъ; тѣ пороху берутъ много...

— Но есть же лучше, заводскія? вѣдь твое — само-
дѣльщина какая-то?

— Самодѣльщина, это вѣрно! Есть и лучше, и у
меня два есть... А все жъ болѣе такія промежъ насъ.
Мы вѣдь—люди бѣдные... гдѣ же намъ!...

Отворилась дверь и въ избу вошелъ молодой чело-
вѣкъ высокаго роста, съ курчавой шевелюрой, немножко
сутуловатый, но крѣпкаго, мускулистаго сложенія, съ
лицомъ энергичнымъ, взоромъ рѣшительнымъ и смѣ-
лымъ.

Уже какъ знакомаго и даже хорошо знакомаго
встрѣтили его и становой, и о. Анфимъ.

— А, просвѣтителю юношества! воскликнулъ весело
становой, протягивая руку... Какъ живете-можете, да
ребятъ портите?

Вошедшій пожалъ руку становому, подошелъ подъ
благословеніе къ о. Анфиму, и поклонился мнѣ... Съ
Пэдэромъ онъ молча обмѣнялся рукопожатіемъ.

— Надо познакомить васъ, заявилъ становой:—это
здѣшній учитель и воспитатель, Сергѣй Сергѣевичъ
Батановъ,— обратился онъ ко мнѣ, а это...

Я поспѣшилъ самъ отрекомендоваться.

— И сочинитель... чего же не прибавили? загого-
талъ становой. Ишь скрывается, чтобы получше все
высмотрѣть, да и описать... Берегитесь, господинъ учи-
тель!

— Буду, буду, шутливо отвѣтилъ тотъ...

Помолчали съ минутой.

— А я къ вамъ, о. Анфимъ, началъ учитель...

— Что такое?

— Похлопотать насчетъ деньжатъ въ земствѣ. —
Нужно больно!...

— Говорилъ, голубчикъ, говорилъ...

— Что же они?

— Обѣщались... На недѣлѣ хотѣли.... Безъ денегъ самъ!

— И я сижу такъ же... Бѣда! Надо купить кое-что
изъ книгъ — и нельзя....

— А по части фды-то еще хорошо? освѣдомился
Маниловъ.

— Это—ничего, вѣрятъ вѣдь... А то умирай хотя..

— А изреченіе-то забыли? Не о единомъ хлѣбѣ
живѣ будешь и прочее...

— Хорошо вамъ, когда сыты. Посидѣли бы на на-
шемъ мѣстѣ, не то бы запѣли....

—хлопоталъ, родной, хлопоталъ, произнесъ опять
священникъ:—обѣщали!... Ну, а какъ законъ Божій у
тебя?

— Учю... вы когда же домой-то? сегодня?

— Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ...

— А закусить-то, батюшка, засуетился хозяинъ: —
закусить надо!...

— Давай скорѣе, давай, Пэдэръ,—а то время про-
пустимъ... дѣла у меня...

— Ужъ и дѣла!...

— А то нѣтъ? у полиціи развѣ только они?

— Понятное дѣло, больше!... Что вамъ-то?... «Гос-
поди помилуй»—и все тутъ.

— Легко разсуждать-то... эхъ, посадить бы васъ...

— Что жъ, и сѣлъ бы... Ну, да чего вы, преподо-
біе: я вѣдь шутя... Давай-ка, Пэдэръ, въ самомъ дѣлѣ,
поѣдимъ, да и въ путь!

— А вы когда, просвѣтитель?

— Дня черезъ три...

— Какъ? да вы развѣ не здѣсь живете? спросилъ я.

— Здѣсь? здѣсь и школы нѣтъ!... Я 45 верстъ еще за о. Анфима... я здѣсь временно.

— Какъ же полиція-то назвала васъ здѣшнимъ учителемъ?

— А это въ смыслѣ края, Александръ Васильевичъ, Зырляндіи, значить!...

Появилась закуска... Мы всѣ (въ томъ числѣ Батановъ) поѣли, и о. Анфимъ со становымъ начали собираться... Сборы были недолги... Вмѣстѣ съ ними ушелъ и учитель, пригласивъ меня посѣтить его вечеромъ.

— Я недалеко отсюда, — третья изба... приходите, поговоримъ и попьемъ чайку...

Я обѣщался.

VII.

Сынъ Пэдэра.—«Казна нуа». Было да прошло и быльемъ поросло.— Честность на промыслѣ.— Звѣрь прежде и теперь.— Приказъ по дому.

Мы обѣдали, когда вдругъ низенькая дверь открылась, въ избу ворвался клубъ холоднаго воздуха, — и у порога появился мужчина въ дорожной одеждѣ.

— Петыр! воскликнулъ радостно старикъ: — вотъ счастливый-то, прямо къ обѣду!

Вошедшій молча помолился на икону, и поклонился отдѣльно каждому изъ насъ, не исключая и маленькой Одэ.

— Все ли ладно? нѣсколько тревожно спросилъ Пэдэръ по-зырянски.

— Все, отецъ! отвѣтилъ Петыръ.

Старикъ поднялся съ лавки, помолился на икону, и серьезно промолвилъ, кланаясь сыну:

— За труды твои обществомъ кланяюсь!...

И затѣмъ прибавилъ ласково и мягко:

— Ну, садись же за столъ, — разоблакивайся, садись! Я внимательно осмотрѣлъ сына Пэдэра.

Это былъ мужчина средняго роста, правильнаго, крѣпкаго тѣлосложенія; бѣлое скулистое лицо покрыто нѣсколькими рябинками — остатками оспы; голубые быстрые глаза, какъ и у отца, смотрѣли лукаво — недоувѣрчиво. На Петырѣ былъ надѣтъ зипунъ, темнаго ниже колѣнъ, съ мѣховыми рукавами, а сверху зипуна — короткій обыкновенный тулупъ. По талии онъ былъ опоясанъ кожанымъ поясомъ, на которомъ, съ лѣваго бока, въ небольшомъ берестяномъ футлярѣ, висѣлъ ножъ и револьверъ, — а спереди кожаная сумка съ мѣдной пуговкой; въ этой сумкѣ зыряне держатъ труть, огниво, спички, иглы, нитки. Обуть Петыръ былъ въ *нимы*, т. е. сапоги, которые шьются зырянами изъ кожи съ оконечностей оленя, шерстью вверхъ, — и особенныхъ подошвъ къ нимъ не пришивается. Здѣсь кстати сказать, что зыряне носятъ и катанки, только они не цѣльные, а сшивные, т. е. стоцная часть ка-

танка валяная, а голеневая — суконная, пришитая къ стопной. Такіе катанки легче при ходьбѣ и дешевле. Пимы также легки и очень теплы при этомъ...

Петырѣ не зналъ меня и потому мы другъ другу, такъ сказать, были представлены.

— Маі бырь сін? сказалъ Петырѣ, кланяясь.

Я молча только поклонился, не зная, какъ отвѣтить, и не понимая, что означаютъ эти зырянскія слова. Оказалось, что въ буквальномъ смыслѣ — означали: «счастливый глазъ», а въ переносномъ — «да будетъ счастлива минута встрѣчи», «да посмотримъ другъ на друга счастливыми глазами», — и употреблялись, какъ обычное привѣтствіе.

— Однако—съ револьверомъ, замѣтилъ я Петырю.

— А то какъ же? отвѣтилъ Пэдэръ за сына: безъ стальной собачки нонѣ нельзя!

— Опасно?

— То какъ же? И здѣсь-то еще ничево, наша сторона хоша и глухая, да болѣ—чистая, а весь-то уѣздъ—не своя керка. Народъ разный...

Да, онѣ говорилъ правду. Но когда-то не то было въ зырянскомъ краю... Не знали тамъ, что такое замокъ, зачѣмъ нужно запирасть двери... Уходя изъ дому, только клали на скобку двери палку, — и уже никто не входилъ въ домъ безъ хозяина. Кореннаго слова воръ — нѣтъ въ зырянскомъ языкѣ... Въ благодатное старое время нечего было бояться безъ револьвера идти лѣсомъ... Тогда и подати доставлялись въ городъ иначе, чѣмъ теперь... За нѣсколько сотъ верстъ, глухой дорогой отправлялся ходокъ съ деньгами... При встрѣчѣ съ кѣмъ бы то ни было — онѣ серьезно говорилъ: —

«казна нуа» — «казну несу»! и всѣ ему давали дорогу, почтительно снимая шапку и низко кланяясь, какъ представителю цѣлой волости и хранителю «денегъ государевыхъ». Приходилъ ходокъ на станцію, клалъ сумку въ передній уголъ, — говорилъ коротко: «казна», — и хозяинъ почтительно кланялся, высылалъ изъ керки всѣхъ лишнихъ и не зналъ, чѣмъ угостить почетнаго гостя. Послѣ сытнаго угощенія, ходокъ сладко засыпалъ, нисколько не боясь за свою казну, потому что былъ увѣренъ въ цѣлости сумки... Такъ было давно... То есть и не очень даже давно, — лѣтъ 60 всего тому назадъ. Даже въ 40 годахъ еще — воровство среди зырянъ было такою исключительною случайностію, что воръ-зырянинъ возбуждалъ общее удивленіе. Прогрессъ въ худую сторону идетъ быстрыми шагами.

Я высказалъ Пэдэру свои мысли.

— Вѣрно, произнесъ онъ... Хоша и не всюду, — а народъ портится... Кое-гдѣ еще держится будто, — въ глуши ино и теперь безъ замковъ живутъ... да и то рѣдко... разъ поучать, другой — и начнутъ запирасть.

— Не какъ прежде, значить?

— Куды до прежняго! Что было — то прошло и быльемъ поросло!

— Не совсѣмъ, отецъ, замѣтилъ Петыръ, ломая кусокъ пирога: — на охотѣ старый обычай свято блюдетъ.

— Это истинно.... На охотѣ — такъ! На промыслѣ и теперь спокойно можешь что хошь оставить — не тронуть... Что попало въ твой силокъ — никто не тронетъ. И въ пывзанѣ тоже... Развѣ какой воръ проходящій, а свой братъ охотникъ — ни-ни!

— Отчего же такъ?

— Ужъ такъ вотъ... Замѣтка, стало, есть: коли возьмешь на охотѣ что — ничего путнаго не будетъ. А то и самъ загинешь... наведетъ Богъ Мишку — и не очухаешься, — пропадешь!

— И не бывало случая, чтобы брали?

— Не запомнимъ. Бываетъ такъ-то: идетъ кто, голоденъ, увидитъ — съѣстное, возьметъ, и взамѣнъ что нибудь положить, не то деньги, не то что есть съ нимъ... А нѣтъ ничего, знакъ особый и крестъ.

— Это для чего же?

— А по знаку чтобы опосля и узнать можно было...

— А крестъ?

— А крестъ на случай... Коли не встрѣнется хозяинъ, да не узнаешь его... такъ стало во имя Христа взято... не то чтобы воровски, а именемъ Христо-вымъ...

— А отчего, Пэдэръ, вообще стало хуже: не такъ, какъ прежде?... Какъ по твоему?

— Да года не тѣ: нужда заѣдаетъ...

— А прежде ее не было развѣ?

— Легче было.... Много легче!... Звѣря было больше... охота лучше.... И бѣлки больше, и рябого (рябчика), и другаго звѣря... И соболя бывали. А нонѣ они гдѣ?... Лѣса рѣдѣютъ, — рѣки мелѣютъ отъ этого же... И меньше всего: и звѣря, и птицы, и рыбы.... Всего меньше, все дороже, — вотъ нужда!...

— А что, отецъ, баня не будетъ сготовлена сегодня? освѣдомился Петыръ.

— Какъ не быть, будетъ... Мать сладить... Къ вечеру же и сготовить... Слышь, жена?

— Сготовлю, отвѣчала та покорно.

— Дѣло... Баня—первое лекарство съ дороги... Вотъ и тебѣ, Александръ Висиличъ, въ пору будетъ банька-то... Чудесно...

Онъ всталъ изъ-за стола и началъ молиться, по-русски, истовымъ крестомъ осѣняя себя.

VIII.

Зырянскій клубъ.

Этимъ именемъ по всей справедливости можетъ быть названа баня... Баня для зырянина—не только мѣсто мытья, — нѣтъ, это — его любимое мѣсто отдохновенія, его клубъ, его кафе-ресторанъ, — если хотите, что-то въ родѣ земнаго рая... Безъ бани зырянинъ немислимъ. Ему кажется не человѣкомъ тотъ, кто не любитъ бани и относится къ ней небрежно или совершенно равнодушно. Даже *прозаическаго*, такъ сказать, отношенія къ банѣ зырянинъ не проститъ... Что по его понятію — высшее, или по крайней мѣрѣ одно изъ высшихъ земныхъ наслажденій — то должно быть дорого и всѣми чтимо.

Разъ къ одному барину въ Вологдѣ нанимался работникъ-зырянинъ... Поладили на жалованьи, уговорились, кажется, все-бы кончено; — но работникъ вдругъ задаетъ вопросъ:

— А баня?

— Что, баня? недоумѣваетъ баринъ.

— Какъ, баня?

— Ты на счетъ бани... да что же мнѣ за дѣло? ходи въ баню!

Даже разсмѣялся баринъ такому вопросу.

— А сколько разъ?

— Не каждый-же день... ну, два раза въ мѣсяцъ!...

— Шогъ (худо)!

— Ну, каждую субботу наконецъ!

— Шогъ!

— Да сколько-же разъ тебѣ?

— Два раза!

— Да я тебѣ четыре даю! Говорилъ два раза, такъ вѣдь мало же?

— Два раза въ недѣлю.

— Ну, ужъ это—шалишь! ты только и дѣлать будешь, что мыться....

— Два раза, и твоя баня.

— Еще я и плати?

— Ты!

Баринъ отказался. Не расходъ, конечно, испугалъ его; много ли надо собственно за баню? — 5 копѣекъ! Но изъ-за каприза. И зырянинъ тоже уперся. Когда ему стали говорить: эхъ ты, такое жалованье и не пошелъ!

— Бани нѣтъ!

— Да что тебѣ баня?

— Безъ бани не можно.... И что за мортъ (человѣкъ), который бани не любитъ? худой человѣкъ, худой баринъ!...

Два раза въ недѣлю — это еще ничего. Другой три раза въ недѣлю ходить, а иные ежедневно. Ужъ та-

кихъ-то, конечно, не много. Баня—лекарство отъ всѣхъ болѣзней. Носятъ въ баню и золотушныхъ; хотя это и вредно, но вы не разубѣдите зырянъ.

— Не носи ребенка въ баню-то, замѣтите ему.

— А почему это?

— Золотуха вѣдь у него.

— Такъ что-жъ?

— Ну, и вредно....

— Не можетъ быть... баня всему голова и никогда не повредитъ...

И напрасно будете настаивать, — васъ не послушаютъ.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ баня одна, общая; но въ большинствѣ у cadaго своя. Однако, истопивъ баню, зырянинъ зоветъ всѣхъ своихъ сосѣдей и знакомыхъ. Сперва мужчины идутъ, потомъ женщины. Отправляются обыкновенно подъ вечерокъ, и если лѣтомъ и осенью — то въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босикомъ, съ вѣниками подъ мышкою... Въ банѣ не столько моются, сколько парятся... И до, и послѣ мытья, — зыряне любятъ посидѣть, поговорить, посмѣяться въ «теплѣ». Суровый и молчаливый полуномадъ вологодскихъ лѣсовъ — въ сущности очень остроумный. Его шутки мѣткі, сжаты, охватывая предметъ со всѣхъ сторонъ... И въ банѣ, также какъ въ ночлежной избушкѣ на охотѣ, зырянинъ сбрасываетъ съ себя обычную сосредоточенность и угрюмость: онъ охотно разговариваетъ, шутитъ, смѣется...

Любя баню вообще, зыряне придаютъ особенное значеніе паренью и мытью на Ивановъ день... Въ канунъ Купала зыряне съ особеннымъ удовольствіемъ

хлещутъ себя вѣникомъ, только что связаннымъ изъ мягкихъ, распустившихся прутьевъ березы, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣсколькихъ цвѣтовъ купальницы и вѣточекъ рябины. Этотъ вѣникъ, называемый ивановскимъ, кромѣ своего прямого назначенія—распаривать кости, имѣетъ и другое, такъ сказать, высшее назначеніе: очищать тѣло отъ всякой болѣзни, хворости и нечистоты. За то, очистивъ тѣло, вѣникъ самъ дѣлается нечистымъ, и послѣ бани къ нему нельзя прикасаться, т. е. нельзя употреблять его для домашняго обихода. Его или бросаютъ на крышу бани, или втыкаютъ на колышекъ, гдѣ нибудь въ огородѣ, или же, что чаще—бросаютъ въ рѣку, замѣчая при этомъ: потонетъ онъ или нѣтъ. Если потонетъ, значитъ тотъ, кто имъ парился—умретъ не позже года, а вѣникъ взять водянымъ для своего употребленія; если же не потонетъ, но, прельстясь водяными струйками, позлащенными вечернимъ солнцемъ, погонится за ними, принимая на пути въ свои лохматые объятія всякую дрянъ—и щепочку, и травку, и вонючую соломенную постилку изъ чьихъ нибудь ботовъ—это значитъ, что владѣтель вѣника проживетъ годъ благополучно, здраво и невредимо проплыветъ по волнамъ моря житейскаго. Впрочемъ надо прибавить, что этотъ суевѣрный обычай уже соблюдается немногими; молодежь даже посмѣивается надъ «гаданіемъ по вѣнику», и зоветъ тѣхъ, кто гадаетъ: «березовиками», «вѣничными богомольцами».

Когда баня была готова, и Одэ пришла заявить, что «можно идти париться», Пэдэръ, Петыръ и я, всѣ вмѣстѣ—отправились въ баню.

Она — довольно большая, и внутреннее устройство

ея тоже самое, какъ и во всѣхъ русскихъ черныхъ баняхъ. Только здѣсь полокъ наравнѣ съ лавками, вышиною отъ пола на 11—12 вершковъ.

Теплой воды совсѣмъ не оказалось; немного было и холодной. Ея только что хватило на подбавку жару. Каменка была страшно раскалена, подъ ней пылали алые угли, а сверху, въ видѣ облака, носился синій чадъ. Было градусовъ 60—70 (случается и болѣе). Быстро скинувъ съ себя одежду, отецъ и сынъ залѣзли на *полокъ* и принялись хлестать себя вѣвниками. Это продолжалось довольно долго, и затѣмъ красные, словно варенные раки, выбѣжали изъ бани и окатились колодезной, какъ ледъ, холодной водою. Послѣ этого снова начали париться. Но теперь уже не долго. Поспѣли — и стали одѣваться.

— Какъ вы не простудитесь? замѣтилъ я.

— Почему? Это — здорово.

— Такой холодной водой!

— Что-жъ? зимой мы въ снѣгъ прямо!

— И ничего?

— Ничего, мы привычные!

Да, привычка много значить. И они были счастливы, но мнѣ баня не дала ничего пріятнаго: отъ страшнаго жара разболѣлась голова, я въ банѣ еще едва не лишился чувствъ и весь вечеръ пролежалъ больной.

— Вотъ и послуга; думали угодить, а тебѣ напротивъ: не услада, а болѣсть!

— Не привыкъ я.

— Вотъ это вѣрно... все отъ непривычки. А мнѣ какъ славно... хоть бы завтра сызнова... не такъ ли, Петыр?

— Вѣстимо, отецъ!

— Баня—первое дѣло. И согрѣетъ, и кости распаритъ, какъ грузъ какой съ тебя сниметъ, чудесно!

IX.

Зыряне—противники «мундирной медицины». — Медицина въ прошломъ. — Что дало новое время. — Курьезы и трагическіе случаи. — Своя медицина. — Лечение отъ лихomanки. — Всенсцѣляющая пакула. — Зырянскій Боткинъ.

Едва ли еще какой нибудь другой народъ такъ враждебно относится къ медицинѣ, какъ зыряне. Эти заклятые противники ея стараются всѣми силами обойтись безъ доктора или фельдшера. Въ одномъ анекдотѣ рассказывается, что хохоль, истомленный тасканіями по судамъ, воскликнулъ:

— Отто судъ! Лучше топыться, нежели судыться!

Насколько это вѣрно — оставляю на отвѣтственности автора анекдота. Но могу сообщить, какъ истину, что всякій зырянинъ (въ глуши) искренно воскликнетъ:

— Лучше помереть, неча отъ «фершала» терпѣть!

Эта-то необходимость «терпѣть» и сдѣлала изъ «лѣснаго человѣка» врага мундирной медицины, то-есть такой, представителями которой являются врачъ, фельдшеръ и аптекарь...

Все прошлое (не десять, пятнадцать лѣтъ, а десятки годовъ) породило въ душѣ зырянской вражду и антипатію къ мундирной медицинѣ... Уже одно то отталкивало отъ медицины, что врачъ—чиновникъ; а зырянинъ не любитъ чиновниковъ, хотя боится ихъ и ока-

зываетъ имъ наружное почтеніе. Докторъ являлся и вмѣстѣ съ «Штольцемъ» для вскрытій, и въ рекрутчину, нанося сердцу самыя тяжелыя раны. Потрошить человѣка — да развѣ виданое и статочное дѣло? Развѣ божья душа — тряпка? Не рябчикъ же человѣкъ! Но воля — начальства. Не повиноваться нельзя, и «комимортъ» повинуется, а все же не можетъ простить лекарю, что тотъ потрошитъ человѣка, какъ рябчика.

Но это еще не все... Самое обращеніе представителей мундирной медицины и латинской кухни отбиваетъ у зырянина всякую охоту лечиться... Въ этомъ отношеніи и новое время не принесло лучшаго... Медицина въ Яренскомъ уѣздѣ на степени самой низкой. Лекаря нѣтъ, и за него распоряжается фельдшеръ. Такъ было покрайней мѣрѣ въ то время, о которомъ я говорю.

Если надо не мало умѣнія обращаться съ русскимъ мужикомъ, то какъ же много нужно имѣть сноровки въ сношеніяхъ съ зырянами. Русскій мужикъ — грубоватъ, нерѣдко безтолковъ, но ему слѣдуетъ только хорошенько «вбить» въ голову, повторяя совѣтъ или наставленіе пять, шесть разъ. Зырянинъ — дѣло другое. Онъ также грубъ (если не болѣе), упрямъ, недовѣрчивъ, но, кромѣ того, зачастую не понимаетъ русскаго языка, а если и понимаетъ, то настолько плохо, что съ нимъ нѣтъ никакой возможности объясниться. Надо потратить бездну времени, силъ, умѣнія, ловкости и терпѣнія... Надо подыскивать понятныя слова, разбирать, что онъ говоритъ, иначе не узнать болѣзни; приходится говорить, кричать, показывать всевозможными знаками... Кому это все пріятно и легко? Кто будетъ дѣ-

латъ такъ? Апостолъ идеи? — Но безкорыстныхъ служителей идеи трудно найти и среди болѣе развитыхъ, нежели фельдшера; такъ удивительно-ли, что такихъ апостоловъ въ средѣ низшихъ агентовъ медицины не замѣчается вовсе; обыкновенный же человѣкъ и терпѣніе теряетъ, и говорить устаешь, и дѣло старается съ рукъ свалить поскорѣе, безъ особенной заботы о благѣ ближнихъ.

А между тѣмъ вслѣдствіе этого происходили курьезные и трагическіе случаи... Расскажу нѣсколько изъ тѣхъ, какіе пришлось видѣть и о какихъ мнѣ передавали.

Одна баба явилась къ фельдшеру.

— Что ты?

— Больно!

— Что болить?

Бабѣ надо было сказать, что болить глазъ... Но она забыла это слово, а можетъ быть и совсѣмъ не знала его, потому что едва могла объясняться по-русски, говоря одно слово русское и пять, шесть зырянскихъ.

— Что болить-то у тебя? спрашиваетъ снова фельдшеръ.

— Сін, отвѣчаетъ баба (сін — глазъ).

— Такъ чего же ты его не привела самого?... Чего?

Баба не понимаетъ, но видя, что «начальство» сердится — охая, лопочетъ:

— О, о, болно... чень болно (очень больно — коверканныя русскія слова).

— Больно!.... Нельзя же безъ него, — мало-ли что больно... Да что такое?... Жаръ... горить?

Баба понимаетъ слово горитъ и, кивая головою, отвѣчаетъ:

— Горить... болно горить!

— Горячка, значить, соображаетъ фельдшеръ, и отдаетъ приказаніе облѣпить горчичниками или моченымъ хлѣбомъ...

— Какъ это у нихъ сынъ-то... Да, пі, кажется, такъ и есть, пі — сынъ... Ты вотъ что: обложи-ка всего піна хлѣбомъ моченымъ, показываетъ онъ бабѣ... а вотъ эту микстуру (онъ подалъ ей стеклянку) — пить. Онъ показалъ ей на ротъ... поняла?

Та, хотя и очень удивлена, но киваетъ въ знакъ согласія головой и уходитъ.

Возвратившись домой, она облѣпила своего пятилѣтняго сына мокрымъ хлѣбомъ, а сама заразъ выпила микстуру. Она разсуждала по своему: чего тянуть? скорѣе — лучше!... Разумѣется, не помогла ни микстура, потому что она была не противъ глазной болѣзни, ни то, что мальчикъ пролежалъ весь день, облѣпленный мокрымъ хлѣбомъ... Баба «изругала» фельдшера и перестала лѣчиться.

Другой случай.

У мужика-зырянина сильно болѣла голова. Ужъ какъ ни старался фельдшеръ (такъ онъ говорилъ, а можетъ-быть и совсѣмъ не старался) объяснить пациенту употребленіе мушки, но онъ все-таки не понялъ, и вмѣсто того, чтобы поставить ее на шею, облѣпилъ ею плѣшивую голову. Надулся, разумѣется, ужасный пузырь, который лопнулъ; изъ него потекла вода... Не мало мукъ перенесъ зырянинъ и не мало, въ свою очередь, ругалъ фельдшера...

А сколько мелкихъ случаевъ! Кто-то, вмѣсто того, чтобы выпить касторку, намазалъ ею животъ. Одна

женщина, которой дали слабительный пряникъ, пожалѣла его съѣсть и отдала здоровой дочери...

Все это смѣшно. Но вотъ уже совсѣмъ не забавно, когда одна дѣвушка, вмѣсто втиранія, наѣлась вератриновой мази, а натерлась тѣмъ лекарствомъ, которое было выдано для внутренняго приѣма. Послѣдовала смерть...

Такіе и подобные этимъ случаи, конечно, не мало способствуютъ тому, что большинство лѣчится своей медициной, при помощи знахарокъ и разныхъ способовъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ.

Хорошо помню, какъ одинъ зырянинъ сжигалъ свернутыя трубочками бумажки надъ стаканомъ воды и пилъ ее, смѣшанную съ пепломъ.

— Это отъ какой же болѣзни? освѣдомился я.

— Отъ лихomanки (лихорадки).

— И помогаетъ?

— О, чудно!

— Какъ же надо пить? каждый день?

— Три дня подрядъ, по зарямъ: утренней и вечерней.

Мнѣ удалось посмотреть бумажку. На ней было написано: абракалаусъ, бракалаусъ, ракалаусъ, акалаусъ, калаусъ, алаусъ, лаусъ, аусъ, усъ, съ, ть и 12 сестеръ ея.

Написано по-русски. Какой смыслъ и что можетъ помогать — Богъ вѣдаетъ... Можетъ быть вѣра; не даромъ говорится, что вѣра двигаетъ горами. А своей медицинѣ зыряне сильно вѣрятъ... Одно можно сказать за нее: не вредно.

Совсѣмъ только не хорошо, что зыряне очень пристрастны къ искусственнымъ фонтанелямъ. Это лучшее

средство у нихъ отъ всѣхъ недуговъ. Простуда-ли, разслабленіе-ли членовъ, ушибъ-ли — сейчасъ на сцену всеисцѣляющая *пакула*.

— А сегодня будутъ сына сосѣдова лѣчить, сообщила Одэ брату.

— Болѣнъ? спросилъ онъ.

— Дюжо... Лежитъ...

— Кто же будетъ лѣчить? полюбопытствовалъ я.

— Лекаръ.

— Изъ города?

— О, ни! Нашъ... Меркуль.

— Чѣмъ же онъ лѣчитъ?

— Тамъ что надо... сосѣда *пакулой* будутъ... Хотите посмотрѣть?

— Отчего же... а можно?

— Да кто же не пустить... Идите къ Меркулу и все тутъ, сказалъ Чиркъ, слышавшій нашъ разговоръ съ сестрою.

Я пошелъ и увидѣлъ воочию, какъ лѣчатъ *пакулой*. Пакулу, т. е. сухую, березовую губку, обрѣзали на подобіе плоскаго прутка, положили на больное мѣсто парню и зажгли.

Больной лежалъ спокойно, апатично обводя своими глазами окружающихъ. Но вотъ огонь дошелъ до тѣла и парень почувствовалъ боль. Онъ промычалъ что-то.

— А-а-а! сказалъ Меркуль, и приложилъ пакулу къ другому мѣсту. Повторилось тоже самое, и губку опять отняли, чтобы приложить ее на новое мѣсто. Но вотъ губка (*пакула*) отскочила сама собою, коснувшись тѣла. Лекаръ радостно воскликнулъ, произнеся какое-то слово, значеніе котораго равняется «эврика!» Онъ радовался

что опредѣлилось больное мѣсто,—то самое, гдѣ большое скопленіе дурной крови. Онъ приложилъ къ этому мѣсту пакулу и, придерживая ее гвоздемъ, выжегъ въ тѣлѣ ямку, глубиною въ 3 линіи. Больной молчалъ во все время «операциі». — Разумѣется, начнется гноеніе раны, сказалъ я Меркулу.

— Да, такъ надо, отвѣтилъ онъ: изъ раны кровь пойдетъ, черная, худая... гной пойдетъ... и хорошо!

— Долго-ли же не будете залѣчивать раны?

— Пока не облегчить болѣзни.

— А непременно облегчить?

— Непременно, отвѣчалъ увѣренно зырянскій Боткинъ, пользующійся славою, почетомъ и собирающій хорошія деньги. Онъ знаетъ много лекарствъ, другъ «страшнаго колдуна» — «Ворона» и, если хотите, отчасти спирить. Но мы еще встрѣтимся съ зырянскимъ Боткинымъ.

Х.

Въ гостяхъ у Батанова.—Чистописаніе въ лежачемъ положеніи.—Кадки-стоны.—Довольство учителя учениками.—Наклонность зырянскихъ мальчиковъ къ математикѣ.—Феноменальный маленькій математикъ.—Любовь къ чтенію.—Популярность Майнъ-Рида.—Зыряне-индѣйцы.—Кошки, собаки и мыши въ роли плѣнныхъ янки.

Батановъ пилъ чай, когда я пришелъ къ нему.

— Ну, вотъ и отлично, что зашли!... Милости прошу... Эхъ, да и сѣсть-то негдѣ... Погодите, вотъ я скамейку принесу отъ хозяйки...

— Не беспокойтесь... найду, гдѣ сѣсть...

— Мудрено, засмѣялся учитель: развѣ по ученически?

— То есть какъ это—по ученически?

— Какъ въ моей школѣ сидѣли прежде.

— А какъ же у васъ сидѣли? полюбопытствовалъ я.

— Сейчасъ расскажу... скамейку только вотъ...

Онъ принесъ бѣлый табуретъ, какіе употребляются обыкновенно въ городскихъ кухняхъ, и поставилъ у стола, на которомъ шумѣлъ на разные лады пузатый самоваръ.

— Чайку?

— Спасибо... такъ какъ же это у васъ сидѣли-то?

— Какъ сидѣли? Да на полу...

— А писали?

— И писали на полу!

— Ужъ это совсѣмъ трудно, улыбнулся я.

— Богъ труды любить. Ляжетъ мальченокъ на брюхо и пишетъ...

— Однако!

— Что-жъ подѣлать-то?... Лавокъ нѣтъ, столовъ также... И то на кадкахъ писали... Двѣ кадki—доска, и вотъ вамъ столъ.

— Ну?

— Право!.. Двѣ чернильницы... Ужастъ возни-то было... Теперь поналадилъ...

— А учатся ничего?

— Ребята—первый сортъ!

— Способные?

— Лучше не надо! Я ими вотъ какъ доволенъ!

— А мнѣ кто-то говорилъ, что зыряне—тупы!

— Кто-же это именно, не становой-ли?

— Нѣтъ, въ городѣ кто-то.

— Вретъ... Не слушайте, вздоръ!... Я вамъ вотъ что скажу: дай Богъ, чтобы всѣ такъ скоро понимали, какъ зырянскіе ребята.

— Вотъ какъ!

— Истину говорю... Я самъ думалъ иначе раньше, а теперь вижу, какъ вдали... Преспособная голова зырянская!...

Онъ подвинулъ мнѣ чашку съ чаемъ, закурилъ папиросу, сдѣлавъ ее изъ бумаги крючкомъ, и произнесъ:

— Врутъ все на бѣдныхъ зырянъ...

Помолчалъ и добавилъ:

— А знаете, въ чемъ всего лучше успѣваютъ мои малыши?

— Въ чемъ?

— Въ арифметикѣ...

— Скажите!

— Да-съ! И вѣдь какъ! Диву даешься... И не то, чтобы одинъ, два, ну, шесть человѣкъ выдавались.. Всѣ!...

— Ужъ и всѣ?

— Говорю вамъ—всѣ! То-есть, разумѣется, не всѣ одинаково, но у всѣхъ и любовь, и способность къ этому предмету... Математическій народъ! А что касается выдающихся, такъ вотъ вамъ примѣръ... Года два тому назадъ я встрѣтилъ мальчика, 12 лѣтъ, который въ умѣ продѣлывалъ цѣлыя дѣйствія сложенія и вычитанія...

— Да вы думаете, что, перебилъ меня учитель, замѣтивъ мое поползновеніе возразить:—вы думаете на

двѣ, три цифры? Э-э! Въ три, четыре ряда, да тысячныя числа!

— Ужъ это чудо.

— Я, вѣдь, и говорю, какъ о феноменѣ.

— Гдѣ-же онъ теперь?

— Да на охотѣ погибъ... Разорвало ружье и убило... Вотъ вамъ—случай.

— Можетъ быть явился бы геніемъ.

— Онъ имъ и былъ!.. Да все равно только: въ дѣбрыхъ же завязъ бы... а впрочемъ, какъ знать: все могло выйти... Малышъ любилъ читать и выказывалъ желаніе учиться дальше.

— А какъ вообще? Любятъ они читать?

— Малыши-то? или взрослые?

— Тѣ и другіе?

— Да взрослому когда же... И опять послѣ школы имъ въ руки и книги, пожалуй, не приходится брать; другой и читать потомъ разучивается...

— Тогда ваша работа...

— Сизифова, хотите сказать?

— Развѣ нѣтъ?

— Жизнь, батюшка!... Въ этомъ отношеніи и русскій брестянинъ въ такихъ же условіяхъ...

— Это такъ...

Водворилось недолгое молчаніе.

— Хлѣбъ надо доставать, когда читать тутъ, промолвилъ Батановъ первый.—А слушать они любятъ...

— Кто же читаетъ?

— Ребята...

— Ну, а эти что?

— Эти любители, только своеобразны... имъ или

про охоту подавай, или про войну.. а обыкновенныхъ, воспитательныхъ-то, такъ-называемыхъ, книжекъ терпѣть не могутъ...

— У всякаго свой вкусъ!...

— Да-съ... Про охоту и войну очень любятъ... Дашь книгу, такъ въ драку... Особенно Майнъ-Рида любятъ, только понимать его трудно... такъ я имъ самъ читаю...

— И охотно слушаютъ?

— Не пошевелинутся... а потомъ сами давай разыгрывать индѣйцевъ и американцевъ... И всѣ, вѣдь, хотятъ, замѣтьте, быть индѣйцами... Смѣхъ!...

— Вотъ еще! Отчего же?

— Ужъ, право, не знаю... И вѣдь только смотри... глаза да и глаза за ними надо.

— А что?

— Обезьяны чистыя! Наслушались разъ... и давай скальпировать.

— Что вы?

— Вотъ, вотъ!... Индѣйцы...

— Да кого же?

— Положимъ, роль янки, попавшихся въ плѣнъ, играли животныя: кошки, мыши, щенки... Да вѣдь это что же? Варварство! На силу остановилъ, убѣдилъ... Просто бѣда!

— А вы ужъ давно здѣсь учительствуете? спросилъ я.

— Да, шестой годъ...

— Привыкли?

— Вполнѣ...

— И языкъ знаете, конечно?

— Еще бы!...

— Вы вѣдь и раньше знали его, думаю?

— Представьте, нѣтъ!

— Да какъ же тогда?

— Вывезла смекалка... А то бы не зналъ, что и дѣлать... Да попечитель помогъ... Вы не соскучитесь, если я...

Батановъ остановился...

— Вы хотите рассказать чтонибудь?...

— Да, о самыхъ первыхъ дняхъ...

— Сдѣлайте одолженіе... очень буду благодаренъ...

XI.

Разсказъ учителя.

Я—семинаристъ. Но семинаріи не кончилъ... Выйдя изъ «философіи», т. е. изъ философскаго класса, я намѣревался поступить въ писцы, благо была протекція попасть на службу въ Губернское Правленіе.

— Въ духовное званіе не хотѣлось?

— Я щепетиленъ отъ природы... Ужъ если что взять на себя, такъ исполнить... Быть священникомъ очень трудно, сами знаете... Нужно быть въ нѣкоторомъ родѣ идеаломъ, пасти, отъ многого отказаться... А годы молодые... Кое-какъ — не хотѣлось, совѣсть мѣшала. Поэтому-то избралъ свѣтское званіе, чиновничество.

— А попали въ учителя?

— Да, именно попалъ... Совершенно случайно... Курсы открылись въ городѣ... «Педагогическіе курсы»...

Два года... Дай-ка, думаю, туда махну.. Все-таки словно лучше, интеллигентнѣе...

Батановъ улыбнулся.

— Просвѣтитель въ нѣкоторомъ родѣ, сказалъ я.

— Вотъ, вотъ... Юность все вѣдь... Такимъ-то образомъ поступилъ на курсы, кончилъ и получилъ мѣсто вотъ въ эти зырянскія дебри.

— По своему желанію?

— Разумѣется... Прельщала дѣятельность, въ нѣкоторомъ родѣ миссіонерская, — годы молодые, ну—и поѣхалъ.

— Такъ.

— Когда я уѣзжалъ, разное слышалъ. Одни увѣряли, что дичь такая, что умрешь съ тоски; что зырянинъ—упрямъ, какъ чортъ, и ничего съ нимъ не подѣлать... Другіе утѣшали, дескать, все уладится, нужно только умѣніе, да терпѣніе и охота.

— Охота-то у васъ была.

— Казалось самому, что и терпѣнія хватитъ... И поѣхалъ съ надеждой на счастье.

— И вывезло?

— Привыкъ — надо сказать.—Сначала точно тяжело... Особенно съ перваго шага... Ничего-то не знаешь... Все—чужое. И языкъ, и обычаи, и нравы... Незнаніе языка сколько тяжести приноситъ... Какъ пошли зырянскія деревни, такъ хотъ съ голоду умирай... Не умѣю объясняться... Точно плѣнный французъ...

— Да вѣдь они же понимаютъ по-русски?

— Развѣ всѣ?

— Я думаю, очень многіе.

— Ближе къ городу—да, а въ дебри—ни-ни! Да и

мужчины больше понимаютъ, а бабы совсѣмъ плохо. Но вѣдь пользы-то мало отъ того, что и понимаютъ... И знаютъ, да не знаютъ.

— Какъ же такъ?

— Народъ такой. Не любятъ по-русски объясняться. Молчить себѣ, какъ бревно. Слова не добьешься. А услышитъ свою рѣчь — куда и угрюмость; замокъ съ губъ снялъ и все тебѣ доложить...

Онъ вздохнулъ, помолчалъ и затѣмъ продолжалъ:

— Однако добрался кое-какъ... Всѣ смотрятъ будто на чудо... Спросилъ ни улицѣ малыша, — глаза выпучилъ и молчить. Повторяю вопросъ — только буркалами хлопаешь. Крикнулъ, — убѣждалъ... Пошелъ я къ почетелю. Тотъ немного знаетъ...

— Какъ, спрашиваю: за школу ли хотя жители-то? Оказывается, что не больно тово... Почему же? Прежній учитель былъ очень худъ. Пьянствовалъ, да ухаживать за бабами задумалъ, чуть не уколошили... Ну, думаю, дѣло плохо. Придется еще сочувствіе возбуждать... а это не очень-то легкая вещь вообще, а тѣмъ болѣе безъ знанія языка. Однако, объявилъ открытіе школы... Явился на утро... Учениковъ только трое. Мало, да и съ тѣми объяснить не умѣю... Цѣлый день пробился, и ничего не могъ придумать... Да удалось узнать два слова: *это* (эсса) и *говори* (шу). Эти два словечка меня и вывели.

— Только два?

— Только два!

— Какимъ же это образомъ?

— А вотъ слушайте. Обратился я ко всему классу (на другой день было уже 4 ученика) и, показывая на

поль, произнесъ: эсса — поль; затѣмъ перебралъ всѣ вещи и говорилъ: эсса—окно, эсса—доска, эсса—печь и т. д. Повторилъ нѣсколько разъ и потомъ, опять показывая на поль, сказалъ: шу—поль, т. е. говори—поль. Мнѣ всѣ кричали поль. Имъ показалось съ одной стороны пріятно и съ другой забавно. Тогда я далѣе: Шу — окно. Кричатъ: окно. Шу — дверь. Кричатъ—дверь. И пошла. Все перебрали. Этимъ первый урокъ и кончился.

— На другое утро — собралось уже 6 мальчиковъ. Бывшіе увлекли пріятелей. Мы опять все повторили, и я началъ уже спрашивать. Покажу на примѣръ на печь, и говорю: — эсса? указывая на доску, спрашиваю:

— Эсса? На нѣкоторые вопросы мнѣ отвѣчали, на другіе молчали. Въ послѣднемъ случаѣ самъ говорилъ: шу,—и называлъ предметы. Повторяли. Я спрашивалъ далѣе. И вотъ бился я такимъ образомъ около полутора недѣль.

— Ежедневно? спросилъ я.

— Да.

— И подолгу?

— По два, по три часа... Уча, я учился самъ... И во время уроковъ и послѣ ихъ я учился по-зырянски. Покажешь на примѣръ на книгу и скажешь: говори по вашему; они скажутъ, я запишу и учу. Возни бездна. Но какъ же иначе? Бросай дѣло, что ли? За то, когда я понаучился, все пошло какъ по маслу.

— Дружелюбно отнеслись къ вамъ отцы?

— Сначала нѣтъ... Предмѣстникъ мой пьянствовалъ и ругался только... Но когда увидѣли мои труды,

желаніе научиться ихъ языку, они оцѣнили мое усердіе... Это выразилось прежде всего въ увеличеніи числа учениковъ. Затѣмъ и обращеніе измѣнилось...

— И ничего особеннаго въ ихъ отношеніяхъ къ училищу?

— Почти... Главное, они хотятъ, чтобы дѣло было, не безпутство... Они хорошо понимаютъ пользу напри-мѣръ русскаго языка и желаютъ тѣмъ, чтобы дѣти учились ему... Скажу одно: ладить съ ними вполне можно... Полюбивъ меня, стали и школу поддерживать.

— Значить, вы довольны?

— Да, но все-таки уѣду скоро.

— Почему?

— Хочется еще поучиться... да и пожить иначе... Вѣдь я же не апостоль просвѣщенія, не на подвигъ обрекъ себя... жить хочу... Думаю еще въ Москву, да и въ академію...

— Въ академію?

— Да, въ земледѣльческую...

Нашъ разговоръ перешелъ на тему о высшемъ образованіи.

XII.

За чаемъ.—Переполохъ.—Порча приплыла.—Недовѣріе Пэдэра и Петыря.—Испугъ жены Пэдэра.—Прежняя порча.—На рѣчкѣ.—Разговоры и соображенія.—Мы съ учителемъ рѣшаемъ вопросъ.—Чѣмъ оказалась порча.—Радость и недовольство.

Семья Пэдэра пила чай только по праздникамъ. Не то, чтобы онъ не имѣлъ средствъ пить чаще, а ужъ какъ-то не привыкли, не заведено.

— Лишнее баловство вѣдь чай-то эти, говорилъ Пэдэръ... Ну, праздникъ—такъ оно какъ будто и кстати, праздника ради... А въ будни-то зачѣмъ?

— И празднику отлички не будетъ, замѣтилъ Петырѣ не безъ ироніи.

— Именно такъ, сынокъ! Надо жѣ чѣмъ ни на-есть праздникъ и день воскресный отъ будняго отмѣтить...

Однако, когда я сталъ пить чай по два и по три раза въ день, то ни Пэдэръ, ни Петырѣ, ни хозяйка съ дочерью не отказывались отъ приглашенія и пили охотно всякій разъ чашекъ по пяти.

— Что говорить, питье вкусное, призналась хозяйка.

— И я люблю чай, наивно проговорила Одэ.

— Ладно, не подговаривайтесь, отрѣзалъ Пэдэръ; этого баловства заводить нечего... Ну, гость вотъ подчуесть — ладно, а то что еще за мода? Отцы наши и того не знали, что мы, а нешто хуже были? И богаче и умнѣй, да и здоровѣй насъ.

— Развѣ умнѣй? замѣтилъ я.

— А то нѣтъ скажешь?... Умнѣй, конечно.

— Почему же?

— Озорства не было такого... Все тише и честнѣй... Жить умѣли... И Богъ-то болѣ помогалъ за это... Добыча лучше была... Теперь, что ни годъ — все труднѣй!

Дверь съ размаху отворилась и вбѣжавшая женщина что-то скоро-скоро заговорила по-зырянски, охая и разводя руками. Лица всѣхъ выразили испугъ и удивленіе.

— Что это она говоритъ? обратился я къ Пэдэру.

— Да вотъ порча, говоритъ.

— Какая порча?

— Порча приплыла.

— Какъ приплыла? удивился я.

— Да какъ! Приплыла, извѣстно, какъ: водою!

— Развѣ порча можетъ плыть... Вѣдь не вещь же она какая нибудь... Если только еще совсѣмъ не вранье, что есть порча.

— Ужъ это не вранье... Сколько ихъ порченныхъ-то.

— Да все же не вещь, какъ она можетъ приплыть?

— Кто ее знаетъ. Говорятъ вотъ, что приплыла...

— Пустое, надо полагать, усомнился первымъ Петырѣмъ.

— Можетъ быть, кто знаетъ, промолвилъ отецъ.

А женщина продолжала размахивать руками, сообщая новость. Вотъ она выкрикнула какъ-то слово и убѣждала изъ керки.

— Говорятъ, что народъ собирается, надо посмотреть, заявилъ Пэдэръ. Его жена заохала, испуганная и трепещущая.

— Чего ты!...

— О-опять эта порча...

— Ну, что до поры, до времени ревѣть... Надо подождать еще!

— Не слыхалъ развѣ?...

— Что слыхалъ! Можетъ еще враки!

— О, какія враки! Всѣ видѣли... Она Кузю ушибла въ лобъ и онъ едва не сошелъ съ ума...

— Посмотримъ вотъ, мать, заявилъ Петырѣмъ: годи!...

— Да не можетъ же этого быть... Какимъ образомъ порча приплыветъ? сказалъ я.

— О, что вы говорите! возразила убѣжденно жена Пэдэра. Развѣ ужъ не бывало раньше!

— Порча приплывала уже?

— Да нѣтъ... а баба родила ее...

— Порчу?

— Да, да... И хотя ее закопали въ землю, а болѣзнь пошла по всему краю—и болѣзнь, и голодъ... И звѣря было мало...

— Это было дѣло «Ворона», сказалъ Пэдэръ... Его разсердила баба...

— Какого ворона?

— Колдунъ тутъ есть... Онъ все... Какъ нибудь увидите его...

— Ну, а порча та, что отъ бабы родилась... кто ее видѣлъ?

— Всѣ видѣли.

— А доктору показывали?

— О, какъ же! Онъ и вынулъ ее.

— Такъ это вѣроятно... Да что вѣроятно,—навѣрное это была не порча!... Вы знаете...

— Нѣтъ, нѣтъ, порча! перебила испуганная женщина.

И отецъ, и сынъ уже были готовы, я тоже поспѣшилъ надѣть шубу и мы всѣ трое отправились на рѣчку. Просилась и Одэ, но мать не пустила ее, прикрикнувъ:

— Тебѣ еще что? сиди дома, покамѣстъ цѣла! Одэ должна была покориться матери.

На берегу рѣчки дѣйствительно собралось много народа... Когда шли еще туда, то насъ опереживали

бѣгущіе стрѣмглавъ молодые парни и дѣвицы. Всѣмъ хотѣлось узнать скорѣе про порчу.

— Да кто же ее увидѣлъ? спросилъ Петырѣ у ка-кого-то парня, здороваясь съ нимъ.

— А Кузь!

— Это слѣпчанъ-то?

— Онъ самый...

— Да не вретъ ли?

— Въ руки бралъ, говоритъ, и какъ она его въ лобъ-то вдарить... Онъ и ума лишился...

— Да какъ же она вдарила-то?

— Ужъ не знаю этого... а вдарила...

Въ кучкѣ стоявшихъ шли толки.

— И какая она изъ себя-то?

— Извѣстно — порча... лохматая, волосистая...

— А и нѣтъ! слышалось возраженіе...

— Вѣрно, что нѣтъ, поддержалъ кто-то... Кузь говорилъ, что гладкая, скользкая...

— А глаза-то у нея... глаза-то!...

— Такъ и хлопаетъ!...

— Ври!

— Самъ Кузь сказывалъ...

— Охти, наказаніе! вздыхала старая баба; болѣсти, болѣсти опять...

— Да гдѣ же порча? спросилъ Петырѣ.

— А въ рѣчкѣ... У берега...

— Кузь-то ее бралъ въ руки?

— Бралъ...

— И опять кинулъ?

— Чаво кинулъ! Сама выпрыгнула... вдарила въ лобъ и выпрыгнула...

— И руками замахала!

— Городи еще! Она вѣдь безрукая!

— А Кузь...

— Чаво Кузь? Про руки Кузь не сказывалъ...

Всѣ толпились на берегу, и хотя видѣли порчу, плавающую у берега, слегка качаемую волною, но подойти боялись.

— Что тутъ за сборище? здравствуйте! подошелъ къ намъ учитель. Мы поздоровались.

— Чего ради такая толпа?

— Порча приплыла, улыбнулся я.

— Гдѣ?

— У берега.

— Такъ чего же ее не берутъ? засмѣялся онъ. — Опять, видно, что нибудь въ родѣ кисты?

— Кисты?

— Ну, да... Лѣтъ пять тому назадъ было. У бабы киста выросла... Ну, докторъ сдѣлалъ вырѣзъ... Объявилъ и велѣлъ закопать... А здѣсь прокричали, что порча... и убѣдить нельзя было...

Я передалъ Батанову слова жены Пэдэра.

— Ну, вотъ! Это и есть! Онъ засмѣялся не громко и произнесъ:—пойдемте, вынемъ порчу.

— Пойдемъ.

Насъ пропустили, но всѣ съ удивленіемъ и страхомъ слѣдили за нами.

Мы подошли къ рѣкѣ, нагнулись и вынули... резиновый мячикъ! Какъ онъ попалъ сюда, откуда—рѣшительно не знаю... Когда мы его бросили о земь, онъ привскочилъ въ воздухъ... Толпа съ испугомъ попятилась назадъ...

— Бросьте обратно!

— Назадъ! Назадъ!

— Зачѣмъ ее на землю! Заразить!

— Да полноте... Это — мячикъ!... крикнулъ по-зырянски учитель... И онъ громко началъ разъяснять толпѣ, вертя въ рукахъ мячъ, и два раза бросилъ его о землю.

— Это дѣтская забава, а вы боитесь... ребятамъ отдать надо...

— Да Кузь...

— Какже Кузь-то?

— Въ лобъ вѣдь вдарило!

— Ну, что-жъ? вотъ смотрите. Батановъ опять бросилъ о землю и нагнулся. Мячъ щелкнулъ его по лбу. Видите?...

— А глаза-то, глаза!

— Да нѣту ихъ,—гдѣ они?

— Кузь говорить...

— Со страха-то ему, Богъ вѣсть, что повидѣлось!...

— Ахъ, Кузь, Кузь...

Надъ нимъ начали потѣшаться... Всѣ были рады, хотя нѣкоторые съ недовольствомъ заявляли:

— А кричали — порча!

Словно, имъ хотѣлось, чтобы именно приплыла порча.

Были и такіе, что даже послѣ рѣчей учителя недовѣрчиво и боязливо покачивали головами, какъ бы говоря:

— Мячъ!.. можетъ быть... А если нѣтъ... кто знаетъ? Лиха на свѣтѣ много.

ХІІІ.

Приготовленіе къ осеннему «лѣсованію». — Охотничьи партіи. — Прежде и теперь. — Дѣленіе зырянской охоты. — Я сближаюсь съ лѣсными людьми. — Шутки надъ «баринѣмъ». — Кузь и Одэ. — Свобода дѣвушки. — Вѣрность факта и ошибочный выводъ. — Строгая нравственность замужней зырянки.

— А что, отецъ, пора и къ лѣсованью готовиться? ты какъ думаешь? промолвилъ молодой Чиркъ.

— И то правда.

— Скоро—Ивана будетъ... (Іоанна Богослова).

— Скоро, скоро... Да ты что много хлопчешь? вѣдь безъ тебя ужъ ваши готовили...

— Да оно такъ-то-такъ... а все еще кое-что надо приладить... на партію нельзя же надѣяться... Каждый о себѣ...

— А вы партіями охотитесь? спросилъ я.

— Да...

— Поскольку же человѣкъ въ каждой?

— Всяко... Неодинаково.

— Человѣкъ 10, 15?

— Случается... да рѣдко... Больше 6 — 7... Много ужъ 8 человѣкъ...

— Всю зиму охотитесь?

— До середины марта, такъ примѣрно... Только съ роздыхомъ... Мы «лѣсуемъ» дважды... Оно у насъ такъ и слыветъ: одно лѣсованье—осеннее, вотъ то, что теперь будетъ... Оно до Миколы длится (до 6 декабря); а въ январѣ мы сѣизнова въ «лѣсованье»...

— Въ зимнее?

— Да, ужь то—зимнее.

— И до весны?

— То ужь до середки марта... Такъ ужь мы партіями и охотимся... Еще съ конца лѣта уговорятся, кто съ кѣмъ и ладятъ къ осени... Сготовляютъ.

— Что же именно?

— Какъ что? Да развѣ мало надо?... Прежде всего, чтобы ружья были излажены, пороху и свинчатки вдосталь... Это первое...

— Еще?

— Тамъ одѣжа... ну, харчи... сколько заботы!...

— И много вы забираете харчей?

— По достатку... по году... Нонѣ вотъ времена трудныя, не развѣшья сытно.... А въ старину дѣды исправнѣе жили и ѣли плотнѣе... Время-то было добычливое...

Да, прежде зыряне, по словамъ г. Латкина, жившаго въ 30-хъ годахъ, запасались исправно. Они брали на человѣка по 4 пуда сухарей, сушеныхъ пироговъ съ крупой по пуду, ржаной и ячной муки по пуду, крупы по 20 фунтовъ, ячной муки для собакъ по пуду, масла по 15 и 20 фунтовъ, говядины по пуду, соли по 10 фунтовъ... Все это на одного человѣка!

Я сказалъ Пэдэру.

— Это такъ... Вѣрно, было такъ...

— Да прошло?

— Все прошло, вздохнулъ Чиркъ. Теперь не до масла, а чтобы сыту быть... Гдѣ ужь блины... Проблинишься!...

— А почему же? Добычи меньше?

— Истинно такъ.... Гдѣ нонѣ добычи?... Только охота, да нужда... а то, чтобы и ходить...

— Ужь будто такъ худа охота?

— Да я это сравниваю съ тогдашней-то.... Вонъ дѣдъ мой, помню, въ одно лѣсованье 200 штукъ «сбилъ»... Двѣсти штукъ на ружье — худо?

— Отлично по моему.

— И по моему также. Вотъ это охота... А нонѣ что?

— Бобровъ было тогда много, говорятъ?

— Были... И какіе еще были-то!

— А теперь нѣтъ?

— Одинъ запахъ бобровый-то, вотъ теперь что!...

— А соболь?

— И соболя скрылись... За камнемъ есть... А здѣсь—ни!

— За какимъ это камнемъ?

— За камнемъ... За горами...

— По ту сторону Урала, значитъ? догадался я.

— Да, да, тамо соболя есть еще... А здѣсь ихъ со свѣчей ищи... Они и за камнемъ-то — рѣдкость... Тоже не разлакомишься больно-то...

— Бѣлки у васъ довольно.

— Не скажи тоже... Правду молвить надо, плодливый звѣрь... А тоже годами... Когда идетъ много, а когда мало... Уйдетъ за камень когда—и бей!...

Хотя уже главныя приготовленія всѣ были закончены, но на берегу рѣчки все-таки цѣлые дни толпились люди, возясь около лодокъ, сколачивая нарты... «Было дѣла», выражаясь языкомъ Пэдэра.

Я подолгу просиживалъ на берегу, стараясь сблизиться съ угрюмыми сынами лѣса... Они на меня производили не очень-то пріятное впечатлѣніе. Какъ будто

они были совсѣмъ другіе люди, чѣмъ Чирки... Взоры потуплены внизъ, взгляды — косвенные, недовѣрчиво-подозрительные... Въ отвѣтъ на мои вопросы—или краткое, односложное слово, или грубое молчаніе... А съ Чирками—совсѣмъ иные... Учитель былъ правъ: когда я пробовалъ говорить по-зырянски — они дѣлались немного говорливѣе... Но объясняться могъ съ трудомъ, лишь отрывочными словами... Представьте себѣ чело-вѣка, говорящаго такъ по-нѣмецки:—«эссенъ... бродъ»... «у меня гельдъ нѣту»... «гебенъ-зи веревка, мѣшокъ завязать», и т. д., не лучше, если не хуже этого могъ говорить по-зырянски...

Однако вліяніе Чирковъ имѣло значеніе, и съ кажды-мъ днемъ непривѣтливые «коми-войтыръ», т. е. «лѣсные люди», дѣлались ко мнѣ любезнѣе... Наконецъ мы будто даже сблизились, и тѣ самыя лица, что мол-чали на мои русскіе вопросы, теперь охотно отвѣчали, уча даже меня своему языку... Появились и шутки, особенно когда узнали мое намѣреніе идти въ лѣсо-ванье.

— Куды тебѣ? грубо-добродушно говорилъ одинъ парень.

— А что-же?

— Тебя бѣлка обидить... аль морозъ...

— Морозъ, морозъ! подхватывали другіе... Тѣло-то барское нѣжное... Щипать его морозъ охотникъ!...

И они подбавляли шутки на зырянскомъ языкѣ, значеніе которыхъ далеко не всегда мнѣ было по-нятно....

Ближе другихъ сошелся со мною молодой Кузь, тотъ самый, который надѣлалъ столько переполоху

своимъ извѣстіемъ о приплывшей порчѣ. Этотъ молодой парень, средняго роста, темно-русый, бѣлый тѣломъ, бойкій и веселый межъ своихъ, часто являлся въ сопровожденіи красивой и сдобной семнадцатилѣтней Парэ, съ которою по слухамъ онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ.

— Правда, Кузь? спросилъ я какъ-то его.

— А тебѣ што за дѣло?

— Да такъ!

— Много будешь знать, скоро состаришься...

— Ты не сердись, я къ слову только...

— Къ слову, братъ, нельзя въ душу залѣзть, резонно отвѣтилъ Кузь, смутивши даже меня такимъ отвѣтомъ.

— Это вѣрно, живутъ они промежъ себя, сказалъ Падеръ, когда я его спросилъ, справедливъ-ли слухъ о Кузѣ и Парэ.

— И всѣ знаютъ?

— Знаютъ.

— И ничего?

— Да что-жъ? Развѣ дѣвка не вольна въ своемъ тѣлѣ?... Это дѣло ейное... Кто ей набольшій? Вѣдь еще клятвы не давала въ церкви.

— Да Кузь женится?

— Слышно, хочетъ жениться.

— А какъ обманетъ?

— Найдется женихъ и окромя Кузи.

— Зная все?

— Да што все-то? Я жъ тѣ говорю прямо: развѣ дѣвка не вольна въ себѣ? Кого она обманываетъ? Гдѣ же тутъ худо? Вотъ жена... Та—иная рѣчь... Здѣсь —

клятва... Нарушила — обманула мужа и Бога... Это — грѣхъ!

— Женщинъ строго судите?

— Какъ-же можно!... Да только онѣ и сами строги у насъ: бабу купить лаской трудно.... Бѣдность что.... тутъ ужъ развѣ... да нѣтъ! Бабы—строги... Баба не дѣвка: дѣвка вольна, дѣвка сама—своя, и надъ тѣломъ наибольшая.

— А баба?

— У бабы — хозяинъ мужъ... Бабѣ нѣтъ воли, не полагается... Баба обязана соблюдать себя крѣпко.... Да она у насъ и блюдетъ... Вышла—шабашъ!

Взглядъ — оригинальный, но если хотите, право болѣе честный, нежели противоположный: дѣвушка — берегись, а дама, замужняя женщина — дѣло иное, мужъ покрышка... Мужъ-покрышка! Но вѣдь это обманъ; а во взглядѣ зырянина—правда...

И зырянскія дѣвушки свободно живутъ безъ вѣнца, не портя карьеры. Будь домовита—возьмутъ... Только дѣтей не имѣй. Чужихъ дѣтей—кому пріятно кормить! Имѣющая несчастіе забеременѣть — отправляется въ городъ, даже въ Москву или въ Петербургъ, помѣщаетъ ребенка въ воспитательный, и — конецъ дѣлу... А у другихъ и дѣти живутъ вмѣстѣ — и ничего... Отца и не знаютъ... Чей ты?—Да Оденъ! И все тутъ. Никакого укора!... Еще-бы! чѣмъ дитя виновно, если и мать—права?

Многіе писатели, отмѣчая этотъ фактъ, обвиняютъ зырянъ въ развратѣ. Это далеко несправедливо... Ставить мужа въ роль отвѣтственнаго редактора за чужое изданіе, лгать, обманывать, оскорбляя тайнство брака,—

вотъ гдѣ худшій развратъ!... Я не одобряю и не порицаю обычая зырянъ, ихъ взгляда. Я только хочу сказать, что свобода зырянской дѣвушки — совсѣмъ не развратъ... Жить съ разными лицами, продаваться, мѣнять «друзей» ежедневно — вотъ гдѣ худшій развратъ, вотъ проституція... А зырянская дѣвушка избираетъ одного и живетъ — подолгу... Нерѣдко по 4, по 5 лѣтъ... Также нерѣдко такія отношенія завершаются бракомъ... А попробуйте-ка зырянскую дѣвушку купить, какъ проститутку? У нея здоровыя руки для защиты себя и своей чести, какъ она ее понимаетъ... На отдѣльные факты нельзя ссылаться... Гдѣ ихъ нѣтъ?... Но не они устанавливаютъ правило. А за то смѣло можно сказать: жена-зырянка васъ не обманетъ, не оскорбитъ брака... Зырянскій край, это — край вѣрныхъ женъ!

XIV.

Зырянскія лодки. — Нарты. — Лыжи. — Лыжный посохъ. — Еще о ружьяхъ. — «Матка».

Познакомлю теперь читателя съ тѣми предметами, которые нужны для лѣсованья. Сдѣлаю это сразу, чтобы потомъ частымъ описаніемъ не прерывать разсказа о промыслахъ и самой охотѣ.

Начнемъ съ лодокъ.

Зырянскія лодки изготовляются изъ толстыхъ осинъ и обшиваются тонкими тесинами. Лодки чрезвычайно легки (относительно); два охотника, даже подростка, безъ всякаго затрудненія переносятъ лодку... На лод-

кахъ зыряне выѣзжаютъ въ осеннее лѣсованье и считаютъ удачей, если успѣютъ водою добраться до мѣста охоты. Случаются *волоки*, потому-то и нужны лодки легкія, удобныя для переноса. Но далеко не всегда удается охотникамъ добраться до мѣста на лодкахъ. Зима иногда вдругъ подкрадется и своимъ дыханіемъ заморозитъ рѣки, покрывъ ихъ льдомъ. Лодки — въ сторону, и на сцену выступаютъ *нарты*.

Нартами называются узенькія длинныя *чунки*, т. е. санки. Онѣ дѣлаются изъ двухъ тоненькихъ полозковъ, каждый шириною не болѣе двухъ вершковъ. Передніе концы полозковъ выгнуты кверху, какъ и у обыкновенныхъ саней. Въ полозья укрѣпляются по четыре копыла, каждый длиною въ аршинъ, и они связаны между собою тоненькими черемуховыми вязочками. На эти вязочки кладется вдоль нартъ тоненькая дощечка, повыше которой дѣлаются нащепы, т.-е. тоненькія еловыя жерди, разщепленные противъ копыловъ, а копылы продѣваются въ эти щели. Дощечка укрѣпляется къ нащепамъ посредствомъ тонкихъ переплетенныхъ между собою веревокъ. Къ переднимъ концамъ полозковъ прикрѣпляется въ горизонтальномъ положеніи тоненькая черемуховая дуга, къ которой привязывается поводокъ для тасканія нартъ. Эти послѣднія очень легки и чрезвычайно удобны на поворотахъ. Оба эти качества неоцѣнимы при цѣли — какъ можно больше увезти тяжести («Вол. Губ. Вѣд.»).

Лыжи — крайне нужны на охотѣ... Безъ нихъ не обойтись при глубокомъ снѣгѣ... Какъ же безъ нихъ? Вязнуть по колѣно? На лыжахъ же идти легко и скоро, если умѣть ходить. А зыряне-ли не умѣютъ?...

Необходимое слово о лыжахъ.

Онѣ дѣлаются изъ еловыхъ досокъ, длина которыхъ не превышаетъ обыкновенно трехъ аршинъ; ширина—четыре вершка, толщина же (по самой серединѣ, гдѣ утверждается нога) около $\frac{1}{4}$ дюйма; къ бокамъ и концамъ — тоньше. Концы лыжъ слегка округлены, такъ что представляютъ криволинейные углы, и впереди загнуты кверху, а середина выгнута къ ногамъ. Этотъ *выгибъ* поддерживается оленьими жилами, положенными во всю длину лыжи, и даетъ имъ изумительную быстроту: стоитъ только ступить и слегка ногой двинуть лыжу, какъ она быстро поскользится впередъ. («Охотн. пром. зыр.» Ф. Арсеньевъ).

Снизу лыжи обклеиваются *кисами* или *касами*, т.-е. оленьей шкурой, содранной съ ногъ, при чемъ берутъ въ соображеніе, чтобы движеніе впередъ приходилось по шерсти, а не наоборотъ. Эти *кисы* даютъ скользкость впередъ, и обратно: шерсть представляетъ достаточное сопротивленіе тому, чтобы лыжа не подавалась назадъ. Такое качество лыжъ полезно собственно при подъемѣ на гору. Края шкуры, загнутые кромкой на верхней сторонѣ лыжи, никогда не отстаютъ отъ дерева, потому что крѣпко приклеиваются особенной мастикой. Посрединѣ лыжи дѣлаются ременные путы, въ которые продѣвается носокъ ноги, обутый въ оленьій сапогъ, и сзади концами ремней затягивается нога къ пяткѣ, чтобы не катилась назадъ. На то мѣсто лыжи, гдѣ становится нога, прибивается *толстое бересто*, которое служитъ къ тому, чтобы снѣгъ, попадающій подъ ноги, не прилипалъ ни къ ногамъ, ни

къ лыжамъ. Бересто мокроты не принимаетъ, и снѣгъ съ него соскальзываетъ.

Послѣ лыжъ надо сказать о ихъ посохѣ, такъ называемомъ лыжномъ посохѣ. Онъ простой деревянный, но къ нему на нижній конецъ придѣлывается обручъ, прикрѣпляемый посредствомъ ременнаго переплета, продѣтаго въ дырочку, которая прожигается въ посохѣ. Обручъ нуженъ для того, чтобы посохъ не тонулъ въ снѣгу. Самый посохъ полезенъ въ 2-хъ случаяхъ: имъ бѣгущій охотникъ изрѣдка упирается въ снѣгъ, увеличивая этимъ скорость хода; при помощи посоха легче подняться, если по неосторожности придется упасть. На верхнемъ концѣ посоха — крюкъ. Входя на гору, охотникъ зацѣпляется крюкомъ за что-нибудь (дерево, кустарникъ...) и взбирается безъ затрудненія.

Съ обычными самодѣльными зырянскими ружьями я познакомилъ читателя еще ранѣе, въ шестой главѣ. Теперь прибавлю только о ложахъ зырянскихъ винтовокъ. Эти ложи чрезвычайно уродливы. Онѣ — просто-напросто плохо обтесанное полѣно, неловкое на прикладѣ. При прицѣлѣ нельзя даже приложить ложе къ щекѣ, а надо взять его подъ мышку и цѣлить по стволу. Заряжается такая винтовка очень интересно. Въ дуло всыпается немного пороху, потомъ внутри стволъ смазывается сальною тряпкою, навораченною на шомполъ; на отверстіе дула кладется пуля, нѣсколько большаго калибра, и придавливается такъ, чтобы на ней образовались выпуклости, соотвѣтствующія нарѣзкамъ винтовки. Затѣмъ пулю вгоняютъ въ дуло деревяннымъ пробойникомъ, сначала не глубже, какъ на вершокъ, и очень осторожно, дабы не измѣнять краевъ

у ствола,—а потомъ догоняють до пороха шомполомъ, и тогда остается только положить пороху на полку.

Лѣса зырянскіе громадны... Заблудиться не мудрено, хотя опытному охотнику они извѣстны отлично. Зыряне умѣютъ разными примѣтами опредѣлять направленіе пути; такъ, напримѣръ, днемъ и ночью они распознають страны свѣта по корѣ деревьевъ, которая на сѣверной сторонѣ толще, грубѣе, съ трещинами; по сучьямъ и игламъ, изъ которыхъ первые на южной стороны длиннѣе, обильнѣе хвоею, а послѣднія обращены всегда къ югу... Но какъ въ океанѣ, такъ и въ лѣсу—неудобно безъ компаса. Зырянскій компасъ называется *маткою*. «Матка» — маленькая, круглая деревянная коробочка, въ которой на тоненькомъ стержнѣ обращается магнитная стрѣлка, а сверхъ стержня положенъ кружочекъ съ разноцвѣтными полосками отъ центра къ окружности... Эти компасы-«матки» получаютъ изъ Архангельска.

XV.

Не ружье, а умѣнье.—Приученіе съ дѣтства къ ружью и охотѣ.— Маленькій зырянинъ и его забавы. — Подарки сыну. — Случай на крестинахъ. — Дорогое по счету.

Зыряне извѣстны, какъ лучшіе стрѣлки... Мѣткость глаза изумительная. И это при такихъ-то ружьяхъ (въ большинствѣ случаевъ).

— Не ружье, а умѣнье бьетъ, не одинъ разъ говорилъ Чиркъ.

Да, именно умѣнье.

И трудно не умѣть, когда зыряне свыкаются съ ружьемъ въ раннемъ дѣтствѣ. Еще едва умѣя держать вещь въ рукахъ — малыши уже изображаютъ охотниковъ, «у-укая» и махая лучиною... Первою игрушкою у мальчика опять-таки ружье. Сначала его роль исполняетъ простая палка, потомъ — лукъ, а затѣмъ само-дѣльщина игрушка-ружье, сдѣланное по образцу настоящаго, со стараніемъ возможно близкаго сходства... Игры—также охоты, стрѣльба въ цѣль, преслѣдованіе «звѣря». Въ лѣтнее время напр. бѣлка любитъ держаться на опушкѣ, забѣгаетъ близко къ домамъ, прыгая по огородамъ, цѣпляясь по крышамъ овиновъ и сараевъ. Молодые собаки выслѣживаютъ ее и учатся охотѣ. А мальчики тутъ какъ тутъ, — гоняютъ бѣлку, травятъ ее собаками. Они тоже учатся. Иногда партіями отправляются въ лѣсъ, не далеко отъ дома и устраиваютъ охоты... Страсть отца передается сыну наследственно. Уже ребятами зыряне — душою охотники и ждуть не дождутся перваго лѣсованья... Маленькій зырянинъ не проситъ у отца ни наряднаго кафтана или рубахи, ни картуза и сапоговъ щегольскихъ, ни даже пряника, а проситъ купить ему винтовку, получивъ которую и отправляется не далеко въ лѣсъ, бить тетеревовъ, рябчиковъ или куропатовъ. Иные еще отроками достигаютъ замѣчательной ловкости, мѣткости и дѣлаются къ своему совершеннолѣтію (17, 18 лѣтъ по обычаю) такими охотниками, что ихъ подвигамъ удивились бы «знаменитости» нашихъ охотничьихъ обществъ.

Хорошій стрѣлокъ — идеаль зырянина. Я позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ разсказа, указы-

вающій на характерную черту зырянина, какъ охотника. Сцена списана съ натуры.

Только что окрестили сына зажиточнаго, даже, если хотите, богатаго зырянина (богатыхъ собственно нѣтъ, есть только болѣе или менѣе зажиточные... Богачи — кулаки, ихъ немного. И о нихъ рѣчь впереди).

Въ разгарѣ пирь. Хозяинъ сильно весель,
Радужно подчуетъ гостей:
«Чего-же, кумъ Пэдэръ, вина жалѣешь?
«Не береги, полнѣ лей!
«Ужъ если пирь — такъ пирь пускай на славу,
«Пусть льется болѣе вина!
«Чего жалѣть? Благодаренье Богу!
«Найдется... Подчуй-же, жена!
«Давай сюда еще вина и пива!
Ужъ пировать — такъ до утра!
«Скорѣе, ну!»...

Но въ этотъ мигъ со скрипомъ
Дверь отворилась со двора,
И въ комнату съ котомкой за плечами,
Съ плохимъ и старенькимъ ружьемъ,
Вошелъ старикъ... Перекрестясь на образъ,
Промолвилъ онъ: «видзя чоломъ!»
— «Видзя чоломъ!» ему въ отвѣтъ хозяинъ:
«Куда, откуда держишь путь?»
— Иду домой... нельзя-ли въ вашемъ домѣ,
Хозяинъ, ночку отдохнуть?
— «Ну, что-жь, мой другъ, я странниковъ отъ хаты
«Не прогонялъ... разболелся,

«Перекуси, чѣмъ Богъ послалъ, и выпить,

«Коль только пьешь — не откажись!

«Мнѣ Богъ послалъ наслѣдника-сыночка,

Поздравь меня, и за него

«Медку, пивка—дружище—выпей съ нами,

«Хоть только чарочку всего!»

На эту рѣчь, три раза поклонившись,

Прохожій вымолвилъ въ отвѣтъ:

Да наградить тебя Господь за милость,

За добрый, искренній привѣтъ!

Да ниспошлетъ онъ крѣпость и здоровье

И смѣлость сыну твоему,

Да будетъ онъ стрѣлокъ — изъ славныхъ первый,

Да будетъ первый по уму!

Не откажусь я выпить чарку меду,

Оно и кстати — съ холодеу,

Но ужъ позволь, хозяинъ, мнѣ предложить

Подарокъ твоему сынку!

— Я человѣкъ, какъ видишь, небогатый,

Немного у меня добра:

Ни дорогихъ мѣховъ, собольихъ, лисьихъ,

Ни золота, ни серебра —

Не поднесу я твоему сыночку,

А вотъ, хозяинъ дорогой,

Прими ружьишко старое, худое,

Пускай къ нему наслѣдникъ твой

Исподволь пріучится, съизмала,

Играя, щелкаетъ куркомъ,

Чтобы потомъ, когда окрѣпнетъ силой,

Стать первымъ молодцомъ — стрѣлкомъ.

Привсталъ отецъ растроганный, счастливый,
И старика обнявъ рукой,
Ему сказалъ: «изъ всѣхъ подарковъ сыну,
Подарокъ лучшій, это — твой!»

И зажиточный зырянинъ щедро наградилъ прохо-
жаго, умѣло подошедшаго къ сердцу охотника!...

Приученные владѣть ружьемъ съ дѣтства, зыряне достигаютъ рѣдкаго качества—бить безъ промаха, не тратя даромъ «добра». Каждая дробинка, каждое зернышко пороха на счету: дорого! Беречь надо. Даромъ потратить—позоръ. Каждая пуля должна сдѣлать свое дѣло. Это одно изъ первыхъ и главныхъ правилъ охотничьяго зырянскаго катехизиса. И оно — не пустой звукъ!

XVI.

Окончательныя приготовленія къ лѣсованью. — Выборъ невѣсты Петыремъ.—Въ часовнѣ.—На крестинахъ.—Братчина.—Отъѣздъ.—
Зырянская собака.

За мужскими хлопотами наступили хлопоты женскія... Когда все было готово къ охотѣ, — засуетились «бабы», стряная пироги, хлѣбы, масляныя рогульки. Однимъ словомъ, pripravляли провизию... Въ мѣшки нагружали муку, крупу, соль... Въ бадьи клали масло, сало и яйца... Молодые дѣвушки не безъ грусти встрѣчали разлуку съ парнями, къ которымъ питали нѣжныя чувства, и съ которыми (иныя) только что объяснились, условившись по «возвратѣ» и свадьбу спра-

вить «по божьему»... Не у одной изъ нихъ глаза были заплаканы.

— Чего плачешь-то, нешто на войну идемъ, иль въ солдаты сдаютъ? замѣтилъ молодой, красивый парень своей «выбранной». — До Рождества-то недалеко!

По Рождествѣ свадьба была назначена.

— Недалеко, спрашиваю?

— Вѣстимо, недалеко!

— Такъ чего-жъ ты?

— Кто знаетъ — что будетъ...

— Обману боишься? Аль въ лису тамъ *«сердцемъ-то засушусь?»*

— Не то, улыбнулась дѣвушка сквозь слезы.

— А что? сгибну?

— Все можетъ быть...

— Что все-то? Медвѣдь задеретъ?

— Не можетъ, развѣ? Грѣхъ вездѣ ходить.

— Э, полно, негораздная! потрепалъ онъ по плечу *«выбранную»*, и это слово «негораздная» — вышло у него необыкновенно ласково и нѣжно.

Остался платокъ одной красавицы и у Пѣтыря Чирка.

Чтобы понять эту фразу, надо объяснить зырянскій обычай, теперь, впрочемъ, все болѣе и болѣе исчезающій. На игрищѣ молодой человѣкъ отнимаетъ платокъ у той дѣвушки, которая ему нравится. Если она въ теченіе трехъ дней не спроситъ платка обратно, то этимъ изъявляетъ свое согласіе на свадьбу. Остается — посылка свахи къ родителямъ, т.-е. уже офиціальная сторона дѣла. Если же дѣвушка спроситъ платокъ, то этимъ она отказываетъ искателю въ своей рукѣ. И тогда уже молодой человѣкъ не рѣшится послать сваху,

хотя-бы надѣялся на согласіе родителей отказавшей дѣвушки, потому что взять *силкомъ* считается позоромъ, и если про это узнаютъ, то въ послѣдствіи и «гульба» жены ей не поставится въ вину.

Невѣста Пэтыря была дѣвушка едва-ли не самая красивая въ деревнѣ. Она не была богата, но и далеко не бѣдна. Ея отца всѣ уважали, а за нею ухаживали (если только это слово у мѣста здѣсь) почти всѣ парни деревни. Но она давно уже любила Чирка, и когда тотъ попробовалъ отнять у нея платокъ, она отдала его безъ особенной борьбы.

Это видѣли многіе.

— Неужели не спросить?

Прошло три дня... Прошла и цѣлая недѣля.

— Не спросила вѣдь?

Да, она не спросила, и Чиркъ рѣшилъ, вернувшись съ лѣсованья, заслать сваху.

Отецъ одобрилъ выборъ сына.

— Дѣвка — путная, ражая, съ достаткомъ и работница, — ладно, только и сказалъ Пэдэръ.

Обыкновенно передъ отплытіемъ на охоту въ часовнѣ происходилъ обрядъ освященія овцы и затѣмъ — общій пиръ. Но въ этотъ годъ почему-то «батьюшкѣ» нельзя было пріѣхать въ деревню, и въ часовнѣ освященіе не происходило. Но чтобы познакомить съ этимъ обрядомъ, я опишу его немногими словами, какъ слышалъ самъ отъ лицъ видѣвшихъ.

Рано утромъ начинается въ часовнѣ богослуженіе, которое и продолжается около 1¹/₂ часовъ. По окончаніи всѣ выходятъ на площадь передъ часовней, и на большой деревянный столъ кладутъ зарѣзанную овцу. Ее

раздѣляютъ на три части: одна часть священнику и причту, другая на продажу въ пользу часовни, а третья для трапезы.

Надъ этой послѣдней читается молитва, и затѣмъ мясо кладется въ котелъ для варки. Когда оно сварится, народъ размѣщается на половикахъ, разостланныхъ по землѣ, и трапеза начинается, при чемъ ходитъ по рукамъ *круговая* ендова съ пивомъ (суромъ). Пиръ кончается въ глубокія сумерки.

— Для чего это дѣлается? спросилъ я, выслушавъ рассказъ.

— А заведено такъ... чтобъ охота добычливѣй была.

— Отъ чего-же именно? отъ пира?

— Нѣту... отъ молитвы.

— Овца-то къ чему-же?

— Овца? а вишь какъ: вѣдь надо-же попу-то дать.. денегъ гдѣ-же... вотъ мясомъ и платимъ.

— А пиръ такъ-себѣ?...

— Пиръ, извѣстно, баловство... Да какъ безъ него, коли не вѣдомо, кто домой явится, а кто и не... Надо-же!...

Передъ самымъ почти отъѣздомъ на охоту, пришлось мнѣ быть на крестинахъ... Особеннаго они ничего не представляютъ, но два слова сказать о нихъ— не лишнее.

Прежде всего надо замѣтить, что рожденіе ребенка не производитъ радости въ семьѣ, особенно въ семьѣ бѣдной. Все дорого, а тутъ еще лишній ротъ, новая обуза... Съ ребятами и хлопотъ не мало.

— А пользы что?

— Выростутъ вотъ, помогать будутъ.

— Жди подмоги!... Да сынъ-то еще туда-сюда... И то, что въ немъ? Солдаты!...

— Ну, дѣвочка...

— А дѣвка и того хуже: поѣ, корми, а выростетъ — и кинетъ тебя. Нѣтъ ужъ — что это: хлопотня — ребята. Не въ нуждѣ они — такъ, а при бѣдности — божье наказанье...

И бѣдные зыряне совсѣмъ *не правятъ* крестинъ, т. е. не пируютъ по этому случаю.

— Чего пировать-то? Не радость какая!...

Мнѣ пришлось быть на крестинахъ у знакомаго Чирка, человѣка средняго достатка. Не *«широко»*, а все-же крестины были справлены. Отмѣчу одну оригинальность, которую пришлось увидѣть. Ребенка возили крестить за много верстъ, пировали же дома.

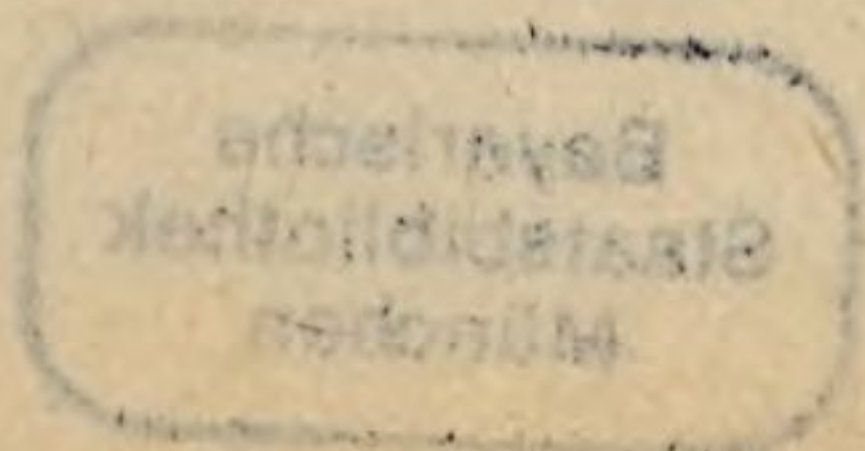
Накрыли обѣденный столъ... Крестный отецъ взялъ всего понемногу со стола: хлѣба, пироговъ, мяса, рыбы, дичи, соли, перцу, все это смѣшалъ, влилъ въ посудину воды, вина, пива, квасу и подалъ родному отцу новорожденнаго. Отецъ перекрестился и за здоровье *«пѣ»*, т. е. сына, истребилъ всю эту смѣсь, даже непоморщившись. Затѣмъ уже онъ началъ подчивать гостей виномъ.

— А суру-то здорово наварилъ кумъ, замѣтилъ мнѣ Чиркъ, бывшій крестнымъ. — Что на братчинѣ, прибавилъ онъ.

— На какой это братчинѣ?

— Праздникъ такой... Вотъ увидишь... Да нѣтъ, что я: не придется!

— Почему?

— Ужъ въ лѣсовку уйдете...

— Когда-же братчина бываетъ?

— Въ ноябрѣ... Первые три дня празднуютъ...

Пэтырь разсказалъ мнѣ, въ чемъ состоитъ праздникъ, а пѣсни, предназначенныя для него спеціально, я добылъ уже послѣ... И вотъ теперь передамъ все, что знаю о братчинѣ.

Это — собственно русскій праздникъ, но передѣланъ на зырянскій манеръ.

Братчина празднуется 1, 2 и 3 ноября. Нѣсколько взрослыхъ дѣвицъ дѣлаютъ складчину мукой, мясомъ, коноплянымъ сѣменемъ, масломъ, яйцами и картофелемъ, чтобы приготовить къ празднику пива и три обѣда. Всѣ эти припасы передаются нарочно выбранному *старостѣ*. Мука главнымъ образомъ употребляется на пиво, а часть ея продается, чтобы купить хмѣлю. Конопляное сѣмя идетъ на щи, если во время праздника случится постный день; изъ яицъ и масла дѣлается яичница; картофель подается просто вареный, или идетъ на приправу другихъ блюдъ. На праздникъ приглашаются и молодые люди, не ушедшіе въ лѣсованье.

Праздникъ открывается громкой пѣсней дѣвицъ, обращенной къ старостѣ. Поютъ по-русски, и слѣдующее:

Староста гузыня!

Давайте же пива!

Пересохло наше горло,

Не пиваючи такъ долго!

Староста приноситъ *ендову* (братыню) пива; четыре

старшія дѣвицы наливають по стакану, выходятъ на средину комнаты, становятся крестообразно и, ходя одна другой на встрѣчу, поють уже по-зырянски (приводимъ зырянскій текстъ, для знакомства съ языкомъ):

Нѡ, нѡжѡ чоіасъ, чоіасъ!
Нѡ, нѡже іуны, іуны
Нѡ, нѡжо сіоіны, сіоіны!
Онѣ мѣанъ іуны, іуны!
Онѣ мѣанъ сіоіны, сіоіны!
Воля, воля вошѡ, вошѡ.
Мужа дома нѣту, нѣту!
Тагіеі, тагіеі кокнедысеі!!
Ніаніеі, ніаніеі меводысеі!
Солѡі, солѡі олѡдысеі!
Рудзегъ сурѡі (отъ суръ)
Ідъ сукъ сурѡі!
Ідъ суроі, да жалѡкід сурѡі!
Шабды суроі!
Быгіа суроі!
Стѡканъ дорсо мемалѡма
Вомъ дорсѡ маалома.
Кодны шедѡ, —
Быдсѡнъ, быдсѡнъ!
Кодны шедѡ —
Косѡдзі, косѡдзі!

Въ переводѣ на русскій языкъ это будетъ:

Ну-те же, сестры, сестры! (2 раза)
Ну-те-же, пить, пить,
Ну-те-же, ѣсть, ѣсть!

Теперь наше время пить, пить,
Теперь наше время ѣсть, ѣсть!
Воля, воля потеряется, потеряется.
Мужа дома нѣту, нѣту!
Хмѣль, хмѣль облегчающій!
Хлѣбъ, хлѣбъ приголубливающій!
Соль, соль одомовляющая!
Пиво ржаное!
Пиво ячное, густое!
Пиво ячное, да пиво легкое!
Пиво пшеничное!
Пиво пѣнистое!
Край стакана облѣпило,
Губы умедовило,
Кому попадетъ —
Все, все!
Кому попадетъ —
До суха, до суха!

Дѣвицы выпиваютъ свои стаканы. Ихъ смѣняютъ другія и опять поютъ тоже, и т. д., пока всѣ участницы братчины не выпьютъ по стакану. (К. Поповъ).

Послѣ того двѣ дѣвицы, также поочередно, подносятъ по стакану пива молодымъ людямъ, припѣвая по-русски:

Пива, да пьянаго,
Меду, да сладкаго,
Наливай ковши полные!
Подноси да до румянъ!
Въ новосвѣтлой свѣтлицѣ,
Въ бѣлой горницѣ —
Наши умники — молодцы!
Прими нашъ (имя молодого человѣка)!

Молодые люди пьютъ. А дѣвицы пляшутъ и поютъ:

Пей, пей на здоровье!
По нашему челобитью
По Кирилловскому,
По праву Ненилову!
Да опрокиньте,
Да опростайте!
Да на головы поднимите,
Веселитесь!

Выпивъ пиво, парни кладутъ въ пустые стаканы
деньги.

Затѣмъ — пляски и игры.

Въ заключеніе перваго дня всѣ дѣвицы, взявшись
за руки, поютъ по-зырянски:

Кузіман — Деміанъ, во воіс, во воіс.
Талунъ, талунъ — мііанъ рочі зыбъ оз судзі;
Аскі, ведъ, мііонъ і рочі зыбъ судзіасъ,
А скомысі мііанъ і істѡгъ тув судзіасъ!

То есть:

Кузьма-Демьянъ, годъ пришелъ, годъ пришелъ!
Сегодня у насъ русскій шесть не достаетъ,
А завтра вѣдь у насъ и русскій шесть достанетъ;
А послѣ завтра и сѣрная спичка достанетъ.

Въ заключеніе втораго дня братчины поется:

Вчера у насъ русскій шесть не доставалъ,
Сегодня у насъ и русскій шесть достаетъ;
Завтра и сѣрная спичка не скроется.

Въ третій день поется:

Третьяго дня у насъ русскій шестъ не доставалъ,
Вчера русскій шестъ досталъ,
А сегодня и сѣрная спичка не скрылася.

Въ одной изъ главъ своихъ набросковъ я коснусь зырянской поэзіи. Теперь-же только два слова по поводу приведенныхъ пѣсенъ... Многимъ они кажутся, съ перваго взгляда, непонятными и какъ-бы бессмысленными. Разумѣется, это ошибка, потому что ни у одного народа нѣтъ бессмысленныхъ пѣсенъ. Надо только вникнуть...

Въ первый день — пива такъ много, что, выражаясь образно, поэтически, до дна бочки и шестомъ не достать («сегодня у насъ русскій шестъ не достаетъ»); во второй день пива уже меньше, такъ что «русскій шестъ достаетъ». На третій день пива такъ ужъ мало, что и «сѣрная спичка не скрылася»... Надо замѣтить, что, не смотря на гиперболу, выражено дѣйствительно образно и поэтически. И поэзія—своеобразная, самобытная...

Черезъ день послѣ крестинъ — назначена была отправка на лѣсованье.

Уже въ 4 часа утра вся деревня была на ногахъ... На улицѣ слышался шумъ...

Медленно надѣлъ молодой Чиркъ длинный зипунъ съ мѣховыми рукавами и лузаною (плащомъ) изъ оленьей шкуры, холщевые и суконные штаны, теплыя онучи и кожаные сапоги (кэмы) на ноги. Потомъ всталъ, помолился, поклонился отцу въ ноги — и, взявши сумку,

*) К. Поповъ. «Зыряне».

молча вышелъ изъ керки. Я, совсѣмъ уже готовый, послѣдовалъ за нимъ. Насъ провожали всѣ домашніе. Все же необходимое снесено было ранѣе въ лодку.

На берегу бродили охотники въ осеннихъ одеждахъ, съ ружьями черезъ плечо, и каждый видимо съ нетерпѣніемъ ждалъ отплытія. Я сказалъ сейчасъ, что всѣ охотники, подобно Чирку, были въ осеннихъ одеждахъ. Но съ собою захвачены были и зимнія. Зимняя-же одежда охотника слѣдующая: 1) теплая шерстяная рубаха, 2) *совикъ*, верхняя одежда изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ; къ ней пришивается шапка и рукавицы оленьи, 3) *малица*, такая-же одежда, но шерстью внизъ, 4) *нимы* и 5) *тобоки* — родъ калошъ, шерстью вверхъ.

На берегу-же вертѣлись собаки, выказывавшія еще большее нетерпѣніе, чѣмъ ихъ хозяева. Упомянувши объ этомъ умномъ животномъ, другъ и товарищъ зырянина, я ужъ кстати здѣсь приведу необходимые детали.

Начну съ наружности.

Остроконечная морда, тонкія ноги, стоячія уши, иногда длинная шерсть, гладкая, лоснящаяся, и пушистый хвостъ — вотъ отличительныя черты зырянской собаки. Она по большей части чернаго цвѣта. Встрѣчаются собаки и пѣгія, но такія — рѣдкость.

Что за умное, что за выносливое животное!... «Только не разговариваетъ по-человѣчески» — можно выразиться языкомъ одного зырянина. Но слова понимаетъ отлично... Скажетъ зырянинъ: «иди, что ты мѣшаешь тутъ!» И собака покорно уходитъ изъ керки. Каждый взглядъ, жестъ хозяина — ей ясенъ... А какая

выносливая!... Собакъ зыряне вообще не имѣютъ привычки кормить, покрайней мѣрѣ особенно заботиться.

— Что за песъ, если и добыть на ѣду не сможетъ. Добывай самъ, звѣрь — умный!

Она и добываетъ гдѣ можетъ и что можетъ... Воруетъ съѣстное, нападаетъ на птичьи гнѣзда.

Умъ и чутье собаки спасали не разъ заблудившагося охотника. Ужъ на что зырянинъ знакомъ съ лѣсомъ, а все же спутаться можетъ... Собака же чутьемъ выберется и хозяина выведетъ...

Дрессировки зырянская собака не знаетъ.

Вся выучка состоитъ въ *натаскѣ*; это значитъ то, что молодая собака берется въ лѣсъ вмѣстѣ со старой и здѣсь, безо всякой мучительной дрессировки, прекрасно изучаетъ свое дѣло...

Чиркъ всегда говорилъ:

— Чего учить? Примѣръ лучше всего... предъ нимъ всякая наука—ничто!.. Возьми старую собаку, да молодую... Собака, братъ, собаку скорѣй человѣка приучить: свой языкъ — и ученье свое!..

Зырянинъ беретъ обыкновенно на охоту пару собакъ, чтобы одна другой придавала больше энергіи въ отыскиваніи звѣря. «Если собаки хорошаго *натаска*, говоритъ одинъ изъ охотниковъ, жившихъ въ Устьсмыльскомъ уѣздѣ, — если онѣ вѣрны въ чутьѣ и зорки, когда звѣрь идетъ ходомъ по деревьямъ, то при двухъ собакахъ охотиться удобнѣе и добычливѣе; но если которая нибудь изъ собакъ *облаивается*, т. е. лаетъ не по звѣрю, а по мѣсту, на которомъ онъ когда-то былъ, то такая мѣшаетъ и хорошей собакѣ, часто отвлекая ее своимъ лаемъ съ горячаго слѣда добычи».

Хорошая собака стоитъ рублей 12, 15, 20 и даже 25. Двадцать-пять рублей — это высшая плата. Собака такой цѣны должна отличаться замѣчательной смѣтливостью, смѣлостью напасть даже на медвѣдя и такимъ задоромъ, чтобы не обращать вниманія на раны въ бою.

Выслѣдивъ звѣря, собака подымаетъ громкій и протяжный лай, и охотникъ по тону лая уже узнаетъ, съ какимъ звѣремъ ему предстоитъ дѣло: съ бѣлкою, куницею, соболемъ или-же: росомахою и медвѣдемъ...

Зырянинъ любить собаку...

— Она, братъ, иногда и отъ врага спасетъ, замѣтилъ Кузь.

— Когда нападетъ?

— Всяко... Чудное дѣло... Съ тобой иной что пріятель... другъ, кажись... А собака твоя не любитъ его... И какъ онъ съ тобой — не отойдетъ отъ тебя... Точно въ глазахъ и лицѣ его читаетъ недоброе...

— И что-же?

— И зачастую бываетъ правильна.

— Собака?

— Она! Другъ-то да врагомъ скажется... не едино и спасала собака...

Было около полудня, когда наши лодки отчалили отъ берега, при громкой, хотя и непріятной для слуха, пѣснѣ. Это была смѣсь зырянскихъ словъ съ русскими...

День былъ невеселый... Небо покрывалось легкими облаками, и вѣтеръ сильно гналъ струи, качалъ верхушки березъ...

Тоскливо становилось на сердце...

А пѣсня звучала:

Бадье, бадье мый гаштема...

XVII.

Въ пути.—Наружность зырянъ вообще: ростъ, цвѣтъ волосъ; глаза; тѣлосложеніе.—Одежда.

Мы плыли *водными изгибами*... И чѣмъ далѣе плыли, тѣмъ все лучше становилось кругомъ... Пустыня, ширь дебряная—глазомъ не окинешь. И рѣка, и лѣсъ, и далекія горы, и потерявшійся въ воздухѣ дымъ отъ «лѣсной баньки» — все это вмѣстѣ, съ сѣрой погодой, съ *чичеромъ*, наводитъ на свѣжаго, не «*тутошняго*» человека ужасную тоску. Особенно невыносима эта *тишь* глубокая, могильное безмолвіе. Ёдешь, напряженно прислушиваешься, не раздастся-ли пѣсня, — нѣтъ!... Ни звука. Ни звука, ни плеска — ничего! Ни лодки на встрѣчу. Только гнилыя деревья, вырванные бурей, попадаютъ: плывутъ, поднявъ кверху свои обнаженные, черныя вѣтви... Совсѣмъ бы мертвое, заколдованное царство, если-бы порой не проносилось надъ головою, со свистомъ разсѣкая воздухъ, стада куликовъ, да изрѣдка не трещали дрозды...

Зыряне сидѣли молчаливые, серьезные, работая исправно веслами.... Даже пѣсни, свои монотонныя скучныя пѣсни, затягивали рѣдко. До пріѣзда на лѣсованье — не любятъ они нарушать «тишь»... И плыли молча, перекидываясь короткими фразами...

Кажется, я еще не говорилъ вообще о наружности зырянъ... Всматриваясь въ ихъ лица, здѣсь, въ пути, когда они молчали и сосредоточенно работали веслами или сидѣли ничего не дѣлая, нахмурясь, глядя изъ подлобья, признаюсь, я невольно согласился съ авторомъ «Устьвыми», который говоритъ, что фізіономія зырянина съ перваго взгляда производитъ невыгодное впечатлѣніе... Да, это правда... Темный цвѣтъ волосъ и нѣкоторая узкость глазъ еще болѣе придаютъ лицу выраженіе мрачности и хитрости...

Я говорю темный цвѣтъ волосъ... Да, большинство. Но встрѣчаются русые, хотя и какъ рѣдкость. Вѣдь есть же евреи русые, хотя принадлежность еврейскаго типа — черный цвѣтъ волосъ. Впрочемъ, замѣчено, что зыряне, живущіе въ болѣе глухихъ мѣстахъ, сохранили ярче черты монгольскаго типа: ростъ средній и даже малый, корпусность, цвѣтъ волосъ темный, глаза узкіе. Зыряне же, обитающіе по большимъ дорогамъ и бойкимъ мѣстамъ, ближе къ городамъ, или въ нихъ, имѣютъ волосы русые, ростомъ выше, лицо бѣлѣе, и самый нравъ болѣе живой... Последнее обстоятельство объясняется многими, и между прочимъ г. Куратовымъ, тѣмъ, что въ одномъ случаѣ типъ чистый, а въ другомъ — потерпѣвшій измѣненія отъ смѣшенія съ русскими. Насколько это вѣрно — рѣшить не берусь. Но вѣрно только, что преобладаетъ цвѣтъ волосъ темный, ростъ средній (за исключеніемъ Удоры), но встрѣчаются и русые, гдѣ рѣже, а гдѣ — чаще. Относительно роста, впрочемъ, можно замѣтить еще слѣдующее. По закону, *minimum* роста зырянскаго рекрута опредѣленъ на вершокъ ниже общей нормы; слѣдовательно, есть право

думать, что въ сложности зыряне ниже русскихъ. Какъ и вездѣ, есть рѣдкіе примѣры великорослости. Такъ мнѣ привелось видѣть въ Петербургѣ зырянина въ 3 аршина; г. А. Поповъ говоритъ, что онъ зналъ старика-зырянина въ 3 аршина съ $\frac{1}{2}$ вершк.; сынъ его былъ еще выше. Въ какой-то мѣстности, въ 1830 году, былъ сданъ въ рекруты замѣчательный великанъ (3 аршина и 2 вершка). Его братья были *немногимъ* его ниже. Что же касается противнаго, то никто не приводитъ ни одного примѣра. Карликовъ-зырянь мнѣ лично не приходилось видѣть, и о нихъ я ни отъ кого не слыхалъ.

Относительно крѣпости тѣлосложенія зырянь нѣтъ разногласія. Всѣ, кто только писалъ о нихъ,—констатируютъ фактъ въ положительномъ смыслѣ... Одни только объясняютъ это вліяніемъ воды и климата, другіе — суровымъ образомъ жизни. Спросите зырянь самихъ — они вамъ объяснятъ по своему.

— Все отъ бани, скажутъ вамъ.

— Ну, да, усомнитесь вы.

— Отъ бани, повторитъ зырянинъ тономъ, который не допускаетъ возраженія.

— Причемъ же баня? спросите.

И вамъ отвѣтятъ:

— Баня—все... безъ бани невозможно... безъ бани давно умереть надо бы... а она всѣ болѣсти лѣчитъ.— Ты знаешь Якуша хромого? сказалъ мнѣ одинъ изъ зырянь, съ которымъ мы разговорились о здоровьи.

— Знаю... т. е. видѣлъ...

— Видѣлъ? Ну, вотъ... Знаешь, сколько ему лѣтъ?

— Не знаю... А старъ только.

— Ему 95 лѣтъ!...

Онъ помолчалъ и спросилъ опять:

— А Кутыря?

— Не знаю!

— Слыхалъ про него?

— И не слыхалъ...

— О! Вотъ человѣкъ... еще тебя видомъ моложе...

— А старъ?

— Кутырь? ему 101 годъ. Его всѣ знаютъ...

Онъ опять помолчалъ и сказалъ:

— А знаешь, отчего?

— Что?

— Долго живутъ? Кутырь и Якушъ?

— Отъ бани, навѣрное?

— Да!

И это краткое «да» было многознаменательно.

Не могу сказать, сколько правды въ увѣренности зырянъ, но надо сказать, что старики-зыряне очень крѣпки, бодры, что въ зырянскихъ селеніяхъ больныхъ немного и что вообще зыряне долговѣчны. Вѣроятно, одною изъ причинъ является избытокъ мясной и рыбной пищи...

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одеждѣ, пользуясь точнымъ описаніемъ одного знатока зырянскаго быта.

Зимняя одежда зырянина вполне приспособлена и по матеріалу, и по покрою къ климату. Это — малица и совикъ. Собственно это только двѣ разновидности, и при томъ очень незначительныя, одной и той-же одежды, изъ одного и того-же матеріала — оленьихъ шкуръ. Совикъ шьется шерстью кверху, съ пришитыми къ ней шапкой и рукавицами; послѣднія дѣлаются изъ око-

нечностей оленя, на которыхъ кожа съ болѣе короткой лоснящейся шерстью. Малица-же шьется шерстью внизъ, и по большей части покрыта *нанкой*, а подолъ обшивается пыжикомъ; ни шапки, ни рукавицъ къ ней не пришивается, и малица считается костюмомъ болѣе легкимъ и болѣе щегольскимъ. Покрой малицы и совика—*дьяконскій стихарь* безъ полъ. О нимахъ я уже говорилъ ранѣе.

Лѣтняя одежда — *дуккэзъ* шьется изъ домотканнаго бѣлаго сукна; это—тотъ-же кафтанъ съ перехватомъ въ талии (съ выемкой на бокахъ) и съ карманами.... Сукно замѣняется часто *сукманиной* (шерстяная нитка пополамъ съ ниткой изъ кудели). Въ дорогѣ сверхъ *дуккэза* надѣвается *лузанъ*. Лузанъ — полоса того-же домотканнаго сукна, длиною аршина въ два; сукно это подшивается по краямъ крѣпкимъ холстомъ, выходитъ значить мѣшокъ, кругомъ зашитый; но въ рукахъ ловкаго зырянина изъ одного мѣшка является два: отступя съ одного конца на четверть, въ срединѣ остатка сукна вырѣзывается круглая дыра, соразмѣрно величинѣ головы, и такимъ образомъ выходятъ дѣйствительно два мѣшка, куда и складывается провизія и другія дорожныя или охотничьи принадлежности; затѣмъ *лузанъ* надѣвается на плечи короткимъ концомъ напередъ и опоясывается ремнемъ въ вершокъ ширины. Какъ дополненіе къ лѣтнему костюму, надо назвать *накоморникъ*; это—женскій капоръ изъ холста, только онъ болѣе опускается на грудь, плечи и спину; отверстіе для лица обшивается волосяной сѣткой; назначеніе такого костюма — защита отъ комаровъ, пауковъ и мошекъ, которымъ нѣтъ числа въ зырян-

скихъ лѣсахъ и деревняхъ... Безъ *накоморника* нельзя, *буквально* нельзя выйти въ лѣсъ: мошка *застѣ*. Животныя приходятъ въ бѣшенство отъ мошкаръ. Одна корова, бросаясь изъ стороны въ сторону отъ мошкаръ, точно обезумѣла и бросилась въ ручей съ обрыва въ 13 сажень. Впрочемъ, нѣкоторые мажутся какой-то мазью, ужасно вонючей, но она помогаетъ лишь на короткій срокъ, да и то — не такъ хорошо, какъ *накоморникъ*. Еще лучше надѣть его послѣ мази.

Лѣтняя обувь—*коты*; это башмаки изъ сыромятной кожи, съ круглыми, широкими носками, шерстью кверху; кожа, чтобы не вбирала сырости, промазывается смолой; коты обшиваются суконной опушкой, а къ заднику пришивается кожаная петля пальца въ три шириною; въ опушку и петлю продѣвается веревочка, которою и стягивается опушка, плотно обхватывая ступню, а концами этой веревочки опутываются онучи.

Женскій костюмъ почти тотъ же, что и у русскихъ—китайникъ: праздничная женская рубаха сшивная, то есть рукава, грудь и спинка ситцевыя, а юбка холщевая. Женщины носятъ китайчатые шугаи, а зимой—шубейки, крытыя зеленой нанкой, съ бѣличьей опушкой; на головѣ—кокошникъ, покрытый платкомъ, спускающимся на спину. Дѣвушки повязываютъ голову платками, изъ подъ которыхъ выпускаютъ косу, съ вплетенными въ нее лентами самаго яркаго цвѣта; такого же цвѣта и платки. Яркіе цвѣта любимы чрезвычайно зырянками, особенно красный и розовый. Надо сказать, что это не безвкусица даже, потому что, напр., красная лента очень идетъ къ темной косѣ.

XVIII.

Новая остановка.—Осеннее утро.—Меня угощают.—Гостепріимство зырянъ.—Примѣры зырянскаго гостепріимства: свои воспоминанія и рассказы другихъ.—Пэтырь отдѣляется отъ партіи.

Осеннее утро только что начиналось. Съ семи часовъ вечера еще небо освободилось отъ облаковъ и вѣтеръ смолкъ, переставъ тянуть свою тоскливую, нескончаемую пѣсню. Утро началось такое, какого давно уже мы и не видѣли...

Я быстро проснулся, съ испугомъ осматриваясь кругомъ, еще не протерши хорошо, какъ говорится, глазъ.

— Что это? спрашивалъ я.

— Чего ты такъ-то? усмѣхнулся Пэтырь.

— Ишь спужался, замѣтилъ кто-то.

— Видно, сонъ страшный?

Я объяснилъ, что проснулся отъ толчка.

— Аль это лодку тряснуло... наѣхала на что-то.... Ишь, вѣдь, какой...

Онъ указалъ на зырянина, сидѣвшаго въ кормѣ и клевавшаго носомъ.

— Вишь... спя править-то... ну, вотъ!

— И самъ-то, гляди, свалится... на уху рыбамъ....

Пэтырь разсмѣялся и добавилъ:

— А ты чего: спужался?

— Не то, что... а...

— Чать, думалъ, тонемъ? хе-хе!... Небось... не дадимъ... эй ты, кормовой... не клюй головой... не води носомъ! крикнулъ онъ.

Кормовой быстро поднялъ голову, озираясь кругомъ.

— Чаво ты орешь?

— Чаво! а ты не спи!

— Я и не сплю... я такъ только... задремать захотѣлъ...

Это было сказано очень хорошо: «задремать захотѣлъ!»

Мы подѣзжали къ высокому выступу берега, на которомъ, близко-же отъ воды (сажень 7 — 9 отступя), начинался лѣсъ.

Стали пробуждаться въ лодкѣ (насъ ѣхало 10 человекъ).

— А что, и пора ужъ, заявилъ одинъ.

— Чего пора?

— На стоянку бы!...

— Ишь, чего захотѣлъ... видно, брюхо заговорило?

— А у тебя нешто оно не хочетъ ѣсть?

— Вѣстимо — пора... тепленькаго-бы, поддержали другіе.

— И кости размять-бы!...

— Кости размять — дѣло хорошее... Ишь, тоже, и онъ вертятся.... чуютъ!

Говорившій указалъ на собакъ.

— Стоянка, такъ и стоянка..... эй, Пэтырь!..... чего-жъ ты?

— Ну? отозвался тотъ.

— Валяй-же къ берегу...

— А это дѣло кормчаго...

— Анкита, чего-жъ ты! крикнули на кормчаго.

Онъ опять «хотѣлъ задремать».

— Приставай!... Братцы, да онъ спить.

— Буди его хорошенько!

И его обрызнули холодной водой.

— Ишь разобрало!...

Онъ даже приподнялся чуточку...

— Чаво балуешь?... Скажи...

— Говори тебѣ, коли тебя и пушкой не проймешь...
правъ къ берегу!

— Захотѣлось!... не ждеть.. — ворчалъ кормчій... И
не будетъ нешто мѣста лучше?....

— Ладно, ладно!...

— Ты знай правъ!

Продолжая ворчать, онъ направилъ лодку къ тому
мѣсту, гдѣ возвышался пригорокъ, обросшій съ краевъ
курчавыми кустиками.

Собаки первыя выскочили изъ лодокъ и, обрадо-
вавшись, начали съ лаемъ бѣгать, хватая другъ друга,
визжа и катаясь по землѣ.

— Ишь какіе козлы строятъ, сказалъ Кузь.

— Звѣрье!... Болѣ насъ къ бѣгу привыкли... а тутъ—
сиди... Наморились тоже!

Когда всѣ вышли изъ лодки, провизію снесли на
берегъ, закипѣла работа. Одни отправились въ лѣсъ,
другіе занялись подготовкой обѣда. Мы обыкновенно
день ѣхали, питаясь «сухомяткой», а на другой при-
чаливали для настоящаго обѣда. Теперешняя стоянка
была уже не первая.

Запылалъ костеръ (пожогъ), и въ котелкѣ закипѣла
каша, въ которую не забыли положить масла. Кузь,
свернувъ ноги калачикомъ, усѣлся около котелка и по-
мѣшивалъ въ немъ деревянной ложкой, снимая пѣну...

Нѣкоторые молча сидѣли на землѣ и курили короткія трубки-носогрѣйки. Я помѣстился недалеко отъ «пожога» и, думая о далекомъ городѣ, подбрасывалъ въ костеръ дрова...

Скоро поспѣлъ обѣдъ, и всѣ усѣлись вокругъ котла... Меня старались угощать, точно боялись, что буду голоденъ, или того, что я подумаю: не жалко-ли имъ... не подчуютъ!...

— Ышь, Ышь, мы не жадливы... гость ты... а гостю все лучшее!...

И мнѣ, дѣйствительно, старались дать все лучшее.

«Гостю все лучшее» — это правило зырянскаго гостепріимства. Что зыряне—гостепріимны, это подтверждаютъ всѣ лица, бывшія въ «краю лѣсовъ». Я позволю себѣ привести слова А. Попова, чтобы дать читателю наглядное понятіе какъ о гостепріимствѣ, такъ и объ услужливости и честности «людей лѣснаго царства»... Между прочимъ авторъ даетъ и нѣсколько чертъ вообще домашняго быта этого народа.

«Мы пристали, рассказываетъ онъ, — въ домъ первый отъ дороги. Послѣ распросовъ о городскихъ новостяхъ и о томъ, куда насъ Богъ несетъ, намъ предложили закуску изъ рыбнаго пирога, самаго деликатнаго угощенія у зырянъ. Отъ усталости, или отъ того, что у насъ были свои припасы, намъ не хотѣлось ѣсть, но отказать для зырянина была бы крайняя обида, а потому, чтобы доказать, что мы не сердимся на него, должны были согласиться на предлагаемое. Потомъ немедленно отвели намъ мѣсто отдыха, и мы расположились на оленьей шкурѣ подъ овчинною шубою. Поутру я спросилъ самоваръ, но получилъ от-

казъ съ объясненіемъ, что у сосѣда хотя и есть мѣдный чайникъ, да онъ никому не даетъ, и едва-ли онъ не на пожнѣ самъ.

— Такъ что? сказала старуха: — чайникъ-то вѣдь у него въ клѣти, такъ можно и сходить для гостей и добрыхъ людей (буръ мортъ ясъ понда).

.

Пройдя отъ мѣста ночлега верстъ шесть, мы подошли къ деревнѣ Додчзъ. Въ этой деревнѣ многіе крестьяне прежде имѣли значительное состояніе и производили мелочную торговлю, но съ переменой обстоятельствъ лишились достатка и стали на ряду съ другими. Мы просили указать на одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые славились прежде своей зажиточностію. Мы вошли въ домъ, но, выходя въ вездѣ, никого не нашли, и расположились въ комнаткѣ довольно чистой, мебелированной вокругъ стѣнъ деревянными скамейками и тремя стульями. Вскорѣ пришла хозяйка, одѣтая въ ситцевый изорванный сарафанъ, въ матерчатомъ кокошникѣ на неубранной головѣ и чиркахъ на босую ногу, запачканныхъ свѣжими пятнами, кои ясно давали знать о ея занятіи около домашняго скота. Она нѣсколько смутилась отъ небывалыхъ гостей; но я успокоилъ ее, объяснивъ свою родословную, по коей она чуть не признала меня за родственника, только очень дальняго. Она замѣтно была вѣжлива, высказывала много такого, что обнаруживало, что она не деревенскаго поля ягода, и безпрестанно мѣшала русскія слова съ зырянскими... Мы здѣсь отдохнули, напившись чаю съ ячными хлѣбами, кои вмѣсто булокъ почти насильно

были навязаны намъ крестьянкой, съ доказательствомъ, что гораздо здоровѣе ячныя булки...

Мы пріѣхали уже въ полночь; вошли въ первую съ конца деревни избу; велѣли достать огня и попросили у хозяина сухаго бѣлья. Переодѣвшись, немедленно легли на полати, куда послали свѣжей сухой соломы. Сколь пріятно послѣ холоду быть въ теплѣ, мы доказали съ товарищемъ глубокимъ сномъ, продолжавшимся на другой день до полудня. — Пробудившись, я удивился необыкновенной тишинѣ въ домѣ, и полагалъ, что всѣ ушли на работы; но потомъ иначе все объяснилось. У крестьянина было многолюдное семейство изъ большихъ и малолѣтнихъ: всѣ они скромно сидѣли по лавкамъ и шопотомъ разговаривали между собою, унимая дѣтей отъ крику и шуму. На столѣ собранъ былъ завтракъ. Мы узнали, что все это дѣлается для насъ, для нашего спокойствія. Пока мы одѣвались, они безпрестанно оговаривались, что у нихъ все нечисто, черно, и что намъ, вѣрно, худо было спать. — Казалось, что мы были у какихъ-то близкихъ родственниковъ, которые съ такимъ добродушнымъ участіемъ ласкали насъ и заботились о нашемъ удобствѣ. Хозяинъ дома, когда мы еще спали, велѣлъ наловить въ рѣкѣ рыбы, которую, приготовленную въ пирогѣ, усердно предлагалъ намъ закусить, а жена его принесла корзину земляники.»

Еще примѣръ, но уже изъ моихъ воспоминаній.

Разъ къ зырянину во время обѣда явился прохожій. Помолился на икону, поздоровался.

— Пообогрѣться не можно-ли?

— Милости просимъ... будь, какъ дома... тепло божье... хотя и дрова грѣютъ, да дерево — не человѣчьихъ рукъ выдумка, а тоже божье творенье.

— Садись, закуси! предложилъ хозяинъ.

И онъ остался безъ щей самъ, но накормилъ «гостя»...

А онъ былъ совсѣмъ чужой. Я же все-таки знакомый, хотя и заѣзжий. И угощали меня зыряне «старательно».

— Сытъ будь!

— Не говори, что «лѣсные кулики» голодомъ извели!

— Толстымъ вернись домой, а не худобатымъ!...

— Ёшь, ёшь! хлѣбъ да каша, да яица — пища знатная...

Когда кончился обѣдъ, — нѣкоторые рѣшились «отдохнуть», т.-е. соснуть. А Пэтырь объявилъ, что поидеть «пострѣлять».

— Тоже выдумалъ!

— А что тебѣ?

— Насъ удержишь! Пора на мѣсто...

— Вѣстимо, пора; каждая минута дорога, подтвердилъ Кузь. Зима «крадется»... Тогда какъ пойдешь?... На водѣ-то лъзя? не, а ледъ не держить. Вотъ и двигайся.

— Ну, такъ что-жъ? Вы и поѣзжайте одни.

— А ты?

— Я не неволю ждать, я и догоню васъ... Пѣшкомъ-то прямѣе... Смотрите, ранѣе еще буду... Условимся...

Они условились, гдѣ встрѣтятся, и Пэтырь, взявъ ружье, отправился въ лѣсъ.

Спустя полчаса — мы тронулись въ путь.

ХІХ.

Дальнѣйшее плаваніе.—На сушу.—Ягъ и Ягъ-Мортъ.—Зима.—На мѣсто.

Съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе и холоднѣе...

Мы двигались впередъ безъ всякихъ приключеній; ничѣмъ не разнообразилось наше плаваніе.

Только съ каждымъ днемъ все толще и толще становилась по утрамъ кора ледяная у береговъ; а середка рѣки пока накрывалась только тоненькой «заволокой».

— Ну, утренники, замѣчалъ кто нибудь.

— Ничего, здоровые! откликались на такое замѣчаніе другіе.

— Добрые, добрые!

— Едреные, прямо сказать!

— Истинно—едреные... чего лучше!

— Не завечерѣть бы намъ съ такими утренниками, вставилъ разъ какъ-то Пэтырь, стукая весломъ о кору ледяную. Онъ дѣйствительно опередилъ насъ и сѣлъ съ нами опять съ новой остановки.

— Пожалуй..

— Долго-ли тутъ....

— Все можетъ быть... грѣхъ да и только тогда!...

— Грѣхъ, не грѣхъ—а жди этого... совсѣмъ зима...

— Гляди: не сегодня, такъ завтра лодкамъ отставка, порѣшилъ Пэтырь.

— Торопиться надо....

— Гнать сильнѣй.

— Неча на отдыхъ-то приваливать.

— Какой тутъ отдыхъ! До стоянки ли...

— Чаше мѣняться, братцы, давайте!...

— Вотъ это дѣло... свѣжая сила—и работа спорѣй!

Ходчѣй дѣло-то....

На томъ постановили.

И поплыли мы торопясь, часто мѣняя гребцовъ и совсѣмъ уже не останавливаясь.

— Вотъ и хорошо!

— Такъ-то и дѣло будетъ ладно.

— Доберемся и на лодкахъ....

— Поспѣемъ...

Однако пришлось ошибиться... Пристукнулъ морозъ,дохнулъ сильно—и сковалъ воду. Ломать пробовали—подается туго. Да и долго ѣхать такъ... Совсѣмъ не стоитъ.

— Сплошали!

— Проклажались сперва долго!

— Чего-же проклажались... Думали вѣдь.

— Зима-то скралась больно ужъ скоро....

— Вотъ теперь и плыви!

— Уплывешь тутъ, какъ-же!

— Какое плытье, на сушу, стало быть.

— На сушу... пменно....

Приходилось высадиться на сушу.

Выбрались на берегъ и стали выгружать.

— Теперь посподишь....

— Какъ Богъ!...

— Безъ снѣгу-то не поѣдешь...

— Надо ждать пути, да Бога молить теперь о снѣжкѣ!...

Остановка пришлась какъ разъ у густаго бора (яга). Сосны ровныя и прямыя, покрытыя снѣгомъ, который падалъ изрѣдка, высоко возносили свои вершины къ небу. Внизу чисто и гладко; только и видны на совершенно горизонтальной плоскости толстые стволы сосенъ да мягкій коверъ бѣлаго моха, покрытаго порошкою снѣга. Зрѣніе разбѣгается во всѣ стороны — и далеко видно въ бору каждый предметъ.

Приходилось сидѣть, ждать и скучать подъ открытымъ небомъ, на стужѣ.

Говоря строго — не совсѣмъ подъ открытымъ небомъ.

Мы устроили наскоро шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей въ двѣ загородки, располагая такъ, чтобы переднія, открытыя стороны обращены были одна къ другой; между загородками разводился огонь. При этомъ на землю толсто настилали хвойныхъ вѣтвей. Ложась на ночь спать, мы покрывались тулупами. А ночью шалашъ нагрѣвался слѣдующимъ образомъ: брали два сухихъ бревна и въ каждомъ изъ нихъ во всю длину вырубали по жолобу. Одно бревно клали на снѣгъ, вверхъ жолобомъ, и наполняли его горячими угольями; потомъ клали другое бревно — жолобомъ внизъ, такъ что уголья—между жолобами—находились словно въ трубѣ. Въ этомъ положеніи оба бревна удерживались сырыми тычками, вбитыми по конусамъ бревна глубоко въ снѣгъ.

Огонь отъ угольевъ сообщался обоимъ бревнамъ, но при недостаткѣ воздуха не вспыхивалъ пламенемъ. Теплый дымъ вылеталъ изъ обоихъ концовъ трубы, кружился надъ ними; этотъ дымъ распространялъ такую теплоту въ шалашѣ, что мы не чувствовали холода въ теченіе всего сна.

Мы сидѣли на мѣстѣ и скучали.

Въ одинъ изъ вечеровъ, послѣ закуски, уже передъ сномъ, разговорились какъ-то о старинѣ... Одинъ изъ охотниковъ упомянулъ имя Ягъ-Морта.

— Кто это? спросилъ я.

— А Ягъ-Мортъ!...

— Слышалъ... да кто онъ былъ?

— Человѣкъ такой... лѣсной человѣкъ... злой человѣкъ!... Онъ умеръ и живъ.

— Это какъ же?

— Да гдѣ онъ погребенъ, такъ ночью видѣнъ огонь всегда.

— На могилѣ?

— На могилѣ.

— Изъ самой ее и идетъ онъ?...

— Такъ и пышетъ!

— А ты видѣлъ?

— Ни!

— А ты? обратился я къ другому.

— И я не видѣлъ.

— Такъ, стало быть, и никто не видалъ?

— Нѣтъ, видали!

— Да кто же?

— Мало-ли кто, многіе...

— Изъ васъ кто же, наримѣръ?

— Да изъ насъ никто!...

— Мой дѣдъ видѣлъ, вмѣшался Кузь.

— Это онъ сказывалъ?

— Да...

— Да такъ ли? Видѣлъ ли онъ?

— Видѣлъ.... своими глазами видѣлъ!... И дѣдъ мой ни разу не солгалъ въ жизни.

— А чѣмъ же отличается этотъ Ягъ-Мортъ? Можете вы мнѣ рассказать о немъ что нибудь?

Каждый зналъ «кое-что» и по ихъ словамъ трудно было составить что либо полное и ясное... Послѣ эту легенду о Ягъ-Мортѣ я слышалъ отъ одного интеллигентнаго зырянина и читалъ также у Ф. Арсеньева. Со словъ ихъ обоихъ и передаю теперь преданіе о «Лѣсномъ Человѣкѣ».

Въ эпоху отдаленной древности, когда еще зыряне коснѣли въ язычествѣ, не знали вовсе хлѣбопашества и не имѣли сношеній ни съ какимъ другимъ народомъ, явился въ лѣсу — Ягъ-Мортъ. Необыкновенный былъ это человѣкъ. Ростомъ онъ былъ съ добрую сосну, по голосу и обличью — дикій звѣрь. Лицо обросло черною, какъ смоль, бородою; глаза кроваваго цвѣта, дико сверкающіе изъ - подъ густыхъ бровей, одежда изъ невыдѣланной медвѣжьей шкуры. Названіе Ягъ-Морта вполне соответствовало образу его жизни. Никто не зналъ ни роду, ни племени Ягъ-Морта, никто не видалъ, откуда онъ явился. Ягъ-Мортъ ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній: онъ жилъ въ глубинѣ дремучаго лѣса, въ недоступныхъ трущобахъ, и появлялся между людьми только для грабежа и убійствъ.

Для своихъ нападеній Ягъ-Мортъ выбиралъ обыкновенно ночное время, и тогда во мракѣ, освѣщаемомъ

заревомъ пожара, каждый шагъ его обозначался кровью и опустошеніемъ. Онъ уводилъ, рѣзалъ скотъ, похищалъ женщинъ и дѣтей. Ненависть Ягъ-Морта ко всему живущему простиралась до того, что онъ часто безъ всякой причины убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго.

Зыряне были ожесточены противъ Ягъ-Морта, а сдѣлать съ нимъ ничего не могли. Идти открыто въ бой съ великаномъ - колдуномъ они не смѣли, — а въ засады онъ не попадался. И жилъ себѣ въ лѣсу Ягъ-Мортъ, грабя, убивая людей, нагоняя на нихъ всякія болѣзни и бѣдствія. Но насталъ конецъ и его царствованію... Расплатились зыряне съ Лѣснымъ Человѣкомъ за его злодѣянія.

Вотъ какъ это случилось.

Разъ у одного старшины пропала безъ вѣсти единственная дочь-красавица. Другой такой красавицы и не было въ краѣ... Проходитъ день, два... проходитъ недѣля, а нѣтъ какъ нѣтъ прекрасной Райды (такъ звали ее). Мать дѣвушки выплакала глаза отъ слезъ; отецъ и женихъ выходили всѣ ближайшія селенія, всѣ лѣса окрестные: но нигдѣ не нашли Райды. Вотъкликнули кличъ, созвали народъ на совѣщаніе, объявили горестную утрату, и всѣ безъ исключенія, и старые и малые, сказали въ одинъ голосъ: это дѣло рукъ Ягъ-Морта. Тогда женихъ Райды обратился къ молодымъ людямъ съ просьбою: «помочь во что-бы то ни стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живаго или мертваго, — погубить, сжечь чародѣя, хотя бы и самимъ погибнуть при этомъ». Нашлись храбрецы — и толпа ихъ, вооружившись стрѣлами, копьями, *копорицами*, двинулась противъ Ягъ-Морта. Сто шло противъ одного.

Но этотъ одинъ былъ не простой человѣкъ, а силачъ необыкновенный, страшный разбойникъ — и вдобавокъ колдунъ. Толпа отважныхъ молодцевъ не безъ страха ожидала встрѣчи съ врагомъ. Онъ не являлся. Нѣсколько сутокъ прошло въ безплодныхъ поискахъ. Наконецъ и зыряне рѣшились подняться на хитрость. Пошли они въ лѣсъ и спрятались около жилища Морта.

Вотъ сидятъ они, спдятъ — и видятъ, что Ягъ-Мортъ переходитъ въ бродъ рѣку и направляется прямо на нихъ. Зыряне по неволѣ должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только Ягъ-Мортъ вступилъ на сухой берегъ — конья, стрѣлы, каменья градомъ посыпались на него изъ засады. Изумленный внезапнымъ нападеніемъ, ошеломленный первыми ударами, Мортъ на минуту остановился, но не отступилъ ни шагу, — и, казалось, грознымъ взглядомъ измѣрялъ пространство, отдѣлявшее его отъ враговъ.

А безчисленные удары сыпались на его грудь.

Какъ дикій звѣрь заревѣлъ Мортъ, — взмахнулъ тяжелой палицею и понесся въ середину нападающихъ. Зыряне окружили его — и началась страшная битва...

Ягъ-Мортъ долго отбивался отъ многочисленной толпы: много храбрыхъ зырянъ пало мертвыми отъ его палицы, но и самъ онъ, наконецъ, сталъ изнемогать; усталость и раны обезсилили его, — и онъ упалъ... Съ крикомъ радости бросились на него зыряне, отсѣкли ему руки, ноги, а потомъ и голову. Въ жилищѣ Ягъ-Морта найдено было много добычи и обезображенный трупъ красавицы Райды. Убитого Ягъ-Морта закопали

въ глубокую яму и вбили въ могилу осиновый шестъ, въ силу того мнѣнія, что всѣ колдуны встаютъ изъ могилъ и бродятъ по свѣту, и что только осиновый шестъ, вбитый въ могилу, можетъ помѣшать ихъ вставанію изъ гроба.

— Неужели вы вѣрите этой сказкѣ? спрашивалъ я потомъ многихъ зырянъ.

Одни отвѣчали:

— Да что мудренаго, родной... есть такая погань въ мірѣ...

Но другіе (большинство) говорили:

— А кто его знаетъ—поди и то, чай, сказка...

Но зырянскія женщины гораздо суевѣрнѣе своихъ мужей. Онѣ и до сихъ поръ устрашаютъ своихъ дѣтей, припѣвая надъ ихъ колыбелью:

„Ягъ-Мортъ аджидъ, кудзь буръ козь,
Ягъ-Мортъ сіодъ, кудзь, паць томъ;
Инъ бордъ у ціо, Ягъ-Мортъ—воасъ.
Куцянь бордны—тоно сеясъ“.

То есть:

Ягъ-Мортъ высокъ, какъ хорошая ель,
Ягъ-Мортъ черенъ какъ печной уголь;
Не плачь, замолчи—Ягъ-Мортъ придетъ,
Станешь плакать—съѣстъ.

Думали мы, что долго придется сидѣть на мѣстѣ, но не даромъ говорится, что Богъ милостивъ. Къ не-описанной нашей радости вдругъ выпало столько снѣгу, что явилась возможность ѣхать далѣе. Зима буквально

«скралась». Легли мы всѣ — земля была бурая; встали, вышли изъ шалаша, сколоченнаго изъ досокъ, — глядимъ: кругомъ бѣлое снѣжное поле...

Пути оставалось очень немного — и на третій день мы были уже на мѣстѣ.

XX.

Пывзанъ. — Поэтическая жилка въ людяхъ лѣснаго царства. —
Картины зырянской природы. — На новосельи. — Щамья.

— А вотъ мы тутъ и жить будемъ, сказалъ мнѣ
Пэтырь.

— Гдѣ тутъ?

— А во!

Онъ указалъ на избушку, къ которой мы приближались.

— Это что же, хата?

— Да... дворецъ зырянскій, размѣялся онъ... Вишь какой!...

— Пывзанъ, да? припомнилъ я названіе.

— Онъ, онъ, пывзанъ....

Каждая партія обыкновенно выбираетъ свой пывзанъ, а пывзаномъ называется лѣсная изба, баня, гдѣ зимуютъ охотники.

Если нѣтъ готовой бани — пывзана, то охотники сейчасъ-же, по прибытіи на «мѣсто», принимаются за его постройку... Нашей партіи не нужно было строить. Баня уцѣлѣла съ прошлой лѣсовки...

Пывзанъ покрывается на одинъ скать досками; на крышу его — насыпается нѣсколько рядовъ земли. Въ углу строится печь, точно такая-же, какъ и въ деревенскихъ баняхъ, называемая *каменкой*. Потому-то и пывзаны называются лѣсными банями. По стѣнамъ пывзана настланы *нары*, на которыхъ охотники спятъ. Низенькая, плотно затворяемая, дверь не выпускаетъ тепла изъ пывзана, и оттого въ немъ бываетъ ужасно жарко. Для охотника, утомленнаго за день, прозябшаго и нерѣдко промокшаго, пывзанъ великолѣпнѣйшая вещь; въ немъ зырянинъ обсушится, согрѣется и вполне отдохнетъ отъ труднаго дня, проведеннаго на морозѣ, подъ мятелью...

— Озябнешь, и-и-какъ, говорятъ охотники:— до костей промерзнешь, пожалуй, гляди, и болѣсть на носу... а тутъ какъ въ банѣ-то (пывзанѣ) до костей съизнова спотѣешь, прогрѣешься *насквозь*: ну, и слава тебѣ Богу и Святому Стефану — ничего, какъ рукой сняло, живъ человекъ, идешь на охоту, будто и не зябъ вовсе... Вотъ какова наша банька лѣсная...

— Не совсѣмъ и она хороша, сказалъ я.

— Ну, чѣмъ она тебѣ не угодила?

— Да дымна очень... Пока печь топится — дымъ глаза съѣстъ...

— Только-то?

— А что-же по вашему это?

— Пустое дѣло!... Глазъ крѣпокъ, не дыму его съѣстъ. Съ непривычки оно точно слезу вышибетъ... да неважность это.... А у насъ и того не бываетъ... привыкли! Мы, вѣдь, не городскіе... не балованные

люди, мы лѣсные, *дымные*, къ дыму привыкли, слились и сроднились съ нимъ.

Зыряне сильно любятъ такія бани. Гдѣ-бы и какая бы работа ни производилась, но если она тянется долго, требуетъ ночевокъ,—зыряне непременно состроятъ пивзанъ. Потому пивзаны встрѣчаются на пожняхъ, на пустошахъ, на подсѣкахъ, на вырубкахъ, гдѣ дѣлаются заготовки бревенъ, на славѣ, на берегахъ большихъ рѣкъ, гдѣ зыряне ловятъ рыбу, и главнымъ образомъ въ лѣсахъ, во время охотничьихъ промысловъ. И замѣчательно, что зыряне для постройки своей ночлежной баньки стараются выбирать мѣста живописныя: если въ лѣсу, то на берегу крутого ручья, на высокомъ холмѣ, или близъ озера, подъ густою раскидистою сосною; если на пожнѣ—то непременно на пригоркѣ. Суровая душа зырянина, вѣчнаго работника изъ-за куска хлѣба, далеко неравнодушна къ красотамъ природы. Г. Ф. Арсеньеву не одинъ разъ случалось видѣть, какъ въ часы отдыха зырянинъ предавался глубокой мечтательности, слѣдя за убѣгающими облачками, закатомъ солнца, журчаніемъ воды, быстро бѣгущей по камешкамъ...

И надо сказать, зырянскій край не бѣденъ красивыми природными картинами... Ихъ много въ обоихъ уѣздахъ — и въ Усть-Сысольскомъ и въ Яренскомъ.

Правый берегъ ея (рѣки)—разсказываетъ одинъ путешественникъ — постепенно возвышался и, наконецъ, достигъ высоты значительной, а именно не менѣе, если не болѣе, полуверсты въ отвѣсѣ; но, противъ обыкновенія, не былъ покрытъ лѣсомъ, а спускался роскошнымъ лугомъ. Мы шли по лѣвому берегу, и на вершинѣ противоположнаго едва могли разсмотрѣть нѣ-

сколько избышекъ, а между тѣмъ это были довольно порядочные дома. Лѣвый берегъ разстилался богатыми пашнями, вечеръ былъ чудно хорошъ, и мы вышли изъ лодки съ намѣреніемъ прогуляться съ версту или полторы, но прошли 4, не замѣтивъ того; никогда еще не случалось мнѣ видѣть такого богатаго и огромнаго цвѣтника: цѣлая поляна на пространствѣ 4—5 верстъ была густо усѣяна кашками, дикою гвоздикой, колокольчиками, душистою повителью и множествомъ другихъ цвѣтовъ, возможныхъ видовъ и колеровъ; косвенные лучи солнца придавали имъ необыкновенную яркость и живость. Эту поляну можно было, безъ всякаго преувеличенія, назвать моремъ цвѣтовъ, по которому мы брели по колѣно...

.

Мѣсто, на которомъ мы остановились, могло бы быть съ честью помѣщено въ описаніи любого чувствительнаго путешествія за границей, въ особенности въ Швейцаріи или Америкѣ.

Или вотъ еще картины зырянской природы — описаніе ущелья на р. Шугорѣ, называемаго Желѣзными воротами *). Шугоръ замѣчателенъ по своимъ живописнымъ видамъ. «Онъ беретъ начало изъ Уральскихъ горъ и впадаетъ въ Печору, сдѣлавши около 350 верстъ извилистаго пути. Мѣстами эта рѣка довольно широка, глубока, почти вездѣ камениста; берега ея круты и обрывисты. Прозрачность воды изумительна: маленькій камешекъ, серебряный пятакъ, нитка мишуры видны на глубинѣ 2-хъ и болѣе сажень... Вода Печоры до-

*) «Шугоръ» Ф. Арсеньева.

вольно чиста, но когда въ нее вливаетъ свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отличаются отъ Печорской воды, не утрачивая своей прозрачности на нѣсколько верстъ внизъ по теченію Печоры, около праваго ея берега. Одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ на Щугорѣ, это — Желѣзныя ворота, по - зырянски — «Ульдоръ - Кырта». Широкая рѣка вдругъ стѣсняется съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами, образующими настоящія ворота. Эти каменные стѣны, длиною въ нѣсколько сотъ шаговъ, а высотой до 150 футовъ, состоятъ изъ известняка, лежащаго отвѣсными пластами. Когда пройдешь черезъ ворота и оглянешься назадъ, то увидишь, какъ, начиная отъ самаго узкаго мѣста, каждый новый пластъ отходитъ въ сторону далѣе предшествующаго, отчего ворота принимаютъ такой видъ, какъ будто онѣ устроены изъ натуральныхъ кулисъ. Самые пласты гладки, обнажены и ослѣпительно бѣлы; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежуткахъ между ними, сбѣгаютъ внизъ по разсѣлинамъ зеленныя полосы дерна и кудреватаго кустарника, какъ гирлянды бальнаго убора; а на вершинахъ лѣсъ, высоко возносящій свои зубчатая верхушки къ небу. Сквозь эти каменные рамы видна по ту сторону воротъ широкая, гладкая равнина рѣки съ ея зелеными берегами, а въ отдаленіи — хвойный дремучій боръ, замыкающій ландшафтъ. Передъ воротами разстилается такое-же великолѣпное водное зеркало. Трудно себѣ представить то обаяніе, подъ вліяніемъ котораго находится наблюдатель, окруженный величественною панорамой природы, въ видѣ безграничной скатерти водъ, съ играющими на нихъ лу-

чами яркаго солнца, или въ видѣ дѣвственнаго, вѣчно-зеленаго лѣса, или въ видѣ смѣло нагроможденныхъ горъ, подъятыхъ страшною силою за облака; но ни одна изъ подобныхъ картинъ не поражаетъ зрителя такъ, какъ картина воднаго зеркала, обставленнаго снѣговыми обрывами известковыхъ скалъ, заключенныхъ въ зеленую раму безграничнаго лѣса...»

Возвратимся теперь къ пывзану, съ описанія котораго начали эту главу.

Визгливо заскрипѣли двери у пывзана, и вонючимъ затхлымъ воздухомъ пахнуло на меня, когда я подошелъ къ двери близко. Пэтырь нагнулся и пролѣзъ въ избушку.

Я сдѣлалъ тоже самое.

Разогнувшись снова и осматриваясь кругомъ, я увидѣлъ, что попалъ въ маленькую клѣтушку безъ оконъ, лишь съ отдушиной въ стѣнѣ. Копоть на стѣнахъ и потолкѣ. Громадная печь въ углу. Вдоль стѣнъ нары. На нихъ сѣнная труха, груда тряпокъ, чья-то рваная шапка...

— Што скажешь? спросилъ съ улыбкой Пэтырь.

— Да что...

— Хорошъ-ли домикъ? а?

— Хлѣвъ!

— А пожить въ хлѣвѣ придется... пошто шель! теперь терпи...

— Дѣлать нечего... потерплю...

— Да и надо... дѣваться некуда... все единственно!...

Охотники одинъ за другимъ начали входить въ

баньку. Зажгли ночникъ, наложили на нары сѣна, моху и стали «одежу» развѣшивать и раскладывать.

— А это куды? обратился кто-то къ Кузѣ.

— Тащи въ щамью!

— Ладно!...

— Щамья? а что это такое? спросилъ я.

— А это кладовая наша... посмотришь, можетъ, хочешь?

— Пожалуй...

— Иди, иди—недалече...

— Какъ, идти еще?

— Да близко... тутъ-же... шаговъ 20 какихъ...

Оказалось, что щамья—амбаръ; построена въ видѣ голубятни, утвержденной на столбѣ, подтесанномъ книзу конусомъ...

— Какъ-же она отворяется?

— А вотъ... видишь?

Отворяется, оказалось, снизу, посредствомъ выдвижной доски.

— Такія щамьи вездѣ?

— Вездѣ...

— При каждомъ пывзанѣ?

— Да...

— Зачѣмъ-же на столбѣ?

— Для припасовъ... ихъ хранимъ...

— Да на столбѣ зачѣмъ?

— А звѣрь-то?

— Что—звѣрь?

— Онъ сейчасъ найдетъ...

— Ну?

— Да... росомаха къ примѣру.

— А изъ щамы не можетъ?

— Низачто!... Смотри...

— Ну?

— Столбъ какъ обтесанъ: сверху внизъ?

— Да.

— То-то и есть!... ужъ тутъ и росомаха не влѣзетъ...

Мы постояли еще съ минуту и пошли обратно въ пывзанъ—позакусить и согрѣться.

XXI.

На рябчика.—Пищакъ.—Петли.—Хитрость охотника-зырянина.—Чѣмъ меньше изъяну, тѣмъ лучше.—Колпаки.—Бичевочники.—Послѣ охоты на отдыхъ.—Загадка.—Зырянская пѣсня.—Тревожная ночь.

Охота за рябчиками не трудна. Надо только отыскать *сводъ*, т. е. рябчиково семейство, а ужъ затѣмъ лишь стрѣлай и не давай «мима» (мимо). Не боясь слабого звука винтовки, они смирно сидятъ на деревьяхъ, и въ то самое время, какъ одинъ валится, сраженный выстрѣломъ, другіе безпечно стрекочутъ, вытягивая шейки. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ *сводъ* снимается съ мѣста и летитъ далѣе. Онъ садится уже нѣсколько выше.

Начинается новая стрѣльба. Вся трудность охоты заключается въ томъ, что нужно имѣть большой навыкъ и удивительную зоркость, — такъ какъ не легко осмотрѣть рябчика на деревѣ. Собакъ на рябчика не

берутъ, потому что «песъ все сгадитъ». Рябчикъ боится собаки. Увидѣвъ ее, онъ прячется и не отзывается на дудку...

Мы молча шли по тропкѣ одинъ за другимъ, какъ вдругъ какая-то птица, съ рѣзкимъ свистомъ и сильно хлопая крыльями, вылетѣла изъ-за деревьевъ. За ней другая, третья... болѣе двадцати птицъ. Всѣ онѣ, одна за другой, падали въ чащу.

— Рябчики? спросилъ я шепотомъ.

— Да.

Мы тихо, осторожно раздвигая вѣтви, стали пробираться въ чащу, всматриваясь въ деревья и зорко разглядывая землю. Я ничего не видѣлъ.

Вдругъ что-то шелохнулось на ели, близъ которой стоялъ Пэтырь. Я взглянулъ по этому направленію — и увидѣлъ рябчика, который присѣлъ и, вытянувшись вдоль вѣтки, оставался неподвиженъ.

Въ этотъ самый моментъ Пэтырь выстрѣлилъ. За нимъ другой, третій... Нѣсколько выстрѣловъ.

Стая рябчиковъ перепорхнула далѣе.

Шесть—семь штукъ осталось на мѣстѣ. Подобравъ убитыхъ, мы послѣдовали за улетѣвшими и скоро нашли ихъ снова.

Опять выстрѣлы. Стая опять перелетѣла далѣе. И тоже нѣсколько штукъ убитыхъ.

Мы двинулись за улетѣвшими. Надо замѣтить, что рябчики летятъ обыкновенно по прямой линіи...

Повторилось тоже самое...

Мы преслѣдовали до тѣхъ поръ, пока рябчики не разлетѣлись въ разныя стороны по одиночкѣ.

— Все? спросилъ я.

— Э-э, почти все!

— Да какъ-же теперь?

— А вотъ смотри, отвѣчалъ Кузь.

Онъ вынулъ *пищакъ*, родъ обыкновенной дудки, и издалъ свистъ, похожій на свистъ рябчика... Эти послѣдніе откликнулись въ разныхъ мѣстахъ и начали подлетать на ложный свистъ.

Началась опять стрѣльба.

Еще убили нѣсколько штукъ.

Остальные улетѣли, и мы уже не стали преслѣдовать ихъ.

Зыряне не только бьютъ рябчиковъ, но ловятъ ихъ петлями, ловушками, которыя и были разставлены нашею партіей.

Устройство петель очень простое: вершинки, срубленные съ молодыхъ елей, раскладываются парами въ разныхъ направленіяхъ такимъ образомъ, что изъ нихъ образуется ломаная линія. Отрубы каждой пары соединены вмѣстѣ, а отъ одной вершинки къ другой натуго протянута въ двѣ толстыя рассученныя пряди бичевка, на которой и виситъ семь, восемь волосяныхъ петель. Верхніе края ихъ вложены въ бичевку между прядями, а нижніе касаются земли. Бродя, птица сунется въ петлю, потянетъ ее, захлестнетъ около шеи и задавится.

Давленную дичь, конечно, берутъ всѣ менѣе охотно, и она цѣнится дешевле убитой...

Я высказалъ это Пэтырю.

— Извѣстно такъ, потому убитая лучше.

— Такъ вы зачѣмъ же такъ?

— А выгоднѣе!...

- Какъ выгоднѣе? дешевле-то выгоднѣе?
— Да вѣдь порохъ-то и дробь стоитъ чего?
— Конечно!..
— И труда съ петлями менѣе.
— Допустимъ.
— Нѣтъ, ужъ вѣрно, что менѣе!
— Пусть такъ...
— Такъ чего еще: и менѣе труда и дешевле! а чѣмъ меньше изъяну, тѣмъ и лучше!
— Да погоди: давленная дешевле?
— Дешевле.
— Ну, такъ вотъ-же!
— Да нешто мы давленную продаемъ?
— Изъ петель-то?
— Да.
— Какую-же? разумѣется, давленную!
— Что вы, никогда... мы и не думаемъ, и въ заводѣ нѣтъ.
— Да какъ-же?
— А также: убитую!
— Да вѣдь изъ петли?
— Изъ петли!
— Не понимаю! удивился я.
Петырѣ засмѣялся.
— А на что-же умъ-то данъ человѣку? Хитрость зачѣмъ? Вотъ на примѣръ—давленный это рябчикъ?
— Да.
— А развѣ кто можетъ это узнать?
— Конечно, можетъ!
— Почему-же это?
— Да вотъ почему: дробь-то...

— Хе, хе! перебилъ Пэтырь... а умъ-то опять забылъ?

— Умъ?

— Да, да... гляди!

Онъ сдѣлалъ гвоздемъ въ головѣ рябчика ранку въ размѣрѣ дробинки—и засмѣялся.

— Вотъ!

— Будто убить?

— Непремѣнно.

Ловятъ рябчиковъ еще *колпакомъ*: легко прикрѣпленный къ дереву за веревочку, онъ тотчасъ падаетъ, какъ только рябчикъ подбѣжитъ подъ него и дернетъ за подвѣшенную подъ нимъ рябину.

Русскіе не любятъ зырянъ и зовутъ ихъ *бичевочниками*.

— Бичевочники и есть: и птицу-то не ружьемъ, а бичевкой промышляютъ!

Уже подъ вечеръ собрались мы всѣ въ пывзанъ. Двери были плотно закрыты: отъ натопленной печи жара стояла нестерпимая. Кто сидѣлъ въ нижнемъ бѣльѣ, а одинъ прямо, какъ мать его родила.

Готовили ужинъ изъ рябчиковъ.

— А у меня чай есть, сказалъ я.

— Ну?

— Есть.

— Вотъ ладно-то, обрадовались всѣ.

— Праздникъ, стало... И не ждали...

Согрѣли воды для чая и заварили.

Всѣ оживились и посыпались шутки, раздался смѣхъ..

— А что, Ликсандъ Василичъ, промолвилъ Пэтырь, рассказалъ-бы ты намъ что-нибудь...

— Расскажи лучше ты, возразилъ я:—я не умѣю!

— А вотъ слушай, крикнулъ мнѣ кто-то съ лавки.

— Ну?

— Хочешь, загадку загадаю?

— Давай!

— Отгадывай, что это такое: изъ воды рождается, въ огнѣ растетъ и въ водѣ же умираетъ? (Вансь чужо, биыль быдмо, во эжэ и куло?)

— Соль, подсказалъ мнѣ Пэтырь.

— Соль, сказалъ я.

— Э-э! да ты угадчикъ!... А вотъ эту...

Но въ пывзанѣ вдругъ раздалась пѣсня... Двое изъ охотниковъ затянули ее монотоннымъ голосомъ. Я приведу е е по-зырянски, съ подстрочнымъ переводомъ:

Бадьэ, бадьэ! мый гажтема пукаланъ?

(Ивушка, ивушка! что невесело стоишь?)

А ли тэныдъ, бадьэ, вой тэлысь тэлэ?

(Или тебя, ивушка, сѣверный вѣтеръ качаетъ?)

Вой тэлысь тэлэ, а ли изэрысь зэрэ?

(Сѣверный вѣтеръ качаетъ, градомъ сѣчетъ?)

Бадь вужьивъ тыись ко джидъ ва визывтэ?

(Ивушки корни озерной холодной водой подмываетъ?)

Му нысны, локтысны маіоръ гōтырьясь;

(Ѣхали, поѣхали маіорскія жены)

Кэралысь-кэ ная кыкъ пэлысь;

(Сдѣлали-то онѣ два весла)

Кыкъ пэлысь—коймōдесъ пыжэ.

(Два весла, третью лодочку)

Бось тасны-кэ ная мича пылэсь;

(Взяли-то онѣ красную дѣвицу)

Пуксисны-кэ ная самой пыжэсь шырэ
(Посадили-то онѣ на средину лодки)
Нылъ-лэй, нылъ-лэй гажтема пукаланъ?
(Дѣвушка, дѣвушка! что невесело сидишь?)
Али тэныдъ, нылъ-лэй, айдъ, мамыдъ жаль?
(Жаль-ли тебѣ, дѣвушка, отца съ матерью?)
Айдъ мамыдъ жаль? али чоидъ вокыдъ жаль?
(Отца—матери, или сестры—брата?)

Двое пѣвцовъ, можетъ быть, затагнули-бы и другія пѣсни, да прочіе охотники воспротивились, дескать, пора спать.

Легли, и весь пывзанъ скоро отдался въ объятія сна. Но я не могъ заснуть. Непривычному человѣку трудно на первыхъ порахъ въ пывзанѣ. Однородное сомною чувство переживалъ и Ф. Арсеньевъ въ первую ночевку. Мнѣ было тяжело и душно, голова горѣла, въ вискахъ стучало, и все мое тѣло болѣло и ныло. Клоныло ко сну, но лишь только я засыпалъ, какъ что-то вдругъ сдавливало грудь — и сердце замирало...

Я вышелъ изъ пывзана на свѣжій воздухъ. Холодною волною пахнуло на меня — и мнѣ стало легче... Любуясь синимъ звѣзднымъ небомъ, вдыхая свѣжій воздухъ—я простоялъ около часу...

Стало холодно, я продрогъ, и поспѣшилъ обратно въ баньку. Не помню ужъ, какъ я заснулъ, надо полагать, близко къ разсвѣту.

XXII.

У р к а.

Съ каждымъ годомъ зырянскій край бѣднѣетъ цѣннымъ звѣремъ. Нѣкогда въ зырянскихъ лѣсахъ, даже въ окрестностяхъ городовъ, водились соболя; бобровъ было безъ счета, такъ что, возвращаясь домой съ охоты, зырянинъ приносилъ ихъ десятками. То и дѣло встрѣчались: собольи шубы, собольи шапки, собольи полости, одѣяла, и даже соболями отдѣльвались крыльца.

То — преданье старины глубокой.

Теперь соболь попадаетъ рѣдко, да и то за Камнемъ, т. е. за Уральскимъ хребтомъ, въ сибирской сторонѣ.

Не измѣняетъ зырянамъ только бѣлка, иначе урка. Какъ и прежде, ея теперь много и трудно истребить ее, потому что она неимоверно плодлива. Самки приносятъ въ годъ до 20 дѣтенышей (по веснѣ и по осени), причемъ весеннія, въ свою очередь, плодятся, и къ осени того-же года ихъ приплодъ готовъ для стрѣльбы. Можно сказать, что отъ каждой пары бѣлокъ (т. е. самца и самки) разводится ежегодно 40 штукъ. Плохой охотникъ получаетъ по 200 и болѣе штукъ на ружье.

Кто не видалъ изъ насъ урки, извѣстной среди русскихъ болѣе подъ именемъ векши? Всѣмъ извѣстенъ этотъ звѣрекъ. Какой онъ граціозный. Урка легка, быстра, — скачетъ-ли она по деревьямъ, сидитъ-

ли на вѣткѣ и лакомится орѣшками, — всегда видны ея ловкость, грація: прелестный звѣрекъ!

Она имѣетъ довольно длинную, пушистую и мягкую шерсть, которая на брюшкѣ короче, а на спинѣ длиннѣе; ушки стоячія, довольно длинныя, покрытыя шерстью темнаго цвѣта въ видѣ кисточекъ. На хвостѣ шерсть длинная, густая, пушистая. Ножки соразмѣрныя со всѣмъ тѣломъ — мохнатыя, и притомъ заднія длиннѣе переднихъ; ступни широкія. Когти довольно длинны и остры; мордочка красивая, тупая, съ черными быстрыми глазенками; зубы передніе остры, на губахъ — черные усы. Странно, почему этого звѣрька называли бѣлкой? У векши бѣлы только брюшко и грудь, а голова, спинка, ноги — сѣренькія, темно-пепельнаго цвѣта. Ужъ скорѣе назвать бы бѣлкой зайца-бѣляка, горностая или ласку, потому что они зимою бываютъ бѣлы, какъ снѣгъ. Зыряне зовутъ векшу уркой, это гораздо основательнѣе: урка — отъ слова урчать, т. е. звѣрекъ, который урчитъ. Такъ и есть: голосъ бѣлки похожъ на урчаніе. Преслѣдуемая охотникомъ, загнанная на одиноко стоящее дерево, векша бѣгаетъ по вѣткамъ, и, взобравшись на самую вершину дерева, не видя возможности перескочить на другое, сердится, третъ передними лапками мордочку и урчитъ. Любимая пища урки кедровые орѣхи, а также грибы, преимущественно бѣлые. Тамъ-же, гдѣ нѣтъ кедра, или въ неурожайные годы, урка питается сосновыми шишками, даже не брезгуетъ еловыми и березовыми почками. Но питаніе сосновыми шишками довольно рискованно и часто кончается гибелью для бѣднаго животнаго: смола заклеиваетъ ротъ звѣрьку, и онъ издыхаетъ.

Не находя въ достаточномъ количествѣ пищи, бѣлка переходитъ изъ одного мѣста въ другое. При переселеніяхъ своихъ бѣлка, какъ будто, руководствуется непреодолимымъ инстинктомъ: она идетъ огромными стадами и всегда по прямому направленію, причемъ ей приходится переходить горы, переплывать рѣки и озера. При плаваньи бѣлка высоко поднимаетъ свой хвостъ и употребляетъ его вмѣсто паруса. Замѣтивъ плывущіе сучья и деревья, она немедленно взбирается на нихъ. Бѣда замочить ей хвостъ. Звѣрекъ не въ состояніи тогда держаться на водѣ и тонетъ. Проходя черезъ селенія, бѣлки пробираются по крышамъ домовъ, гуменъ и т. д. Бѣлка звѣрекъ очень запасливый. На зиму, съ осени, она запасаетъ значительное количество кедровыхъ орѣховъ и шишекъ. Только нерѣдко случается, что бурундукъ открываетъ этотъ запасъ и перетаскиваетъ въ свою нору. Поймаетъ бѣлка — вору плохо, нѣтъ — худо ей.

Живетъ урка парно, дѣлая въ дуплѣ или въ густыхъ вѣтвяхъ удобное гнѣздо — *гойно*.

Достоинство урки зависитъ отъ корма и отъ времени года. Лѣтомъ она имѣетъ короткую рыжую шерсть, и въ это время не годится для стрѣльбы. Съ приближеніемъ осени она начинаетъ линять: рыжій цвѣтъ мѣняется на темно-дымчатый, и шерсть становится длиннѣе и гуще. Въ октябрѣ она вычищается совершенно, а въ первыхъ числахъ марта начинаетъ снова рыжѣть.

Самая лучшая бѣлка та, которая ловится въ ноябрѣ и декабрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много кедра и когда урожай на орѣхи. Тысяча зимнихъ шкурокъ вѣситъ пудъ слишкомъ. Февральскихъ — фунтовъ 30, а въ мар-

товскихъ — съ небольшимъ полъ-пуда. Восемь и семь рублей за сотню—вотъ приблизительная цѣна на бѣличьи шкурки. Ежегодно истребляется минимумъ 1.000,000 бѣлокъ.

Зыряне вообще различаютъ три сорта бѣлки:

- 1) *Князекъ* — цвѣта темно-бураго, бѣлаго, пестраго.
- 2) *Петровка* — до августа красноватаго, а послѣ — бураго.
- 3) *Мездра* — лѣтомъ — темнаго, сѣро-темнаго, а когда очистится — бѣлаго.

Нѣкоторое время шли мы всей партіей по пустынному бору, то пробираясь чащами, то опускаясь въ овраги, то снова выходя на поляну, окруженную лѣсомъ.

Пришло время наконецъ разъединиться.

Каждый охотникъ со своей собакой пошелъ отдѣльно. Я присталъ къ Пэтырю. Черная собака, рѣдкая въ зырянскомъ краю, бѣжала впереди насъ. Злобный — такъ звали ее—славился необыкновеннымъ умѣньемъ выслѣживать урку. Не одинъ десятокъ собакъ выучилъ Злобный и много бѣлокъ, благодаря ему, попало подъ пулю Пэтыря. Впрочемъ и всѣ собаки зырянскія хорошо выслѣживаютъ бѣлокъ. Выслѣживаютъ не только по слѣду на землѣ, но и въ самой густотѣ деревьевъ.

— Славный день сегодня, — и не особенно холодно, и свѣжо: бодро идешь, — заговорилъ я съ Пэтыремъ.

— День важный, согласился онъ: какъ есть на охоту за уркой, чудесно!

— А въ морозъ хуже?

— Какъ можно; въ морозъ она (бѣлка) залѣзетъ въ

густоту, иль въ гнѣздо, дупло, — и носу оттуда не покажетъ,

— Кузь говорить, что и въ мятель, въ вѣтеръ тоже худо?

— Лучше и не ходи! Вѣтеръ вѣтви качаетъ — и нельзя никакимъ манеромъ приладиться въ бѣлку.

Злобный началъ все чаще и чаще обнюхивать землю — и видимое безпокойство овладѣвало имъ.

— Видно чуетъ... шла тутъ она, — промолвилъ Пэтырь.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ стали попадаться на землѣ слѣды векши. Узнать ихъ очень не трудно — не только опытному охотнику, но даже и новичку. Слѣдъ бѣлки, сравнительно съ величиной ея, довольно великъ, потому что она *ширитъ* (какъ выражаются охотники) и безъ того широкія и мохнатая лапки. На рыхломъ снѣгу ясно отпечатлѣвались слѣды пальцевъ и когтей. Гдѣ-же снѣгъ былъ поглубже — слѣды становились еще болѣе замѣтными. Видно урка проваливалась лапками, задѣвала хвостомъ и надѣлала множество знаковъ.

Злобный далеко оставилъ насъ позади — и минутъ около десяти, пятнадцати — мы совсѣмъ не видали его. Вдругъ раздался его громкій, пронзительный лай. Онъ выслѣдилъ, значить, бѣлку — и давалъ знать объ этомъ охотнику. Бѣлка не боится собачьяго лая, а напротивъ — даже любить его, и точно наслаждаясь имъ, сидитъ на деревѣ — и смотритъ пристально на собаку. Мы видѣли издали, какъ урка, вперивъ свои глазки на Злобнаго, дѣлала презабавныя гримасы и, принимая разныя положенія, продолжала грызть орѣшки. Но

едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бѣлка, увидавши насъ, быстро скрылась на дерево. Это дерево было — ель, да еще къ тому-же на вѣтвяхъ лежалъ навалъ снѣга, — бѣлка стала совсѣмъ не видна.

— Ну — времени тратить нечего, — надо ее скорѣй спустить... Принимайтесь.

Я взялъ топоръ, подошелъ къ дереву и началъ стучать по нему изо всей силы. Злобный продолжалъ заливаться, а Пэтырь уже держалъ винтовку наготовѣ. Звѣрекъ пошевелился и въ тоже самое мгновеніе раздался выстрѣлъ... Какъ снопъ упала къ моимъ ногамъ бѣлка, выронивъ и кедровую шишку изъ своихъ мохнатыхъ лапокъ.

— Ну, и на томъ спасибо, что не помучила, сказалъ Пэтырь, подбирая бѣлку.

— А бываетъ?

— Не рѣдко... Вотъ, можетъ, увидите.

— И долго?

— Когда какъ... Иногда она верстъ 6, 7 тебя гонить... легкая: ей только вѣтку, она ухватится, — и глядишь — опять на деревѣ; и такъ-то вотъ гоняешься за ней...

— То, значитъ, Пэтырь, ходокъ — бѣлка, а эта — сѣдунъ, — сказалъ я, желая показать, что и я кое-что понимаю въ дѣлѣ.

— Да, ходокъ... только вы думаете — что: разные бѣлки, думаете это?

— А то какъ-же?

— Нѣту, — одна-же урка; а все въ погодѣ дѣло. Въ морозный денекъ — она легка, жива — и гоняется,

бѣгаетъ: вотъ тебѣ и ходокъ; а сырая, теплая погода — она мокрѣетъ, хвостъ-то ее такъ не поддерживаетъ, она и сидитъ... А вотъ эта, къ примѣру, что сейчасъ убилъ, — развѣ она не помучила-бы? Только прозѣвай!

Злобный былъ далеко — и опять лаялъ, стоя у дерева, поднявши кверху свою морду. Ловкій Пэтырь и вторую бѣлку подстрѣлилъ въ тотъ самый мигъ, какъ она хотѣла скакнуть.

Начало охоты было удачно. Удачна была и вся охота, — и только двѣ бѣлки помучили насъ немного. Одна изъ нихъ спряталась въ дупло, — и только топоръ да дымъ выжили ее. А другая такъ откинула штуку еще лучше. Она прибѣгла къ такой хитрости. Завидя Пэтыря (я не надолго отлучился отъ него, чтобы одному найти урку), она спряталась за стволъ дерева съ противоположной стороны, такъ что, сколько Пэтырь ни ходилъ кругомъ дерева, она все продолжала вертѣться и пряталась за стволомъ. Но Пэтырь перехитрилъ урку. Онъ снялъ съ себя тулупъ, повѣсилъ на воткнутую палку, надѣлъ сверху шапку и притаился на минуту. Потомъ вдругъ пугнулъ бѣлку: та — бросилась, ошиблась, принявъ чучело за Пэтыря, — и попала подъ его пулю.

Уже темнѣло, когда мы подходили къ пывзану. Настрѣленныхъ бѣлокъ Пэтырь навѣшивалъ на поясъ, такъ что онѣ составляли очень красивую кисть около талии.

Въ пывзанѣ свѣтился огонекъ — и легкій дымъ шелъ въ отверстіе... Мы застали уже всѣхъ сидящими полукругомъ около печки и снимающими шкурки съ бѣ-

локъ. Собаки умильно посматривали, дожидаясь подачки за свои дневные труды.

Кузь, Якушъ да я вышли изъ пывзана и присѣли на крылечко, чтобы освѣжиться немножко. Вдругъ услышали невдалекѣ какіе-то звуки, похожіе на вабеніе зайца.

— Никакъ русакъ?

— Косой, косой!

— А не то не птица-ли?

— Э, — нѣтъ, это онъ, — косяга.

— Навѣрно знаешь?

— Ужъ какъ есть, самъ видѣлъ.

— Когда?

— Да лонись... былъ на тягѣ. Бреду это домой и слышу все кто-то коло меня: ва-ва, ва-ва!.. Что такое? думаю... Дайка гляну, — попытаю... — А ужъ было темненько, заря потухала и звѣздочки на небѣ такъ рѣдко, рѣдко свѣтились. Вдругъ, въ кустѣ зашелестѣло и оттуда выпрыгнулъ заяцъ... сѣлъ, колотить себѣ въ мордочку да кричить: ва-ва, ва-ва!.. Ахъ, думаю, такъ вотъ кто — косяга!

Помолчавши, Якушъ прибавилъ:

— И памятенъ-же мнѣ этотъ день.

— А что?

— Да такъ... обида-то ужъ очень большая.

Я полюбоществовалъ.

— Расскажи, говорю.

— Не стоитъ...

— Ишь, не хочетъ, замѣтилъ Кузь: — зазорно.

— Чаво не хочеть! какъ-бы обидѣлся Якушъ. — И не началъ-бы самъ, коли-бъ было такъ... Зазорно!... Со всякимъ случиться можетъ. Не бойсь, тебя лучше стрѣляю, а грѣхъ, такъ, вѣстимо, грѣхъ.

— Кто говорить! Я и не взаправду, произнесъ Кузь.

— Такъ неча и брехать.

Онъ еще нѣсколько помолчалъ, прежде чѣмъ удовлетворилъ мое любопытство.

Дѣло было такъ. Вышелъ зачѣмъ-то Якушъ изъ избы, была ночь. Слышитъ онъ — волкъ воетъ. Онъ за ружье и прямо на голосъ. Добѣжалъ къ рѣкѣ, къ спуску и сталъ подъ навѣсъ сарая. Ночь-то была звѣздная, тихая. Стоитъ это Якушъ и слышитъ, что волкъ гоняетъ что-то по рѣкѣ: внизу угонку сдѣлалъ, назадъ погналъ, потомъ опять внизъ, а тутъ опять вверхъ. Гоняетъ онъ и взвизгиваетъ. Якушъ стоитъ и слушаетъ. Вдругъ видитъ — по дорогѣ, прямо къ нему, катится что-то небольшое. «А, собака!» подумалъ Якушъ и взвелъ курокъ. Только это звѣрье, что за собаку Якушъ принялъ, какъ мятель, поднялось по взводу, пробѣжало мимо него и присѣло неподалеку. На Якуша точно слѣпота напала: не разглядѣлъ, что у звѣрья мордочка-то тоненькая, ушки востренькія, какъ совсѣмъ быть слѣдуетъ лисицѣ. «Собака», думаетъ; взялъ да и мызнулъ. Звѣрье-то услыхало и шмыгъ подъ гору, а волкъ на встрѣчу. Видитъ—дѣло неминуемое: какъ кинется черезъ бугоръ снѣга, а хвостъ и развился, какой толстый, пушистый. Тутъ только Якушъ понялъ, что собака-то была вовсе не собака, а настоящая лисица. Злость взяла его на себя, и попалъ онъ

себя ругать. А пока онъ себя ругалъ и волкъ успѣлъ скрыться. Такъ все и пропало.

— А знаете что? сказалъ Кузь.

— Что?

— Я тоже на слѣдъ попалъ.

— Лисы?

— Ея.

— Что жъ, мясцемъ надо поподчивать Патри-
кеевну.

— Упускать не надо; вонъ Пэтырь за соболемъ по-
пробуетъ.

— А что, обратился я къ нимъ: — говорятъ, лисицъ
выкармливаютъ?

— Это ты про то, какъ маленькихъ берутъ изъ норъ
и дома растятъ?

— Правда это?

— Вѣрно.

— Когда же?

— А евтимъ дѣломъ занимаются весной; когда на-
станетъ крѣпкій настъ, выслѣживаютъ лисьи норы
въ лѣсныхъ трущобахъ, раскапываютъ и достаютъ
лисятъ.

— А чѣмъ-же кормятъ?

— Да чѣмъ кормить: сперва молокомъ, а потомъ
всякой падалью.

— И выгодное дѣло?

— Не скажи?

— Почему?

— Да лиса-то не та: выкормленная дома вполонину
хуже свободной.

— Вотъ какъ!

— Ужъ такъ есть. И мѣхъ жиже — и въ носкѣ хуже, совсѣмъ полубракъ.

Пэтырь вскорѣ ушелъ въ лѣсъ излаживать уже приготовленную имъ на половину колодицу. Эта ловушка, въ которую попадаютъ и соболь, и куница, и рысь, устраивается слѣдующимъ образомъ. Между двумя деревьями, снизу подчищенными, въ разстояніи одно отъ другаго сажени на двѣ, вколачиваютъ, близъ одного изъ нихъ—колъ, длиною сажени въ $1\frac{1}{2}$, потомъ верхній конецъ кола расщепляютъ и, сдѣлавъ такой-же расщепъ на другомъ деревѣ, утврждають въ оба расщепена поперечную жердь. Надъ этой жердью кладутъ другую, у которой одинъ конецъ стесанъ наискось, а другой заостренъ такъ, чтобы пришелся въ расщепъ, сдѣланный на деревѣ, и могъ свободно подниматься и опускаться; къ концу этой жерди привязываютъ на бичевкѣ сторожекъ, а на нижней части придѣлываютъ язычекъ съ зарубкою, къ которому на силкѣ прикрѣпляютъ притраву. (К. Поповъ, «Зыряне»). Для притравы употребляется обыкновенно мясо рябчика, до котораго такъ охочи соболи. При настораживаніи колодицы — сторожекъ вставляется въ зарубокъ язычкомъ такъ, чтобы гнетъ верхней плахи (или жерди) былъ въ равновѣсіи съ притравой. Соболь (или другой звѣрь), пробираясь къ притравѣ между обѣихъ жердей и доставая ее, нарушаетъ равновѣсіе верхней жерди; сторожекъ выскакиваетъ, жердь мгновенно падаетъ и пришибаетъ соболя.

Когда уже всѣ легли спать, вернулся домой Пэтырь.

— Все излажено? спросилъ я, пробуждаясь.

— Все, пошли Богъ только звѣря.

А Кузь на другой день набросалъ для лисы мяса.

— Сперва-то хорошаго бросилъ, говорилъ онъ, ну, а какъ поѣсть, увидетьъ, что подвоха нѣтъ, я и съ сулимой набросаю.

— Поѣсть и умереть?

— Подохнетъ: сулима всѣ внутренности разѣѣстъ.

XXXIII.

О Мишѣ Топтыгинѣ.

Я уже говорилъ о томъ, какъ ловятъ зыряне дичь петлями. Большимъ похитителемъ добычи у нихъ при ловлѣ этого рода является медвѣдь, великій охотникъ до дичи вообще и до рябчиковъ въ особенности. Случается, что Мишка Топтыгинъ начисто обираетъ всю попавшуюся добычу. Охотники озлобляются и ополчаются на медвѣдя. Они ставятъ на тропѣ тяжелые медвѣжьи капканы, настораживаютъ самострѣлы или подстерегаютъ «черную немочь», какъ зовутъ они медвѣдя, на лабазахъ, построенныхъ на толстомъ деревѣ близъ медвѣжьей тропы, и бьютъ медвѣдя жеребьями изъ широкодульныхъ ружей. На такихъ-же лабазахъ подстерегаютъ медвѣдей осенью, когда они, задравъ въ лѣсу корову или лошадь, ходятъ къ ней *на поѣдъ*. Если охотникъ натолкнется на медвѣжью берлогу, то онъ оповѣщаетъ товарищей; собирается нѣсколько человекъ съ широкими ружьями, съ рогатинами и всѣ тихо приближаются къ берлогѣ. Сперва заваливаютъ

берлогу наглухо кряжами, чтобы медвѣдь не былъ въ состояніи оттуда вылѣзть, а затѣмъ стрѣляютъ въ него наудачу, сверху, сквозь снѣгъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ слышно въ берлогѣ стога; тогда раскапываютъ берлогу и вытаскиваютъ оттуда убитаго медвѣдя. Часто случается, что слабо раненый Топтыгинъ притаивается въ углу берлоги, пока ее раскапываютъ, а затѣмъ стремительно вырывается изъ своего жилища и бросается съ остервенѣніемъ на охотниковъ. Промышляютъ медвѣдей еще и слѣдующимъ образомъ: нарубаютъ нѣсколько вершинъ ели и пихтъ, въ сажень длиною, и съ ними окружаютъ берлогу Топтыгина. Найдя отверстіе въ берлогѣ, начинаютъ туда втыкать вершину, комлемъ впередъ; медвѣдь яростно схватываетъ вершину и утаскиваетъ въ свое жилище. Послѣ этого втыкаютъ другую вершину, медвѣдь точно также втаскиваетъ и ее. Такъ продолжается исторія до тѣхъ поръ, пока медвѣдь, стѣсненный въ берлогѣ, не перестанетъ втаскивать деревьевъ и не замолчитъ. Тогда охотники начинаютъ внимательно прислушиваться. Проходитъ нѣсколько минутъ и звѣрь начинаетъ царапать въ другомъ краю берлоги, противоположномъ тому, въ который втыкали деревья. Охотники прорываютъ и здѣсь небольшое отверстіе и опять начинается исторія втаскиванія вершинъ. Наконецъ медвѣдь совсѣмъ стѣсненъ. Начинается страшный ревъ. Теперь охотники, опредѣливъ хорошенько мѣстопробываніе звѣря, разрываютъ большое отверстіе и бьютъ медвѣдя изъ ружья или добиваютъ его рогаткой. Но впрочемъ случается—медвѣдь яростно бросается на охотниковъ и бой кончается не всегда смертью косматаго.

Одинъ изъ охотниковъ рассказывалъ слѣдующій случай изъ своей жизни. Человѣкъ онъ бывалый, до тридцати медвѣдей на вѣку своемъ убилъ. Сидитъ онъ разъ въ избушкѣ одинъ, вооруженный топоромъ и винтовкою. Сидитъ и ждетъ косматаго. Явился этотъ. Пуля—ему въ гостинецъ. Кажется, дѣло сдѣлано чисто, потому что медвѣдь упалъ. Такъ и охотникъ подумалъ, что убить Мишка. Выскочилъ зырянинъ, да и бросился къ нему. А Мишка и поднялся. Точно и не раненъ.... Поднялся, да на охотника. Этотъ не сробѣлъ, въ пасть звѣрю колѣно и засунулъ; топоромъ же добилъ. Колѣно-то ему медвѣдь раздробилъ, сдѣлалъ его самого калѣкой, да все-же вѣдь живъ человѣкъ остался. И мало того, что живъ: на медвѣдей послѣ ходилъ и не одного еще убилъ...

«У одного зырянина паслась лошадь въ лѣсу, на островкѣ. Медвѣдь замѣтилъ ее и ночью, въ обычную пору своихъ походовъ, спустился съ крутаго берега (а ходитъ онъ очень осторожно, когда окажется въ томъ необходимость), перебрелъ проливецъ и, подкравшись къ спящей лошади, задралъ ее. Оставить лошадь здѣсь, на открытомъ мѣстѣ, медвѣдю не заблагоразсудилось: нужно было втащить ее на гору (гора — высокій берегъ рѣки, по отношенію къ лежащимъ на ней островамъ), въ лѣсную чащу, гдѣ привольнѣе и бозопаснѣе казалось ему полакомиться добычею. Перетащилъ онъ ее на берегъ безъ особеннаго труда, но взобраться съ нею на гору, не смотря на гигантскую его силу, не совсѣмъ легко. Трудно-бы было повѣрить, чтобъ могъ онъ втащить такую тяжесть по высокому, крутому берегу, если-бъ оставленные слѣды не под-

тверждали этого. Нѣсколько разъ, въ продолженіе ночи, взбирался онъ съ лошадыю на крутизну, обрывался и падалъ вмѣстѣ съ нею въ воду, ломая и вырывая на пути деревья, но все-жъ таки настоялъ на своемъ. На другой или на третій день одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, провѣдавъ о задранной имъ лошади, ночью убилъ его на привадѣ, имъ самимъ для себя приготовленной съ такими усиліями. Медвѣдь не былъ изъ особенно крупныхъ.» (Разск. охотн.).

Интересны отношенія у медвѣдей къ пѣстунамъ...

Я позволю себѣ сдѣлать небольшую выписку по этому поводу изъ разсказа А. Михайлова («Очерки Сѣвера»).

На полдорогѣ къ деревнѣ увидѣли мы, по направленію дыма, высоко поднимавшагося надъ лѣсомъ, что пожаръ остался за нами, подвигаясь къ озеру. Теперь можно было и отдохнуть отъ утомительнаго скорого перехода. Но не успѣли мы опуститься на землю, какъ глухое рычаніе, трескъ ломавшагося сучья раздались со стороны горѣвшаго лѣса. «Медвѣдь!» прошепталъ мой проводникъ, поспѣшно скрываясь за ближайшею елью и увлекая меня за собой. Трескъ ближе и ближе, и вотъ, нѣсколько минутъ спустя, шагахъ въ двадцати отъ насъ, изъ чащи показался медвѣдь. Онъ шелъ поспѣшно на заднихъ лапахъ и несъ двухъ медвѣжатъ. Вслѣдъ за нимъ показалась огромная медвѣдица и по глухому рычанію ея можно было судить, что она была въ сильномъ безпокойствѣ за своихъ медвѣжатъ. Медвѣди уходили отъ пожара. Я видѣлъ потомъ, какъ медвѣдица, въ короткій переходъ ея передъ нами, подбѣжала къ медвѣдю и ударомъ лапы побуждала его идти скорѣе. Это былъ медвѣдь-пѣстунъ. Такъ назы-

вають крестьяне молодыхъ медвѣдей, исполняющихъ, по приказанію матери-медвѣдицы, обязанности няньки. Говорятъ, что медвѣдица ежегодно выбираетъ изъ семьи своей одного медвѣжонка и не отпускаетъ его отъ себя до тѣхъ поръ, пока онъ не вынянчитъ ея дѣтей. Не знаю, на сколько справедливы эти рассказы, только медвѣдь, проходившій на моихъ глазахъ съ двумя медвѣжатами, былъ дѣйствительно изъ молодыхъ, о чемъ можно было судить по малому его росту и по тому непрекословному повиновенію, которое онъ выказывалъ по отношенію къ медвѣдицѣ.

XXIV.

Испорченный охотникъ. — Колдуны. — Воронъ. — Чокидчисъ. —
Вѣдмы.—Вѣдма-крыса.—Темные духи.

Одинъ изъ охотниковъ каждое утро, по нѣскольку минутъ, страшно вылъ, точно волкъ. Когда завылъ онъ въ первый разъ, то я засмѣялся, принявши это за шутку, за подражаніе волку.

— Не дѣло смѣяться, сурово остановили меня.

— Почему?

— Что тутъ смѣшнаго? горе!

— Да что вы!... Вѣдь онъ шутить...

— И, какія шутки.... Онъ самъ не радъ...

— Да что-же съ нимъ?

— Что! извѣстно...

Я ждалъ.

— Порча! Колдунъ сдѣлалъ.... объяснили мнѣ наконецъ.

Я выразилъ сомнѣніе.

— Вѣрно! Ты не очень-то... Со всѣми быть можетъ...
Часть неровенъ... Злой человѣкъ...

— Кто-же?

— А тутъ одинъ у насъ...

— Не Воронъ-ли? вспомнилъ я имя одного колдуна,
жившаго въ 40 верстахъ отъ деревни.

— Да, онъ!

— За что-же?

— А обидѣлся... ну, вотъ.

— И нельзя избавиться?

— Нельзя.

— Никогда?

— Самому нельзя.

— А кто-же можетъ?

— Одинъ онъ только.

— Воронъ?

— Онъ одинъ. Пожалуй еще другой, болѣе сильный... тотъ побороть можетъ... Силой силу!...

— Колдунъ тоже?

— Колдунъ!

— Онъ обращался? указалъ я рукою на вывшаго.

— Просилъ Ворона... слезно.... ѣздилъ два раза къ нему... Дары возилъ...

— А тотъ?

— Тотъ сказалъ, что пять лѣтъ не простить.

— А черезъ пять все пройдетъ?

— Да...

— Сколько-же лѣтъ осталось?

— Два года.

— Но развѣ нельзя къ другому обратиться?

— А гдѣ его взять? Воронъ—такой сильный, что съ нимъ, братъ, трудно тягаться....

Нигдѣ, кажется, нѣтъ столько колдуновъ, какъ въ зырянскомъ краѣ. Здѣсь вѣра большая въ нихъ... Они предсказываютъ будущее, помогаютъ найти украденное, напускаютъ и выгоняютъ порчу, дѣлаютъ заговоры, знаютъ «привороты» и т. д.

Воронъ—одинъ изъ сильнѣйшихъ колдуновъ... Высокаго роста, сухой, бѣлый, какъ лунь, съ глубоко впавшими глазами, *«прожигающими васъ насквозь»*; онъ пользуется большимъ почетомъ.... Разъ, по рассказамъ зырянъ, былъ такой случай.

Во время свадебнаго пира является какой-то колдунъ. И говоритъ:—отъ добра что?

Хозяинъ испугался и послалъ просить Ворона помочь бѣдѣ.

Явился Воронъ.

А колдунъ, что раньше пришелъ, и за столъ уже сѣлъ.

Просить хозяинъ и Ворона за столъ.

— Я здѣсь посижу, отвѣчаетъ Воронъ, опускаясь на порогъ: а за столомъ уже пусть сидитъ мой наибольшій братъ!

Затѣмъ Воронъ попросилъ ковшъ съ суромъ. Ему подали. Онъ отпилъ и передалъ хозяину:

— Поподчуй моего брата!

Тотъ лишь только прикоснулся къ ковшу, какъ всѣ зубы въ ковшъ и попадали.

Взмолился незванный колдунъ.

— Не я старшій, а ты! Помилуй!

Воронъ смилостивился, пошепталъ и опять далъ выпить товарищу.

Тотъ отпилъ глотокъ—и зубы очутились на своемъ мѣстѣ.

Незванный колдунъ исчезъ съ пира.

Воронъ — не злой колдунъ. Кто его почитаетъ — того онъ щадить. А онъ многое можетъ. Обращаетъ поѣзда въ волковъ, наводитъ темноту на глаза и продѣлываетъ разныя штуки. Разъ онъ какого-то чиновника проучилъ. Сталъ тотъ воду пить, да и не можетъ зубъ отъ чашки отнять. Тоже взмолился. *)

Угадчикъ Воронъ—замѣчательный. Скажетъ что — сбудется непременно: пожаръ, смерть, несчастіе.... Открыть вора—ничто ему не стоитъ.

— Отчего-же Ворономъ его зовутъ?

— Да носъ похожъ — что у Ворона!... И живетъ опять: на горѣ, въ избѣ, будто гнѣздо какое...

— Кто-же у него бываетъ? съ кѣмъ онъ въ дружбѣ?

— Да никто... окромя Меркула... этотъ другъ...

— Тоже колдунъ?

— Ни!... Лекорь... Ну, тоже можетъ разныя штуки... только напущать ничего не можетъ... А отгадываетъ, штуки дѣлаетъ разныя.... Съ умершими душами бесѣдуетъ...

Но о Меркулѣ ниже. Теперь о Воронѣ.

— А развѣ нельзя и Ворона проучить?

— Какъ?

— Да всяко... Съ колдунами расправляются-же... Вонъ сожгли одну гдѣ-то.

*) Прошу помнить, что я передаю слова молвы.

— Э, то не взавправдашная, либо *слабкая*. А съ Ворономъ что подѣлаешь!

— Пробовали?

— Пробовать не пробовали всурьезъ, опасно. А былъ такой случай. Одинъ парень смѣясь и говорить:

— А я во тебя зашибу, право!

— Чѣмъ? говорить Воронъ.

— А во этимъ, погрозилъ топоромъ парень.

— Ну-ка, говорить, пробуй.

— Давай!

— Валяй сильнѣе!...

Парень замахнулся, да такъ рука-то и остамѣла... Что дерево стала. Поднялъ — а опустить не можетъ.... Замолилъ... Воронъ-же и отпустилъ. Такъ гдѣ-же тутъ его учить? Онъ тебя такъ проучить, что... все отдашь, лишь отпусти!...

Я передаю лишь слышанное. Я самъ не видалъ ни Ворона, ни его колдовскихъ опытовъ. Но *всѣ* увѣряютъ, что сила его — мощна, что все — правда....

Мертвые, т. е. умершіе колдуны называются *чокид-чисами*; эти злые особенно. Каждую ночь они бродятъ по свѣту и надоѣдаютъ роднымъ, чтобы тѣ за нихъ больше молились. А въ великій четвергъ они грызутъ колокола.

— Это зачѣмъ-же?

— Да чтобы лучше портить людей.

— Но вѣдь это противно Богу?

— Нешто колдуны Богу служатъ?

— Послѣ смерти, я говорю...

— И послѣ смерти тоже!

— Но вѣдь они, вы говорите, просятъ панихиды служить, молиться за нихъ?

— Да.

— Слѣдовательно, хотятъ умолить Бога... и вдругъ портятъ... Это-же одно другому противорѣчитъ....

Мнѣ ничего не отвѣчали.

— И вообще все-то вздоръ,—замѣчалъ я.

— Что вздоръ?

— Не могутъ мертвые ходить... сказки все.

— А видятъ если?

— Вранье!

— Нѣтъ, вѣрно.... Христіане не могутъ, извѣстно... а колдуны могутъ... на то они и такіе... Спокою нѣтъ имъ... дьяволу душу продали... За то и бродятъ.

Я смѣялся, а мнѣ говорили:

— Не смѣйся, все правда!

И прибавляли:

— А вобьютъ въ спину колъ, колдунъ и не ходитъ.

— Отъ кола?

— Да, отъ осинового!

— Почему-же осиновый именно?

— На осинѣ Іуда удавился...

— Вотъ оно что!... Колъ, стало, держать?

— Значитъ, такъ...

Въ этой белибердѣ слышится уже вліяніе русскихъ нелѣпныхъ повѣрій.

Кромѣ колдуновъ, еще есть вѣдьмы. Это — старухи, принимающія видъ разныхъ птицъ и животныхъ. Мертвые слоняются тоже по ночамъ и тоже грызутъ въ великій четвергъ колокола...

Одно время недалеко отъ Ворона жила вѣдьма,

которая превращалась въ крысу и, бѣгая изъ деревни въ деревню, портила людей. Разумѣется, это нелѣпая сказка, но *всѣ* опять таки этому вѣрятъ... Если надо — и свидѣтели найдутся.

Царство духовъ у зырянъ обширное.

Въ царствѣ темныхъ духовъ есть и духи русскаго происхожденія, есть и свои — національные... Начнемъ съ Орта, котораго нѣтъ ни у кого даже изъ близкихъ соплеменниковъ зырянъ — пермяковъ и вотяковъ. По словамъ г. Куратова (Волог. губ. Вѣд. 1865 г.), это слово значитъ духъ, и что въ соединеніи его со словомъ «му» — земля, образовалось слово мортъ — человекъ. Зыряне думаютъ, что Ортъ обитаетъ въ воздухѣ, и у каждаго человека есть свой Ортъ. Лишь только рождается человекъ — какъ сейчасъ-же къ нему и приставляется Ортъ. Онъ иногда принимаетъ образъ человека, воплощается и является родственникамъ и друзьямъ близкаго къ смерти. Является онъ чаще всего ночью и при себѣ имѣетъ синій огонекъ. Кромѣ предсказанія смерти, обязанность Орта состоитъ въ томъ, чтобы онъ обошелъ всѣ мѣста, которыя при жизни посѣтилъ умершій. Поэтому зырянинъ, побывавшій далеко отъ родины и возвращаясь домой, хвастается землякамъ: «Ортъ туй-то тали жо», т. е. сдѣлалъ-же я дорогу Орту. Одна старуха, по словамъ г. Попова, рассказывала, что въ ночь, когда умеръ ея отецъ, жившій отъ нея въ 140 верстахъ, къ ней явился Ортъ его и, по обыкновенію покойнаго, постучавшись подъ окномъ палкой въ четыре пріема, исчезъ... Ортъ — по мнѣнію зырянъ — добрый духъ.

Не особенно злые духи и *лѣшіе*. Они живутъ въ

лѣсахъ, но прогуливаются и по открытымъ мѣстамъ. У нихъ есть свои дома, свое хозяйство. Они рѣдко дѣлають зло, больше—любятъ только подшутить надъ человѣкомъ, который отправляется въ путь безъ креста и не благословясь. Такого человѣка лѣшій заводитъ обыкновенно въ чащу. Когда же омороченный догадается и перекрестится, то лѣшій уходитъ, дѣлаясь выше лѣсу, и кричитъ: а, догадался!... Когда мать проклянетъ свое дитя, то лѣшій подмѣниваетъ его, оставляя на мѣсто унесеннаго урода. Почему эти послѣдніе зовутся обмѣнами. Во время войны лѣшіе сражаются за *нашихъ*.

Водяной—Куль, или Васса — живетъ въ омутѣ.... Это злой духъ; на войнѣ противъ *нашихъ*. Всякаго, кто купается не перекрестясь, *Куль* беретъ къ себѣ... Водяные живутъ хозяйствомъ и даже держатъ коровъ. На видъ они отвратительны, равно какъ и ихъ голосъ. Ихъ жены—чертовки. Выходятъ на берегъ и чешутъ волосы—длинные, мокрые. Дѣти ихъ имѣютъ сперва мохнатую фигуру и лишь потомъ дѣлаются похожими на людей.

Кикиморы поселяются въ домахъ старыхъ, развалившихся, но иногда и въ новыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, ихъ напускають плотники, по неудовольствію на хозяевъ за дурное угощеніе во время работъ. Напускають ихъ иногда и колдуны. Въ иныхъ мѣстахъ онѣ принимаютъ видъ безобразныхъ старухъ и молодыхъ дѣвицъ, кошекъ и свиней, въ другихъ — видъ большихъ мохнатыхъ и уродливыхъ куколъ съ отвратительною фізіономіей. Хотя онѣ и не опасны для жизни человѣка, но чрезвычайно безпокойны: по ночамъ

бьютъ посуду, пугаютъ куръ, жалобно стонутъ въ подвалахъ, производятъ стукъ и свистъ въ стѣнахъ дома, неистово кричатъ на разные голоса, стаскиваютъ съ сонныхъ одѣяла; однимъ словомъ, столько дѣлаютъ непріятностей хозяевамъ, что послѣдніе часто переселяются въ новые дома.

Зыряне вѣрятъ въ домовыхъ и сусѣдковъ; но часто смѣшиваютъ ихъ. Собственно домовые живутъ въ домахъ. Это существа хотя нечистыя, но добрыя. Они представляются въ видѣ стариковъ и мохнатыхъ животныхъ. Они душатъ спящихъ передъ пожаромъ, смертію или передъ какимъ-нибудь несчастіемъ въ домѣ.

Сусѣдки живутъ на скотныхъ дворахъ. Любятъ извѣстный цвѣтъ шерсти, покровительствуютъ животнымъ этой масти и преслѣдуютъ скотину другой масти. Любимымъ животнымъ выютъ гривы, перетаскиваютъ кормъ отъ другихъ, а на нелюбимыхъ по ночамъ ѣздятъ и бьютъ ихъ. Для того, чтобы выгнать сусѣдку, употребляется трава плакунъ.

Руныши—русскій овинный. Очень злобное существо. Но самые злые изъ всѣхъ духовъ это—банные. Людей, отправляющихся мыться въ баню безъ благословенія—банные запариваютъ до смерти, закидываютъ подъ полки и даже сдираютъ кожу. Банные иногда воплощаются и тогда представляются въ видѣ человѣка съ красной шапочкой на головѣ.

Такова демонологія зырянъ, въ ней всего есть: и національныя, и чужія нелѣпости.

XXV.

Любовь къ гаданьямъ. — Разныя гаданья. — Въ зеркалѣ — судьбу найдешь. — Меркуль — спирить своего рода. — Предразсудки. — Явленія природы и ихъ объясненія зырянами.

Русскій народъ, то-есть простонародье собственно, любитъ гаданье. Но что это въ сравненіи съ зырянскою страстью къ гаданьямъ! Они, кажется, этими гаданьями только и живутъ.

— Люты на это... дюже люты, замѣтилъ мнѣ одинъ русскій мужикъ, жившій въ зырянской деревнѣ и вернувшійся оттуда въ свою — въ Вологодскомъ уѣздѣ.

— Неужели всѣ?

— Почитай такъ...

— И мужчины?

— И эти; только, вѣстимо, менѣ бабья... Бабье — спитъ на немъ (гаданьи)...

Не во всякой деревнѣ найдется книга... Далеко не во всякой!... За то въ каждой керкѣ — карты есть.

— И не спрашиваю, рассказывалъ мнѣ слѣдователь: прямо говорю: дай-ка карты!... Знаю, что не только одна, а и двѣ, три колоды найдутся...

Да, любятъ Зыряне гадать на картахъ, да объяснять сны...

— Сонъ нешто — путное? скажешь.

— А то что-же?

— Вздоръ...

— Сонъ — Божья правда....

Не пробуйте разубѣждать, — бесполезно.

Встала въ керкѣ баба-хозяйка. Умылась, на икону перекрестилась и сейчасъ садится разгадывать сонъ. Если есть сонники да грамотные—начинается чтеніе; а нѣтъ—саморазгадываніе. На помощь призываются всѣ домашніе, не исключая и малолѣтокъ. Сидятъ и разгадываютъ. Да и какъ еще серьезно!...

— А не, что-то не ладно будто все, рѣшаетъ вдругъ иной разъ хозяйка и бѣжитъ въ сосѣдную керку.

Тамъ, положимъ, идетъ стряпня.

Поздоровались.

— А я къ тебѣ... Видѣла я ночью...

Начинается рассказъ сновидѣнія. Сосѣдка бросаетъ стряпню и усаживается разгадывать чужой сонъ...

Такъ-ли, иначе-ли, а ужъ разгадаютъ.

И смѣшно, и... грустно невольно.

Главная пора гаданій — святки. Въ это время кладутъ карты подъ подушку, — топятъ воскъ, льютъ сви-нецъ, морозятъ на ложкѣ воду, подслушиваютъ подъ окнами, на перекресткахъ, у бань, овиновъ, въ трубѣ... Но самое любимое гаданье — зеркало.

— А вотъ надо будетъ въ зеркало глянуть.

— И что же тогда?

— Тогда все узнаешь!

— Будущее?

— Всю судьбу... Зеркало — судьбу кажетъ.

— Какъ же это оно можетъ казать? Развѣ зеркало знаетъ? вѣдь оно вещь?

— Вещь, извѣстно! Да не оно...

— Что не оно?

— Не оно судьбу знаетъ.

— Такъ кто же?

— Ужъ кто!... Може Богъ... може... кто изъ умершихъ... Какъ знать... Это свыше. А только, значитъ, сядь да посмотришь—и увидишь все.

— Вы не смѣйтесь, сказала мнѣ одна барыня:—въ зеркало, дѣйствительно, можно много увидѣть...

— Я не спорю...

— Да нѣтъ, постойте... Правды, будущаго... Вотъ послушайте.

И она начала рассказывать.

— Былъ у меня сынъ въ Ташкентѣ... На святкахъ—сѣли всѣ глядѣться въ зеркало. Дай, думаю, сяду и я... И сѣла... Вы знаете, какъ надо смотреѣться? Поставить два зеркала одно противъ другаго, а по бокамъ по свѣчѣ... Выйдетъ длинный корридоръ... Вотъ тутъ-то и увидите.

— Правду самую?

— А вотъ слушайте...

— Вы-то что же увидѣли?

— Слушайте... Сѣла я, гляжу... Прошло минутъ десять, четверть часа... Все сижу... Глазамъ больно... Слезы навертываются... Начало мелькать что-то... Мелькнетъ и пропадетъ... И вдругъ...

Она остановилась даже.

— И что-же вдругъ?

— Увидѣла сына!

— Что-жъ тутъ удивительнаго? О немъ думали...

— Но какъ? Лежить въ лазаретѣ... съ повязками на ногѣ... Все такъ ясно... до мелочи... И лазаретъ, и койка... все, все!...

— И правда?

— Да. Черезъ нѣсколько дней получила письмо...

— Болѣнъ?

— Сломалъ ногу—пишетъ, и лежитъ въ лазаретѣ!...

— Случайность...

— Не говорите! А вотъ вамъ еще лучше... О сынѣ я думала... А разъ приходитъ ко мнѣ одна дама и просить посмотрѣть на ея двоюроднаго брата, уже около десяти лѣтъ не писавшаго ей... Сѣла... Его не видала, и наружность его не описывали мнѣ... И теперь увидѣла... Говорю: такой-то вотъ, то и то...

— Все вѣрно?

— Изъ капли въ каплю... Разказала... и что-же? Все оказалось правдой. Даже обстановку квартиры описала я вѣрно.

Въ одинъ голосъ съ этой интеллигентной барыней—говорять и зырянскія бабы... Одна видѣла жениха, котораго допреждъ и не знала, другая цѣлое событіе изъ жизни за годъ впередъ и т. д., и т. д. Что сіе значитъ? Предоставимъ это спиритамъ, и вообще людямъ, желающимъ разбирать явленія изъ «міра таинственнаго»... Мы все равно ничего не рѣшимъ, а смѣхъ — разумѣется—еще не опроверженіе и не рѣшеніе.

Вотъ взять хотя Меркула, съ которымъ уже мы встрѣчались въ началѣ очерка, когда описывали лѣченіе *пакулой*.

Это зырянскій спиритъ, если хотите! Стола не вертитъ, и посредствомъ блюдечка съ духами не разговариваетъ, а «сообщеніе съ ними» имѣетъ по увѣреніямъ всѣхъ.

— Будто-бы?

— Вѣрно!

— А можно убѣдиться?

— Вотъ какъ пріѣдемъ—сходите.

Я не былъ у него, но уже вернувшись съ лѣсованья, встрѣтился съ однимъ знакомымъ, который слѣд. разсказалъ мнѣ:

Прежде всего о томъ, какъ Меркуль отъ зубовъ лѣчить...

Лѣчить онъ зубную боль только поутру, до ѣды.

— Приходите, пока не поѣлъ!

— А послѣ?

— Не могу.

— Отчего-же?

— Силы нѣтъ!

— Какой силы?

— Той силы, какая есть во мнѣ... Не лекарствомъ лѣчу, а силой... А эта сила послѣ ѣды во мнѣ пропадаетъ... Пошелъ я къ Меркулу съ полнымъ сомнѣніемъ... Зубъ у меня рвало страшно.

Прихожу.

Керка изнутри заперта.

— Спитъ еще, сказалъ мнѣ Пэтырь.

— Какъ же?

— Стучитесь.

Начали стучаться.

Послышались шаги, и сильный голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Свой, Меркуль... Полѣчи во барчука...

— А! это ты, Пэтырь?

— Я, я... у барчука вотъ зубъе разнылось.

Отперъ двери. Въ одной рубахѣ еще.

— Проходите... Сейчасъ я...

Одѣлся... Перекрестился и поздоровался.

— Зубъ болитъ?

— Зубъ.

— На правой сторонѣ?

— На правой... а ты почему...

— Вверху?

Я даже и не отвѣтилъ, полный удивленія.

— Сгнило все... рвать трудно... ну, ничего... мигомъ мы!

— Да какъ ты все узналъ?

— А ужъ такъ... говорилъ вамъ...

— Сила?

— Сила, сила... во мнѣ есть сила... Станьте-ка сюды.

Я всталъ къ окну.

— Откройте ротъ...

Я открылъ.

— Читайте про-себя молитву.

— Какую?

— А все равно!

Я сталъ читать.

Меркулъ зажмурилъ глаза, поднялъ голову вверхъ... И лицо его начало мѣняться... Все блѣднѣе и блѣднѣе... Потомъ онъ вдругъ открылъ глаза, распростеръ руки надъ моею головою и началъ дѣлать пассы... Это длилось минутъ пять... Зубъ сталъ затихать, затихать — и успокоился.

— Довольно...

Онъ тяжело вздохнулъ и въ утомленіи опустился на стулъ (джекъ).

— Все?

— Все!

— И болѣзнь не будетъ?

— Не будетъ... долго не будетъ...

Я не повѣрилъ еще и тутъ... Но зубъ дѣйстви-
тельно не болѣлъ болѣе десяти лѣтъ. Уже недавно вы-
дернули его мнѣ и насилу выдернули, ибо весь
сгнилъ.

Впослѣдствіи мнѣ говорили, что чтеніе молитвы ни
при чемъ. А заставляетъ читать ее Меркуль съ един-
ственной цѣлью, чтобы не заподозрили его въ колдов-
ствѣ, — чтобы не сказали, что «сила» его отъ «духа
тьмы».

— Но отчего же до ѣды только?

На это онъ только говорилъ одно:

— Такъ... Послѣ ѣды нѣтъ во мнѣ силы.

Сеансъ у Меркула, по словамъ моего знакомаго,
былъ очень простъ.

Онъ налилъ воды и смотрѣлъ въ нее.

— Что хотите спросить? сказалъ онъ глухо, блѣднѣя.

— Что я теперь думаю?

Онъ посмотрѣлъ въ воду и отвѣтилъ:

— Вы думаете: «неужели онъ не морочить насъ?»

Онъ угадалъ.

— А скоро-ли я умру?

— Не надо задавать этихъ вопросовъ... А хотите-ли
знать, когда умретъ ваша мать?

— Да...

— Августомъ.

— Годъ?

— Августомъ, повторилъ Меркуль.

Это сбылось черезъ 5 лѣтъ.

Потомъ онъ всталъ и показалъ «фокусъ» на стулъ, форточкѣ и топорѣ.

Онъ подошелъ къ стулу, поднялъ руку — и стулъ поднялся на воздухѣ за рукою...

Онъ опустилъ руку — опустился и стулъ...

Тоже продѣлалъ онъ и на печной форточкѣ, отдушникѣ иначе. Онъ приближалъ руку къ ней (чугункѣ) и еще не клалъ руки на отдушникъ, какъ уже онъ открывался.

Топоръ лежалъ на столѣ.

Меркуль положилъ на него палецъ — и топоръ запрыгалъ по столу.

— А вѣдь вы въ моей волѣ, сказалъ онъ.

— Какъ такъ?

— Садитесь!

Я сѣлъ на стулъ.

Меркуль опять началъ, блѣднѣя, дѣлать пассы надо мною.

— Привстаньте!...

Я попытался... увы! Словно пуды легли на меня.

— Не могу!

Онъ подержалъ руки надъ моими волосами — и они всѣ поднялись «стамикомъ», дыбомъ иначе.

Онъ сдѣлалъ то же самое у рта — и я зачавкалъ губами.

Смѣшно и досадно!

Это все, что показалъ Меркуль, закончилъ рассказчикъ: — а говорятъ, что онъ и людей подымаетъ со стуломъ и многое еще дѣлаетъ... Можетъ быть!...

Не сегодня, такъ завтра, а послѣ завтра, навѣрное,

объяснится все и, понятно, очень просто, научно... Поразительно все только то, что не объяснено еще пока.

Зыряне заражены предрасудками.

Такъ, говоритъ Поповъ, «чтобы хозяйственные дѣла въ теченіе года шли удачно, зыряне въ Великій четвергъ стараются передѣлать всѣ работы: женщины бросаются отъ веретена къ шитью и т. д.; а мужчины считаютъ деньги и работаютъ свое...»

Если зырянинъ отправляется на дѣло и встрѣтитъ бабу или попа, или кошку, или курицу — то долженъ вернуться домой, а не то плюнуть девять разъ на сѣверъ и западъ...

Пошли тараканы изъ дому — будетъ пожаръ.

Въ домѣ они появились — къ богатству.

Въ Христовскую заутреню, на первый возгласъ священника: «Христосъ воскресе!», охотники про-себя, вмѣсто «воистину воскресе!», называютъ какого-нибудь цѣннаго звѣря.

— Это для чего-же?

— А охота лучше будетъ!

Зыряне, по словамъ одного писателя — знаютъ траву силку и траву невидимку. Знаютъ и клады. Самые клады выходятъ наружу въ видѣ разныхъ животныхъ, и въ такомъ случаѣ ихъ легко взять: стоитъ только ударить рукою на-отмашь! А достать невыходящіе клады — надо знать заклинанія. Воронъ, говорятъ, ихъ знаетъ — эти заклинанія. Однако, онъ не добылъ, кажется, ни одного клада.

Картофель считается нечистымъ, потому что изъ него, по убѣжденію зырянъ, высиживаются ящерицы. Мыло — тоже.

— Мыло отчего?

— Оно превращается въ лягушекъ.

Табакъ — зелье дьявола. Распространеніе табаку — предвѣщаетъ близость кончины міра.

А между тѣмъ зыряне очень любятъ чай, всѣ почти курятъ, охотно ѣдятъ картофель и употребляютъ мыло.

Грѣзы (громъ и молнія)—это Божья кара для темныхъ духовъ. Какъ только они много расшались да почнутъ зло людямъ чинить, — сейчасъ Илья пророкъ запряжетъ въ огненную колесницу коней небеснаго цвѣта — и поѣдетъ по небу. Злые духи начнутъ прятаться куда попало, почему во время грозы надо все закрывать (окна, трубы) и все затыкать (щели, дырья). Убила молнія—значить, убило стрѣлой Ильи; она была направлена въ темнаго духа, а онъ за человѣка спрятался. Ну, она его и убила...

А знаете-ли, что такое облако, по мнѣнію зырянъ? Эго—небесный кисель!

Аэролиты—небесные хлѣбы... зачерствѣли только.... Оригинально и любопытно.

XXVI.

Человѣкъ и его зависимость отъ климатическихъ условій.—Зырянинъ-земледѣлецъ, огородникъ и скотоводъ. — Зырянскія рѣки и рыбы.—Стерлядь и семга.—Въ заплеты кужами.—Крылены.—Ловля въ курьяхъ. — Сырпомъ. — На Брусной горѣ.—Работа на заводахъ.—Судостроеніе и бурлачество.—Лѣсопромышленность.—Зырянинъ-ремесленникъ.—Зыряне въ Петербургѣ.

Конечно, всякій знаетъ, что человѣкъ зависитъ отъ того мѣста, гдѣ живетъ. Отъ почвы, вообще отъ фи-

зическихъ условій страны зависятъ и самый выборъ занятій. Родина зырянъ сурова по климату, почва ея неплодородна, лѣса обильны звѣремъ и дичью, а рѣки и озера — рыбою. Естественно, что зырянинъ не особенно любитъ земледѣліе и является по преимуществу охотникомъ. Относительно-же хлѣбопашества онъ говоритъ: «дыжъ да ягсяся» — лѣнь, да бороню.

Я уже говорилъ въ началѣ своего очерка нѣсколько о зырянинѣ-хлѣбопашцѣ, такъ что теперь мнѣ приходится дополнить рѣчь о немъ уже немногими словами.

Въ зырянскомъ краѣ обыкновенно чередуются хорошіе урожаи съ полными неурожаями, причемъ чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ хуже. Объ успѣшности хлѣбопашества по верхней части Вычегды уже можно судить по одному тому, что здѣшнихъ зырянъ ихъ-же сосѣди зовутъ *качъ-сіоѳйясъ*, т. е. — корофды. По словамъ извѣстнаго зырянскаго бытописателя Аврамова, на Удорѣ, по причинѣ поздней весны и раннихъ инеевъ, изъ шести лѣтъ — два урожайные и четыре нѣтъ, причемъ въ неурожай не собирается даже соломы. За то въ урожай сборъ хлѣба бываетъ самъ-90 и, прибавляетъ авторъ, даже болѣе, такъ что одна жатва обезпечиваетъ иногда продовольствіе жителей на нѣсколько лѣтъ. Но бываютъ и злосчастные періоды для Удоры: неурожай идутъ къ ряду лѣтъ 6 и 7.

Южная часть зырянскаго края болѣе удобна для земледѣлія. Господствующее хлѣбное растеніе — ячмень, которымъ кормятъ зыряне, вмѣсто овса, и лошадей. За нимъ идетъ рожь, которой сѣется вдвое менѣе, нежели ячменя; она идетъ почти вся на продажу, такъ

какъ зыряне ѣдятъ хлѣбъ по преимуществу ячменный. Хорошій ржаной зырянскій хлѣбъ и по вкусу и по бѣлизнѣ лучше петербургскаго пеклеваннаго. Овесъ сѣется въ очень маломъ количествѣ и только въ южной полосѣ зырянскаго края. Пшеницу начали сѣять только съ 1845 года и она очень дурнаго качества. Ленъ и конопля распространены повсемѣстно, но доспѣваютъ худо. Конопляное и льняное масло не въ употребленіи у зырянъ, но сѣмя конопляное идетъ на постныя щи и кутью.

Я уже говорилъ о способѣ обработки полей и потому теперь упомяну только объ одномъ земледѣльческомъ приѣмѣ. Если съ осени снѣгъ выпадетъ на мокрую землю и зима многоснѣжна, то, чтобы хлѣбъ не подопрѣлъ, поля стаптываютъ лошадьми.

Теперь нѣсколько словъ объ огородничествѣ. Разводятъ слѣдующія овощи: капуста, рѣпа, рѣдька, лукъ, картофель, горохъ, а также—хмѣль.

Обиліе луговъ и сочныхъ травъ даютъ возможность зырянамъ держать много скота, котораго у нихъ вообще больше, чѣмъ у русскихъ. По словамъ извѣстнаго писателя, Ф. А. Арсеньева, на Удорѣ скотоводство послѣ охоты составляетъ главное занятіе жителей. Лучшіе быки вымскіе, дающіе чистаго сала до 7-ми пудовъ. Какъ овцы, такъ и коровы зырянскія,—камолыя (безрогія). Лошади обыкновенныя. Зырянскія свиньи очень тучны и ихъ уши гораздо длиннѣе, чѣмъ у русскихъ свиней. Изъ домашнихъ птицъ — куры, но не вездѣ. Яйца ѣдятъ, но куриное мясо зырянами не употребляется.

Рѣки богаты рыбою, а послѣ охотничьихъ промыс-

ловъ рыболовство составляетъ любимое и наиболѣе выгодное занятіе для жителей. Рыба отличается величиною и вкусомъ. Изъ цифръ, собранныхъ г. Протопоповымъ, мы узнаемъ, что величина рыбы достигаетъ слѣдующихъ размѣровъ: лохъ — 5-ти пудовъ, щука — 3-хъ пуд., налимъ, нельма — въ 1 пуд., лещъ — 30 фунтовъ, семга — 1¹/₂ пуда, а въ 1852 году была поймана семга въ 2 пуда 35 фунтовъ. Зырянская стерлядь лучше волжской. До 1845 года, пишетъ г. Поповъ, въ рѣкахъ сѣверодвинскаго бассейна стерляди вовсе не было. Полагаютъ, что она появилась здѣсь послѣ закрытія Сѣвероекатерининскаго канала, посредствомъ котораго соединялась Вычегда съ Камою, и надобно думать, что ей понравилось новое мѣсто жительства, потому что она съ удивительною быстротою распространилась по всему теченію Вычегды, Сѣверной Двины и по Сухонѣ, чуть не до самаго Кубенскаго озера, т. е., считая по возможно прямому водному пути, на 1500 верстъ. Другіе говорятъ, что въ Вычегдѣ развелъ стерлядь извѣстный въ свое время яренскій охотникъ-рыболовъ А. В. Клеопатровъ. И то, и другое не кажется невѣроятнымъ. Однако-же извѣстно, что г. Клеопатровъ не дожилъ до времени распространенія стерляди въ двинской системѣ. Въ 1850 году въ Устюгѣ малыя рыбы этой породы продавались дешевле всякой другой. Но послѣ того въ Сухонѣ она стала переводиться и теперь уже рѣдко попадаетъ даже близъ Устюга.

Собственно въ зырянскомъ краѣ она водится преимущественно въ Вычегдѣ; даже въ большомъ притокѣ этой рѣки Сысолѣ ея нѣтъ, не смотря на то, что сысольская вода чище и свѣтлѣе вычегодской.

Г. Богдановъ пишетъ, будто стерлядь ловится въ Печорѣ, но мнѣ кажется, что онъ ошибается. Появление этой дорогой рыбы зыряне встрѣтили съ неудовольствіемъ: они считали ее нечистою, приписывали ей распространение лихорадокъ и уменьшеніе другихъ породъ. Они не умѣли ее ловить до тѣхъ поръ, пока одинъ возвратившійся на родину солдатъ (если не ошибаюсь, изъ Казани) не объяснилъ имъ цѣнности рыбы и устройство самолововъ. Устьсыольскій купецъ Н. А. Поповъ, воспользовавшись огромною разницею въ цѣнахъ на эту рыбу на мѣстѣ и въ Петербургѣ, сталъ закупать ее и отправлять въ столицу черезъ каналъ Герцога Александра Виртембергскаго, въ судахъ особаго устройства, съ двойнымъ дномъ, изъ коихъ на нижнемъ дѣлаются прорѣзы и между обоими помещается рыба. Попытка Попова увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ: товаръ его дошелъ до Петербурга безъ всякой потери. Поэтому отправка стерляди въ столицу продолжается и теперь, хотя цѣны на нее на мѣстѣ сильно возвысились. Въ Устьсыольскѣ, напр., сперва фунтъ ея продавался по 2 коп., въ 1857 году въ Яренскомъ уѣздѣ ее покупали по 30 коп., а въ 1865 году, по словамъ Арсеньева, цѣна дошла до 75 коп. Есть точныя свѣдѣнія о возвышеніи цѣны на стерлядь въ Великомъ Устюгѣ за цѣлое 20-ти-лѣтіе, начиная съ 1853 года. Въ 1853 г. она продавалась тамъ по 4¹/₂ коп. за фунтъ, въ 1863 — по 55, а въ 1873 — по 80 коп. (берутся цѣны среднихъ годовъ). Зыряне продаютъ стерлядь не на мѣру, а вѣсомъ, чѣмъ и пользуются закупщики.

Семга водится во всѣхъ зырянскихъ рѣкахъ, но

ловля ея только на Печорѣ, преимущественно въ нижней части и въ большомъ притокѣ этой рѣки Щугорѣ, составляетъ предметъ самостоятельнаго промысла. Нельзя не пожалѣть, что эту рыбу дурно солятъ. Чрезвычайно жирная, она требуетъ много соли, но рыбаки жалѣютъ столь недорогого продукта, потому что покупатели вѣсятъ товаръ безъ разсола. Во внутреннихъ губерніяхъ сложилось убѣжденіе, что лучшая семга — двинская, а москвичи, напримѣръ, ѣдятъ вмѣсто семги лососину, да еще прихваливаютъ.

Вывозятся также изъ зырянскаго края и другія рыбы — замороженные: пеляди, чиры, нельмы, сиги, щуки, окуни и проч. Доходность рыбнаго промысла въ послѣдніе годы, однако, значительно понизилась.

Способы ловли рыбы разнообразны. Ловъ производится главнымъ образомъ весною. Только семга и стерлядь составляютъ исключеніе: стерлядь ловится преимущественно въ межень, а семга — когда спускается въ море, выметавъ въ рѣкахъ икру, т. е. — въ іюль, августъ.

Одинъ изъ распространенныхъ способовъ ловли рыбы — въ заплеты кужами. Еще съ осени по склонамъ рѣчекъ дѣлаются городьбы изъ прутьевъ въ переплетъ. Онѣ имѣютъ видъ ломаной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляется окошко, а въ него ставятся *кужи*, т. е. надѣтыя на кувшинообразный остовъ изъ прутьевъ мережи. Кужи опускаются въ воду, когда начнется ходъ рыбы изъ рѣки и притомъ такъ, что одни изъ нихъ горлами обращены къ рѣкѣ, а другія — напротивъ. Такова ловля въ заплеты кужами.

Большія рѣки образуютъ весною заливы — курьи.

Въ нихъ спускаются крылены, т. е. двугорлыя мережи, у которыхъ каждое горло имѣетъ приполки; онѣ растопыриваются, надѣваясь на большія дуги. Крылены опускаются въ воду и притыкаются ко дну шестиками.

Лѣтомъ ловятъ рыбу сырпомъ, т. е. плавительной мережей, сажень въ 30 длины и отъ 3-хъ до 4-хъ ширины.

Рыболовство не такъ прибыльно, какъ лѣсные промысли.

Часть зырянъ занимается работами на Брусяной горѣ, гдѣ происходитъ выдѣлка точиль и брусьевъ. Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ объ этомъ г. Вологдинъ. Брусаяная гора, находящаяся недалеко отъ Печоры, подарена Михаиломъ Ѳеодоровичемъ (царемъ) крестьянамъ Печерской и Устьсысольской волостей. Крестьяне сами не могли производить разработки и отдали гору въ аренду за 2¹/₂ тысячи въ годъ частному лицу. Арендаторъ-же получалъ чистаго барыша 12,000 въ годъ. Черезъ 12 лѣтъ кончился срокъ аренды. Гора перешла къ новому лицу, который сталъ уплачивать крестьянамъ 11,000 въ годъ. Но тутъ, рассказываетъ Вологдинъ, неожиданно сложившіяся обстоятельства обратили доходы съ Брусяной горы изъ частныхъ рукъ на пользу крестьянъ. Одинъ изъ мѣстныхъ лѣсничихъ заявилъ, что крестьяне не по праву владѣютъ непринадлежащею имъ горою Воей (Брусаяная гора — собственно 2 горы: Соплясь и Войя). Новый арендаторъ, испугавшись такого оборота дѣлъ, нарушилъ условіе и предъявилъ къ крестьянамъ искъ. Сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ; горы остались въ

ихъ владѣніи и они сами стали эксплуатировать ихъ. Работа на горахъ тяжелая. Воздухъ пропитанъ бруссяною пылью, отчего почти всѣ рабочіе страдаютъ глазами. Брусся и точила отправляются преимущественно въ Пермскую губернію.

Съ недавняго времени — закрытые было — желѣзодѣлательные и чугуноплавленные заводы вновь пущены въ ходъ, и на нихъ работаютъ зыряне.

Вымскіе обитатели съ выгодною занимаются рубкою и доставкой дровъ на Сереговскій солеваренный заводъ.

Еще большую прибыль доставляютъ зырянамъ судостроеніе, нагрузка и сплавъ дровъ; самые бѣдные зыряне бурлачатъ.

Смолокурение, гонка дегтя и пр. — все это могло бы приносить огромныя выгоды населенію края, но все это неразвито, какъ неразвита и ремесленная промышленность.

Зырянинъ не умѣетъ дѣлать ничего, кромѣ нехитрыхъ подѣлокъ для дома. Приготавливаются вещицки изъ домоника, но — какая это промышленность на нѣсколько же рублей!

Я забылъ сказать, что зыряне на заводахъ являются преимущественно въ качествѣ рудокоповъ и углежegovъ. Рудокопъ получаетъ въ день 40 коп., женщина — 20. Работа — съ ноября до апрѣля. Закончу рѣчь о заводахъ картинкой, нарисованной рукою туриста, посѣтившаго Ньюфчимскій заводъ.

Между хижинами заводскихъ рабочихъ и заводомъ разстилается большая площадь и на ней стоитъ убогая церковь. Вокругъ нея на погостѣ, вдоль ограды,

растутъ березы, сосны и величаво высятся темнозеленые, развѣсистые кедры. Хороши эти кедры... Вдали блеститъ озеро; кругомъ зелень, могилы да церковь; надъ головой небо. Болѣе — ничего не видать. Тихо, людской гамъ сюда не долетаетъ, лишь смутно доносится гулъ съ запруды. Церковь такъ бѣдна, что старается выручать себѣ деньгу на всемъ, чѣмъ можетъ. Напримѣръ, шишки съ кладбищенскихъ кедровъ продаются крестьянами въ пользу церкви. На самомъ берегу озера, около плотины, стоитъ домъ управляющаго съ садомъ. Въ озерѣ отличное купанье, а вокругъ завода со всѣхъ сторонъ темнѣютъ лѣса.

Зырянъ можно встрѣтить и въ Петербургѣ. Лучшая прислуга — зыряне. Они-же и хорошіе работники въ типографіяхъ.

Но зырянину дорога — своя керка. Онъ уходитъ по нуждѣ далеко, но при первой возможности спѣшить на родину. Зыряне — едва-ли не самые крѣпкіе націоналисты.

XXVII.

Алтайскіе языки и ихъ характеристика. — Зырянскій языкъ и его нарѣчіе. — Бѣдность зырянскаго языка. — Его благозвучіе. — Народная поэзія. — Пѣсни. — Образцы зырянскаго словеснаго творчества. — Диковинка зырянскаго слова. — Преданіе и сказки. — Загадки.

Извѣстный изслѣдователь зырянскаго края, Куратовъ, характеризуетъ такъ алтайскіе языки, къ числу которыхъ относится и зырянскій: «Корень и форма словъ

имѣютъ самую слабую связь, такъ-что окончанія падежей могутъ быть рассматриваемы, какъ особыя, самостоятельныя слова: строеніе рѣчи однообразно, при большемъ или меньшемъ разнообразіи корней и формъ; измѣненія же формы разнообразны, но просты, и потому каждое нарѣчіе имѣетъ одно склоненіе и одно спряженіе; союзовъ не много, родовъ нѣтъ; при количественныхъ числительныхъ предметы ставятся въ единственномъ числѣ; языкъ богатъ производными глаголами и именами. Говоря собственно о зырянскомъ языкѣ, нужно замѣтить, что формы глаголовъ неимоверно богаты, такъ-что даже частица отрицанія спрягается по временамъ, числамъ и лицамъ» («Зырянскій языкъ», Куратова, Вологодск. губ. Вѣд. 1865 г.).

Зырянскій языкъ распадается на шесть нарѣчій: 1) сысольское, — имъ говоритъ 19.000 человѣкъ; 2) печерское — 2 тысячи человѣкъ; 3) ижемское — 7.000 человѣкъ; 4) удорское — 10.000 человѣкъ; 5) вычегодское — 27.000 человѣкъ и 6) лузское — 5.000 человѣкъ; центральнымъ считается сысольское.

Зырянскій языкъ бѣденъ словами, такъ-что хотя и находятся люди, которые навязываютъ ему не принадлежащее богатство, но они глубоко ошибаются, довѣряя лексикографамъ, которые сами изобрѣли большую часть словъ. Это изобрѣтеніе нельзя назвать удачнымъ, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго слова, превратно понимаемаго зырянами: лексикографы изобрѣли слово *йень готыръ*, — но это не богиня по-зырянски, а жена бога, божья жена.

Нѣкоторые считаютъ зырянскій языкъ благозвучнымъ, другіе же — совершенно напротивъ. Представи-

тель первыхъ, г. Кичинъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ даже слѣдующее стихотвореніе:

Шонды баной
Буръ таланой.
Муси, мича нывъ
Ошкомъ окты
Зонмосъ йокты
Вильша сыравъ сывъ!
Юрась думсо
Вомась юмсо
Пэткодъ томъ мортлысь
Медъ тэ борысь
Гажма порысь
Сьоломъ гажо дысь!
Югыть Шонды
Долодъ Шонды
Ставъ енвел-тувъ со
Мичиныла,
Мытсьывъ миы
Кокныдь Олөмсо.

Предоставляемъ судить читателямъ о благозвучіи языка по этому образцу. Отъ себя мы прибавимъ только, что эта пѣсня есть произведеніе интеллигентнаго зырянина.

Мнѣніе противоположное обыкновенно основывается ими на предубѣжденіи, что у грубаго народа грубый языкъ, или вытекаетъ изъ того, что судятъ объ языкѣ не по живому говору, а на основаніи книгъ, въ которыхъ зырянскіе звуки передаются русскими буквами, между тѣмъ какъ эти послѣднія очень трудно примѣ-

нимы къ зырянскимъ звукамъ: есть много словъ, которыхъ почти невозможно выговорить по печатному, напр.: додтчзь, чжачьжъ, дрзынъ, а все это въ устахъ зырянина очень удобно.

Когда-то утверждали, что зырянской поэзіи нѣтъ. Конечно, это не правда, и совершенно вѣрно говоритъ латинская пословица: гдѣ народъ, тамъ и поэзія; однако до сихъ поръ произведенія зырянской народной словесности почти неизвѣстны, за исключеніемъ 2 — 3-хъ пѣсенъ, которыя я и приведу сейчасъ въ своемъ переводѣ, оговорясь, что третья изъ нихъ, должно быть, искусственнаго происхожденія:

I.

Пѣсня охотника.

Пробудясь сегодня
Утромъ, при восходѣ
Солнца,
Я взглянулъ въ оконце
Узкаго пывзана
И тебя припомнилъ,
Одэ!
Вспомнилъ я деревню,
Вспомнилъ слезы, ласки, —
Одэ...
Скрылась ты въ народъ,
Но твои за мною
Изъ толпы слѣдили
Глазки.
Я лицо и руки

Освѣжу водою,
Богу

Помолюсь, въ дорогу
Полечу на лыжахъ,
По густому насту, —
Къ бою!

Обгоню оленя,
Выстрѣлъ будетъ мѣтокъ —
Въ птицу. —

Хитрую лисицу
Обойду обманомъ:
Украду у бурой
Дѣтокъ!

Гдѣ бы ни ходилъ я
Днемъ иль среди ночи,
Знаю —

Счастье повстрѣчаю:
Потому что всюду
Свѣтятъ ярко милой
Очи!

Скоро я вернуся
И, при всемъ народѣ,
Брату

Объявлю, что въ хату
Я ввожу хозяйку,
А хозяйкѣ имя
Одэ!

Въ мѣхъ тебя лисичій,
Одэ, я одѣну, —
Хату

Уберу богато
Сободемъ пушистымъ,
Уркой — всю завѣшу
Стѣну!

II.

Красавица и бѣднякъ.

Ты, что жгуче солнца,
Ты, что звѣздъ свѣтлѣе,
Всѣхъ дѣвицъ на свѣтѣ
Краше и милѣе,
Полюби меня, за меня иди!

«Ни за что во вѣкъ
«Не пойду, не жди!»
— Отчего же такъ?
Молвь, красавица!
«Да глаза твои
«Мнѣ не нравятся.»

— Ты, чей звонкой пташки
Чище, слаще голосъ,
Мягче льна и шелка
Темнорусый волосъ;
Полюби меня, за меня иди!

«Не пойду во вѣкъ,
«Не проси, не жди!»
— Что же такъ? другой
Приглянулся хватъ?

«Нѣтъ, пока еще
«Только ты горбать!»
— Эхъ, красавица,
Я трудами жилъ,
Оттого и горбъ
Я себѣ нажилъ.

Полюби меня, за меня иди!

«Ни за что во вѣкъ,
«Не проси, не жди!»

— Ты, которой очи
Каждого плѣняютъ,
Ты, чьи подѣлуи
Сильныхъ опьяняютъ,
Полюби меня, за меня иди!

«Не пойду, оставь,
«Не проси, не жди!»

— Отчего же такъ?
Не обидь, скажи!
«Гдѣ же домъ и дворъ
«У тебя? — кажи!
«Всю-то жизнь свою
«Ты въ трудахъ прожилъ;
«Гдѣ же деньги тѣ,
«Что трудомъ скопилъ?»
— Ахъ, красавица,
Всѣ истрачены:
Ими подати
Были плачены.

Парень честный я,
Свѣтъ-красавица,
А не плуть, не воръ
И не пьяница.

Полюби-жь меня, за меня иди!

«Не пойду во вѣкъ,
«Не проси, не жди!
«Ты не пьяница
«И не плуть, не воръ,
«Только нищимъ ты
«Смотришь до сихъ поръ,
«Голосъ звонокъ мой
«И густа коса,
«Нѣги грудь полна
«И огня глаза,
«Но достанусь я —
«Заруби себѣ —
«Не прохожему *)
«И горбтому,
«А пригожему
«И богатому.»

III.

Деревенской красавицѣ.

Ты красивѣй всѣхъ дѣвицъ,
Ты царица изъ царицъ,
Изо всѣхъ подругъ пригляднѣй!

*) Русское слово *прохожий* употребляется зырянами въ смыслѣ безвѣстнаго, худороднаго.

Мягокъ волосъ, пылокъ взглядъ,
И твой будничнѣй нарядъ —
Лучшихъ, праздничныхъ — наряднѣй

Посмотри-ка, за тобой
Ходятъ парни всѣ толпой —
Пой же пѣсню веселѣе!

Пусть отъ пѣсни свѣтъ-дѣвицы,
Пусть отъ взгляда чаровницы
Будутъ всѣ вина пьянѣе!

Пусть не только молодые,
Но и старые, сѣдые,
Что одной ногой въ могилахъ,

Ощущаютъ въ тѣлѣ сладость,
Въ сердцѣ старомъ пылъ и радость,
И кипѣнье крови въ жилахъ.

Кромѣ этихъ пѣсенъ, есть еще двѣ піесы, которыя нельзя назвать пѣснями, потому что онѣ не поются, и которыя не сказки — какъ находятъ многіе, — потому что содержаніе ихъ вовсе не сказочное. Вотъ буквальный переводъ первой піесы:

Рой, Рой! куда ходилъ? — Лошадь искать.
Какая у тебя лошадь? — Пятнолобая.
Рой, Рой? куда ходилъ? — Корову искать.

Какая у тебя корова? — Широколобая.

Рой, Рой! куда ходилъ? — Овцу искать.

Какая у тебя овца? — Жирная.

Рой, Рой! куда ходилъ? — Барана искать.

Какой у тебя баранъ? — Золоторогій.

Рой, Рой! куда ходилъ? — Свинью искать.

Какая у тебя свинья? — Съ золотою щетиной.

.

Рой, Рой! куда ходилъ? — Жену искать.

Какая у тебя жена? — Темнорусая въ красномъ сарафанѣ.

Эта піеса изображаетъ зырянина богатаго, у котораго домъ — полная чаша. Вторая же піеса, начинающаяся по-зырянски: «Чуръ бѣжъ ныла» — описываетъ безпріютнаго, забитаго бобыля. Вотъ отрывокъ изъ нея, написанный въ формѣ діалога.

Дѣвица. Очень далеко отъ тебя за сѣномъ ходить.

Бобыль. У меня путь за сѣномъ около болота, гдѣ кокаютъ куропатки.

Дѣвица. Далеко отъ тебя за водой ходить.

Бобыль. Отъ меня за водой ходить къ ручейку, гдѣ рябчики посвистываютъ.

Дѣвица. Да у тебя изба не покрыта.

Бобыль. У меня изба толстымъ облакомъ покрыта.

Дѣвица. И огороды у тебя совсѣмъ не забраны.

Бобыль. У меня огороды вѣтромъ забраны.

Дѣвица. А я умру.

Бобыль. Такъ не всѣ же дѣвицы умрутъ съ тобою.

Зырянами поются иногда и такія вещи, которыя не понятны ни имъ, ни русскимъ и лишены всякаго смысла, напр.:

Модла полинъ
Панъ чинасе
Кодъ панъ?
Ліокъ панъ.
Кодъ ліокъ?
Бизимъ ліокъ и т. д.

Преданій историческаго содержанія очень мало, и всѣ они относятся къ древнимъ временамъ (о Ягъ-Мортъ и др.) и связаны обыкновенно съ рѣками или лѣсомъ. Зыряне очень любятъ сказки и слушаютъ русскихъ рассказчиковъ съ большимъ удовольствіемъ. Собственно зырянскихъ сказокъ — нѣтъ; онѣ переняты отъ русскихъ, самая манера рассказывать русская, и онѣ носятъ на себѣ лишь незначительный зырянскій оттѣнокъ, который выражается въ томъ, что въ зырянскихъ сказкахъ никогда не дѣйствуетъ человѣкъ, а только звѣри и птицы. Но за то у зырянъ не мало загадокъ. Приведу для образца нѣсколько.

1) «Кузь, кузь мужикъ, да порсьлышетъ эдзизъ озъ», — великъ великъ мужикъ, а свиньѣ до лодыжки не достанетъ. Отгадка — дорога.

2) «Пуюра, кудель кынома, изъ кѡка», — деревянная голова, кудельное брюхо, каменные ноги. Отгадка — неводъ.

3) «Быдъ кэркаынъ летемъ вурынъ», — во всякой избѣ есть битая шерсть. Отгадка — дымъ.

4) «Энъ колѡ гѡдѡръ, адзянъ, а юръ гѡгѡръ отъ адзи», — все данное Богомъ видитъ, а головы своей не видитъ. Отгадка — глаза и т. д.

Зыряне любятъ пѣть, но мотивы ихъ пѣсенъ заурывны.

XXVIII.

Послѣдніе дни лѣсованья. — Обратный путь. — Въ деревнѣ.

Однообразно, одинъ день за другимъ, тянулось время на охотѣ. Бились бѣлки, двѣ лисицы попало... Весь день — въ лѣсу, и только на ночь въ пивзанѣ. Раздѣвнутся, снимутъ даже нижнее бѣлье и такъ до утра. Огонь пылаетъ въ каменкѣ, ужинъ сытный: щи, каша, хлѣбъ, поджаренный въ маслѣ...

Послѣ ужина — за сдираніе шкурокъ... Всѣ дѣломъ заняты, а я сижу да скучаю...

— Помогъ бы, ась? скажетъ кто-нибудь.

— То оно и есть...

— Гляди, поможетъ!...

— Уважить онъ тебя, и лихо....

И захохочутъ.

Умѣнье надо сдирать шкуру, а то всю испортишь. Я попробовалъ было разъ, да неудачно. Другой разъ — тоже. И бросилъ. Научиться не скоро можно, «свечка» требуется, а развѣ выгодно было бы для охотниковъ «мое ученье» надъ ихъ «добромъ»?

— Сиди ужъ да гляди!...

Ну, и глядѣлъ... А глядѣть-то нечего — скука забирала меня ужасная... И спалось-то въ жарѣ такой не особенно хорошо...

Порядкомъ таки стало надоѣдать мнѣ «лѣсованье».

Наступилъ ноябрь... Еще все же около мѣсяца оставалось до конца... Винтовки въ отставку пошли на охотѣ, бѣлку стали ловить капканами. Произошло

это вслѣдствіе глубоко выпавшаго снѣга. Собака и винтовка на отдыхъ, капканъ и лыжи въ дѣло. Капканы разставлялись верстъ на 15 и даже 20—25. Въ каждый капканъ приманка клалась. Для приманки употреблялись красножелтые грибки, растущіе въ изобиліи на мхахъ. Разумѣется, ими запасаются во время, ибо не зимою же ихъ можно найти. Бѣлка любитъ ихъ и идетъ на такую приманку охотно...

А время шло да шло... Приближался конецъ лѣсованью... Былъ близокъ декабрь — пора, когда въ деревни наѣзжаютъ скупщики «звѣря и птицы»; надо домой!

И вотъ послѣ одного дневнаго лѣсованья — собрались въ пывзанъ на совѣтъ — когда выступать въ обратный путь? Осмотрѣли провизію, сдѣлали необходимый расчетъ и постановили: сняться въ обратный путь черезъ три дня. Разумѣется, утромъ. Это ужъ по обычаю. О такомъ рѣшеніи дано знать въ ближайшій пывзанъ. У зырянъ ужъ таково обыкновеніе: передъ отправленіемъ обратно домой они обходятъ пывзаны, для оповѣщенія другихъ промышленниковъ о своемъ намѣреніи, при чемъ обозначается и самый день отправки.

Пошли сборы и приготовленія къ отъѣзду. Укладывалась добыча на нарты. Убирались охотничьи принадлежности.

Свѣжимъ декабрьскимъ утромъ мы выступили въ обратный путь. Съ нами соединился сосѣдній пывзанъ, и мы тронулись большою толпой. Передній зырянинъ на лыжахъ и на «легкѣ» прокладывалъ тропу, пробивая «цѣликъ»; по его «лыжицѣ», т. е. слѣду, проложен-

ному лыжами — слѣдовали мы съ ношами. Задніе везли нарты съ добычею, а собаки замыкали шествіе. Описывать путешествіе нечего: шли мы днемъ, а ночью отдыхали, останавливаясь для ночлега или въ банькѣ, если случалась на пути таковая, — а то и прямо подъ открытымъ небомъ, устраивая шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей, какъ уже было описано мною въ одной изъ предъидущихъ главъ.

— На второе-то лѣсованье не пойдешь? спросилъ меня одинъ изъ охотниковъ.

— Нѣтъ ужъ...

— Жаль.

— А что?

— Потому — интересно...

— Такъ же, какъ и теперь, думаю?

— Ну, нѣтъ!

— Развѣ?

— Какъ можно! И сравненья нѣтъ... Особливо для тебя бы... На оленя занятіе будетъ...

— Гоньбой на него, добавилъ сосѣдъ.

Олень животное семейное. Онъ не ходитъ одинъ, но постоянно парой (съ самкой), а если есть дѣти, то и съ ними. Бываетъ и такъ, что нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ этихъ животныхъ можно назвать ихъ привычку ходить по тропамъ, по однимъ и тѣмъ же проложеннымъ тропамъ. По какой тропѣ ходили олени лѣтомъ, по той же ходятъ и осенью, такъ что снѣгъ, падающій передъ наступленіемъ зимы, постоянно утаптывается ими, и проложенная тропа остается наконецъ

единственнымъ путемъ среди рыхлой глубины снѣговъ, гдѣ для оленя нѣтъ ни входа, ни выхода.

— За оленемъ ходить занятно, — промолвилъ Пэ-тырь.

— И не легко, думаю? добавилъ я.

— Это такъ! Ногамъ достается порядкомъ.

— А все-таки весело?

— Весело.... А ужъ и устанешь!... Вернешься въ баню къ ночевкѣ — радъ отдыху, словно свѣтлому праздничку.

— Вотъ какъ!

— Да-а... Ногамъ — работа... Гоньба вѣдь!...

— А какъ же именно охотятся? спросилъ я.

— На оленя-то?... А вотъ какъ... Охотятся «группно»... такъ 10 человѣкъ къ примѣру...

— На лыжахъ?

— На лыжахъ, понятно!... Безъ лыжъ рази лъзя?

— Ну, хорошо... рассказывай!

— Вотъ человѣкъ десять, говорю... И встанутъ они у тропы на лыжахъ...

— Всѣ въ одномъ мѣстѣ?

— Ну, какъ это можно, зачѣмъ вмѣстѣхъ...

— Порознь?

— Другъ отъ дружки раздѣльно.

— И далеко одинъ отъ другаго?

— Да на голосъ.

— Какъ это на голосъ?

— Такъ, чтобы слышенъ былъ окликъ, какъ голосъ подать можно... понялъ?

— Понимаю... ну?

— Вотъ станутъ такъ — и ждутъ оленя... Хорошо...

Идутъ олешки. Первый охотникъ пропускаетъ ихъ и сейчасъ становится на тропу, крича всѣмъ прочимъ, чтобы и тѣ тоже становились на тропу. Олень спужается и — въ сторону. А тамъ снѣгъ... Оленя-то онъ не держитъ.. Олешка проваливается... бьется... Ногами и грудью въ снѣгу бьется...

— И падаетъ?

— Нѣтъ... гдѣ же сразу!... Онъ бѣжитъ — кое-какъ, съ трудомъ, а все же бѣжитъ — за нимъ и остальные... Бѣжать по снѣгу трудно, и скоро передовой олень выбивается изъ силы. Онъ устаетъ, а второй дѣлается передовымъ и кладетъ тропу. Устаетъ второй — третій... Олени томятся, а охотники не даютъ имъ здоху, несутся на лыжахъ и гонятъ рогатыхъ...

— Вѣдь и охотникамъ тяжело?

— Извѣстно... Особливо въ одежѣ... Такъ ее они сбрасываютъ и чуть не въ рубашкѣ одной гонятъ подъ конецъ звѣря...

— А какъ же одежда?

— Ее ужъ подбираютъ задніе товарищи... ну, а звѣрьва бѣжитъ... Все тише, тише... Скачки слабже... Нѣсколько охотниковъ успѣваютъ обѣжать его и стрѣляютъ... передовой падаетъ, другіе бѣгутъ, но не долго... падаетъ еще, еще... всѣ приходятъ въ смятеніе... едва ноги двигаютъ... И вотъ начинается стрѣльба.....

— И всегда такъ охотятся на оленей?

— Да, до Благовѣщенья... и чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ удачнѣе гоньба. Настъ дѣлается твердымъ — и за оленемъ ходить еще легче: кора снѣга леденѣетъ,

задерживаетъ выдергиваніе ногъ, рѣжетъ грудь звѣрю и до крови его измучиваетъ.....

Такъ кончилъ свой рассказъ Пэтырь.

Къ ночи на 16-го декабря — мы были уже дома...

— А что, какъ охота? встрѣтили насъ.

— Ничего... а у васъ здѣсь какъ?

— Скупщики ужъ наѣхали и ждутъ...

XXIX.

Праздники. — Бракъ. — Стѣздъ. — Столица «Зыряндинъ». —
Сѣверное сіяніе. — Послѣднее слово.

Я предполагалъ остаться въ деревнѣ, чтобы провести праздники и присутствовать на свадьбѣ Пэтыря. Но болѣзнь помѣшала этому. Вѣроятно, я простудился въ лѣсованьи. — Совѣтовали мнѣ больную ногу лечить «по-зырянски», но я не рѣшился и поспѣшилъ уѣхать отъ гостепріимныхъ хозяевъ, чтобы леченіемъ у опытнаго врача захватить болѣзнь во-время.

Но я бы пропустилъ очень интересную страничку изъ зырянскаго быта, если бы вовсе обошелъ праздники и браки. — Сообщу, что знаю объ этомъ самъ и кромѣ того воспользуюсь данными изъ статьи «Обычаи ношкульскихъ зырянъ» и свадебными пѣснями изъ прекраснаго, художественнаго рассказа Ф. А. Арсеньева — «Ляйкодъжъ».

Зыряне справляютъ праздники храмовые (т. е. приходскіе) и годовые — Пасху, Рождество, Масля-

ницу, Троицу, Стефановъ день и др. Въ каждой церкѣ — варится пиво, покупается водка... Приглашаются родные, знакомые. Въ храмовые праздники — кто ни придетъ — всякій гость. Деревни отгащиваются другъ у дружки. Пива выпивается безчисленное количество... Пѣсни, крикъ... Молчаливый, угрюмый и во многомъ симпатичный коми-мортъ — тутъ измѣняется. Пьяный зырянинъ проявляетъ большую склонность къ дракамъ. Вотъ идутъ два закодычные друга. Цѣлуются и увѣряютъ, что готовы — въ огонь и въ воду другъ за друга. Но вдругъ одинъ вспомнилъ, что собака другаго на охотѣ съѣла его рябчика. Начинается споръ, — онъ переходитъ въ брань, и завершается все дракой. Она продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ не свалится. Тогда побѣдитель поднимаетъ упавшаго; бойцы цѣлуются и идутъ дальше... Пьютъ не только мужчины, но и дѣвицы; однако справедливость требуетъ прибавить, что зырянинъ ни за что не дотронется до водки и пива, пока не отойдетъ обѣдня. Готовятся къ празднику — баней, встрѣчается онъ въ церкви или молитвой дома, и уже только послѣ обѣдни начинается пьянство...

На масляной недѣлѣ зыряне любятъ кататься съ горъ, попарно: парень держитъ дѣвицу на колѣняхъ и править санями. Также существуетъ обычай кататься на шестахъ: утверждаютъ въ наклонномъ положеніи два обледенѣлые шеста съ площадкою, на одинъ изъ нихъ становится парень, на другой дѣвица, берутъ другъ друга за руки и скатываются на ногахъ...

Зимою вообще въ обыкновеніи — *Койтаны* — посидѣлки.

Зыряне рѣдко женятся моложе 23 — 24 лѣтъ. Сва-

дебные обряды имѣютъ много общаго съ русскими, хотя и не лишены особенностей. Объясненіе въ любви и, такъ сказать, проба сватовства черезъ платокъ (о чемъ я уже упоминалъ) хотя и выводится, но еще распространено сильно... Чтобы дать понятіе о свадебныхъ обычаяхъ, я приведу отрывокъ изъ статьи неизвѣстнаго автора, который говоритъ: «задумавъ женить сына, родители посылаютъ свата или сваху, испросивъ прежде всего благословеніе священника (духовенство пользуется большимъ уваженіемъ у зырянъ). Родители неvěсты, въ случаѣ, если имъ нравится партія, отвѣчаютъ, что имъ нужно подумать и отлагаютъ отвѣтъ на извѣстный срокъ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы имѣть время приготовиться къ принятію гостей. По истеченіи срока пріѣзжаютъ въ домъ неvěсты: женихъ, его родители и родственники, свать и сваха, и привозятъ съ собою вино и пиво; съ неvěстиной же стороны готовится обѣдъ. Это помолвка. Потомъ опять священникъ назначаетъ день свадьбы. Наканунъ свадьбы женихъ ѣздитъ собирать поѣзжанъ по своему и другимъ селеніямъ, верхомъ, въ праздничномъ нарядѣ, привязывая по два колокольчика къ стремянамъ и по одному къ ушамъ лошади. Утромъ, въ день свадьбы, когда всѣ въ домѣ проснутся, неvěста обращается къ брату и сестрѣ (или къ подставнымъ), проситъ перваго дать ей умыться, а у послѣдней — полотенце. Одѣвшись, она садится у стола на лавку, причитая, что послѣдній день сидитъ она въ родительскомъ домѣ. Пріѣзжаютъ женихъ и поѣзжане. Запираются двери въ избѣ и даже въ сѣняхъ и пріѣхавшихъ спрашиваютъ: «есть-ли у васъ вино? Нѣтъ, такъ сиди на крыльцѣ; сусло въ

печи!» Послѣ отвѣта: «есть!» двери отворяются, пріѣхавшіе входятъ и становятся посреди избы. Тогда мать неvěсты, показывая на нее, говоритъ жениху: «на, вотъ! поѣ, корми: хотъ вѣкъ не держи!» а между тѣмъ сажаетъ ее на заранѣе приготовленную скамейку. — Женихъ подходитъ къ неvěстѣ, чтобы ее поцѣловать; но та увертывается. Когда же достигнетъ цѣли, она встаетъ, а поѣзжане скачутъ на скамейку и ломаютъ ее съ крикомъ: «Наша взяла!» Затѣмъ пьютъ привезенное вино и отправляются къ вѣнцу. На пути въ церковь, и подъ вѣнцомъ, неvěста должна плакать, чтобы не дать повода къ нареканіямъ и дурнымъ толкамъ о ея умѣ и поведеніи. Отъ вѣнца ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ и пируютъ нѣсколько дней, смотря по состоянію новобрачныхъ».

Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ зырянскаго края, а именно въ Яренскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Аврамова, свадьбы играютъ слѣдующимъ образомъ:

«Намѣтивъ неvěсту, засылаютъ въ домъ ея сваху. Отецъ избранной, поблагодаривъ за честь, отлагаетъ отвѣтъ на извѣстное время, чтобы развѣдать стороною о личности жениха, и о его состояніи. Наведя справки, онъ или соглашается вступить въ подробные переговоры и назначаетъ день, когда самъ лично явится для осмотра хозяйства жениха, или отказывается подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ, напр. что дочь его молода, что она еще нужна для дома и т. п. Когда же все устроится и старики согласятся о приданомъ, назначается день для формальныхъ сговоровъ, а потомъ и для свадьбы. Между тѣмъ въ домѣ неvěсты идутъ приготовленія къ свадьбѣ: къ ней каждый день

собираются подружки для того, чтобы готовить приданое. Сама же она съ причетами оплакивает родительскій домъ и свою дѣвичью косу, причемъ размахиваетъ нарочно приготовленною косою изъ кудели. Если неvěста не мастерица на причеты, или ей худо плачется, то вмѣсто нея причитають опытныя стороннія вдовы и женщины. Навѣщающія въ это время неvěсту подружки ея *отпѣваютъ*, т. е. поютъ въ честь посѣтителей припѣвы, за что тѣ дарятъ деньги. Щедрыхъ благодарятъ хвалебными особыми пѣснями, а скупыхъ провожаютъ насмѣшками. — Въ сговоры происходитъ *рукобитіе* и раздача даровъ жениху и его родственникамъ, а наканунѣ свадьбы—игры между подругами неvěсты и пріятелями жениха. Изъ за даровъ не рѣдко встрѣчаются ссоры, такъ какъ родственники жениха, по большей части, остаются ими недовольны. Поэтому иногда заблаговременно условливаются кому и что дарить. Жениху дарится рубашка; свекру, свекрови и другимъ—бумажные платки разной цѣны. За подарки обыкновенно отдариваютъ деньгами, но всегда скупно. — Той порой въ домъ жениха варится пиво и готовится свадебный пиръ. Туда, въ день свадьбы, собираются гости и вмѣстѣ съ женихомъ отправляются къ неvěстѣ. Съ обѣихъ сторонъ назначаются «дружки», которые обязаны вести переговоры съ духовными и распоряжаться поѣздомъ и пиршествомъ. Они ѣдутъ въ церковь верхомъ съ перевязаннымъ черезъ плечо бѣлымъ полотенцемъ.—Неvěсту везутъ покрытую фатой. Она хлопаетъ руками по колѣнямъ и жалобно поетъ по зырянски:

Спасъ и Пречистая благословите!
Боже, благослови
Полною житницей!
Отецъ, благослови
Полной побирушкой хлѣба!
Небо, благослови
Зеленою травою!
Вода, благослови
Рыбою живою!
Лѣса, благословите
Птицею лѣсною!

Помолчавъ минутъ десять, продолжаетъ

По божью я сидѣла
На чистомъ полѣ;
По людскому сидѣла
На зеленомъ мѣстѣ;
Подъ ногами, какъ сидѣла,
Помость былъ...
Большимъ камнемъ сидѣла
Не двигаясь;
Смолянымъ пнемъ сидѣла —
Не отрываясь;
Охъ, не хотѣла бы во вѣкъ
Отрываться!
Желѣзный ломъ меня
Не выворотилъ-бы!
Человѣкъ — отцовскій сынъ
На домъ пришелъ;
Его мягкій языкъ
Приподнялъ меня!

Когда поѣздъ приближается къ самой церкви, не-
вѣста поетъ опять и еще жалобнѣе:

Я надъ омутомъ сижу,
Держусь крѣпко;
Я, какъ ель — сижу
Почернѣвши;
Какъ береза сижу
Побѣлѣвши;
Какъ осина сижу —
Пожелтѣвши;
Какъ сосна сижу —
Растрепавъ вѣтви.
Ой, въ сегодняшній день
Дерево согнулось
А согнувшись — оно
Затрещало, —
Затрещало оно
И сломилось;
Ой, въ сегодняшній день
Воля дѣвичья пропала,
Красно солнышко —
Воля дѣвичья!... и пр.

Свадьба ѣдетъ непременно съ колокольчиками. Въ
иныхъ мѣстахъ въ это время палятъ изъ ружей. Подъ
ѣнцомъ невеста стоитъ съ распущенными волосами,
которые послѣ вѣнчанія, въ знакъ выхода замужъ, за-
плетаются въ двѣ косы. Подъ ноги молодымъ кладутъ
или небольшой конецъ холста или пару красныхъ шер-
стяныхъ поясковъ. — Изъ церкви отправляются въ домъ

жениха, гдѣ и начиается пированье, продолжающееся дня два или три».

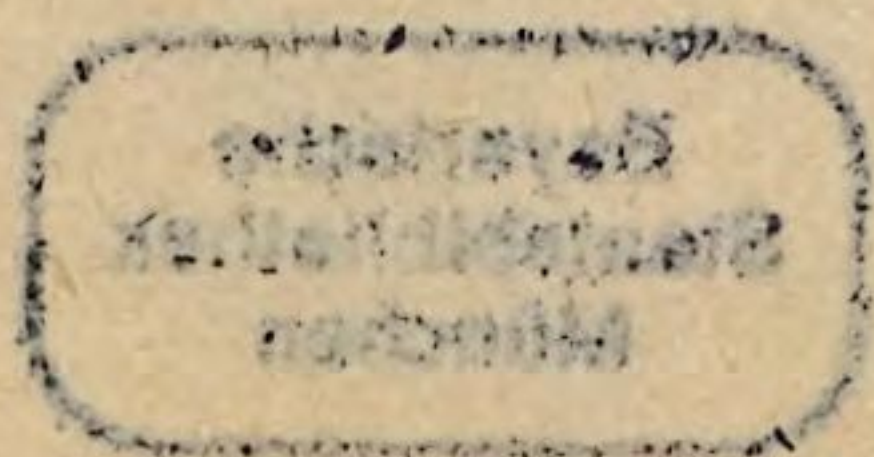
Свадебная пѣсня, только что приведенная выше — поется не въ однѣхъ деревняхъ, но и въ городѣ, даже въ столицѣ «Зыряндіи» — Устьсысольскѣ, или по-зырянски въ Сыктылдинѣ. Кстати два слова объ этомъ городѣ. Въ немъ считается около 4,000 жителей, причемъ кушцы и мѣщане — зыряне. Званіе города Сыктылдинъ получилъ въ 1780 г., и состоитъ изъ нѣсколькихъ мѣстностей, бывшихъ когда-то деревнями и доселѣ носящими прежнія названія: — Микულъ-сыктъ — Миколова деревня и пр... Разсказывая объ Устьсысольскѣ, г. Вологдинъ между прочимъ пишетъ: «хотя здѣсь и существуетъ уѣздный судъ, казначейство, полицейское управленіе, почтовая контора, даже женская прогимназія, — все-таки трудно помириться съ той мыслью, что это городъ, а не деревня».

Городъ дѣйствительно малъ, и его слободы обширнѣе его самого... Но надо отдать справедливость этой зырянской столицѣ: изъ всѣхъ городовъ Вологодской губерніи, она являлась всегда передовымъ постомъ въ дѣлѣ прогресса. Въ Устьсысольскѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ губерніи, было открыто училище для дѣвицъ (теперь прогимназія), библіотека. Здѣсь получается масса книгъ, журналовъ и газетъ. По волѣ разныхъ обстоятельствъ и благодаря счастливой случайности, здѣсь всегда образовывался кружокъ интеллигентныхъ лицъ. Поэтому всегда жилось весело; отсюда не разъ исходила инициатива какого нибудь хорошаго дѣла... И въ настоящее время въ Устьсысольскѣ общество прекрасное. Тамъ же живетъ, между про-

чимъ, и Ф. Арсеньевъ — видный общественный дѣятель, талантливый беллетристъ-этнографъ, не мало поработавшій на пользу губерніи вообще и зырянскаго края въ частности...

Однако, пора кончить.

Я выѣхалъ изъ деревни уже къ вечеру. Мятель и вьюга, свирѣпствовавшія наканунѣ, стихли. Подулъ сѣверный вѣтеръ, морозъ усилился, небо очистилось отъ облаковъ, сдѣлалось ясно, какъ лѣтнее безоблачное небо. Мириады звѣздъ блистали на немъ, полная луна освѣщала землю; ночь была свѣтла, какъ день. Термометръ, бывшій со мной, показывалъ 29°. Морозъ стучалъ своей невидимой рукой по деревьямъ, и ударъ за ударомъ разносился въ воздухъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ нашими санями и эхо далеко вторило наши шаги. Въ 10 часовъ вечера, прямо на сѣверномъ склонѣ горизонта образовалось шаровидное пространство блѣдно-бѣловатаго цвѣта. Оно то колебалось, трепетало, вспыхивало и погасало, то расширялось, уმაлялось, исчезало — и опять появлялось. Во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ оно было невыразимо чудно и вмѣстѣ такъ быстро, мгновенно, что глаза едва успѣвали слѣдить за его бѣглыми движеніями. Немного спустя отъ этой колыхавшейся массы блѣдновато-бѣлаго пространства — разостлались по голубому небу, въ видѣ широкихъ лентъ, бѣлыя, свѣтящіяся полосы, также колыхавшіяся, которыя, видимо пересѣкая другъ друга, вмигъ исчезали и показывались опять — то болѣе на сѣверномъ, то на восточномъ склонѣ горизонта. Небо, освѣщенное луною, будто растворялось при этомъ и рассыпало въ разныя стороны милліарды искръ. Къ полуночи сіяніе

повторилось . на всемъ протяженіи горизонта: бѣлыя полосы свѣта быстро разстилались по небу, обгоняли одна другую, пересѣкались, сливались, исчезали и опять являлись.

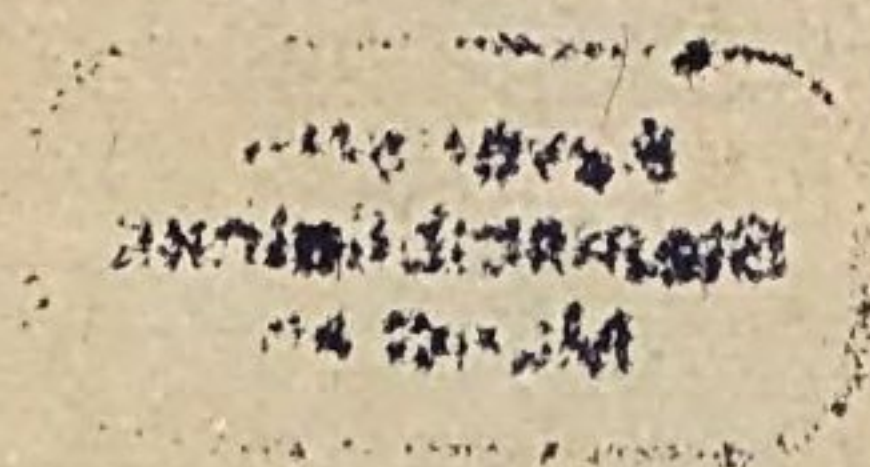
— Ишь, какъ сполохъ играетъ, замѣчалъ зырянинъ-возница...

Я любовался чудной картиной, — и думалъ о лѣсныхъ людяхъ, о бѣдномъ, глухомъ ихъ краѣ... Что его ждетъ въ будущемъ? Въ дебряхъ нѣкогда слово св. Стефана разрушило кумирницы, и Евангеліе — освѣтило мракъ языческаго міра... О, пусть же скорѣе свѣтъ знанія освѣтитъ теперь эти дебри, уничтожитъ суевѣрія, смягчитъ нравы и еще глубже, еще сознательнѣе укрѣпитъ въ душѣ грубаго, но честнаго «коми-морта» — святую истину божественной книги... Говорятъ, что при развитіи просвѣщенія — зырянскій народъ сольется съ русскимъ. Почему знать! А если бы и такъ? Я отъ души готовъ повторить вмѣстѣ съ г. К. Поповымъ: «пожелаемъ зырянамъ не скуднаго лишь матеріальнаго довольства, а всесторонняго развитія хотя бы и въ массѣ русскаго народа. Станемъ ожидать, что населеніе зырянскаго края въ какой бы народный цвѣтъ ни окрасилось со временемъ, когда нибудь будетъ считать въ своей средѣ не однихъ только «*мужиковъ*».

Иными словами: крѣпкая мускульная, физическая сила, одаренная богато природой и способная къ просвѣщенію — да явится и силой интеллектуальной на аренѣ общерусскаго развитія!

1883 г. Декабрь.

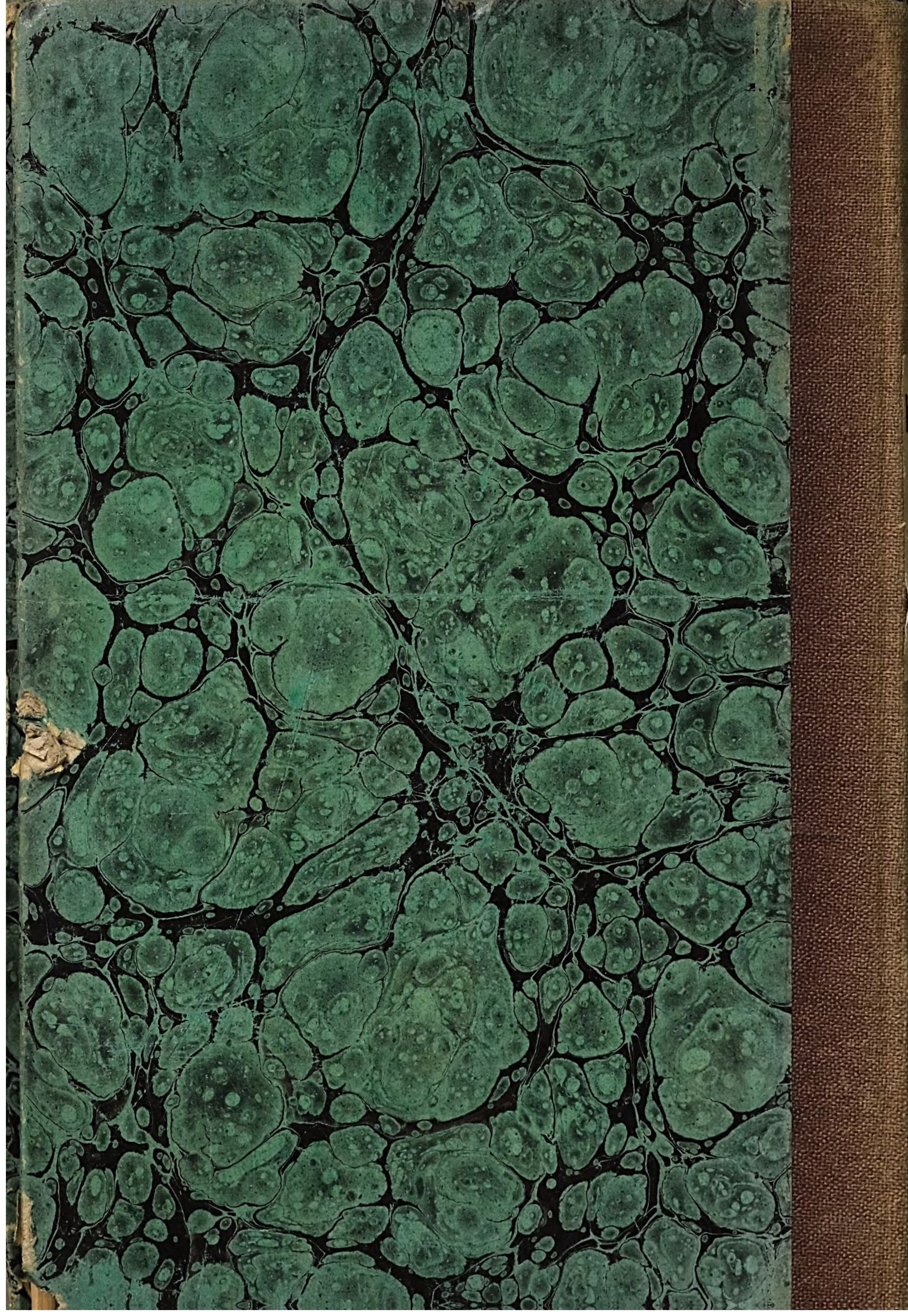
К О Н Е Ц Ъ.

1000
1000
1000
1000

10-1080/2

63865/c

Kruglov, Aleksandr Vasil'evič

Lěsnje ljudi Očerki i vpečatlěnija. <1883 g.>

S.-Peterburg 1887

P.o.russ. 106 i

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680384-0